

НАУЧНЫЙ ЭКСПЕРТ

Научный электронный журнал

ВЫПУСК

5

2008

Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

Научный эксперт

Ежемесячный научный электронный журнал

Мы представляем вашему вниманию электронный журнал, название которого полностью отражает его замысел.

Цели журнала:

- Консолидировать научно-экспертное сообщество с тем, чтобы способствовать развитию государства и укреплению государственной власти.
- Сделать проводимые исследования доступными для обсуждения в широком научно-экспертном сообществе и пригодными для использования в реальной государственно-управленческой практике.

Наш журнал ставит перед собой следующие задачи:

- Преодолеть междисциплинарные барьеры, которые мешают научно-экспертному сообществу.
- Преодолеть барьеры между академическим и прикладным знанием.
- Стать соединяющим звеном между научным сообществом и властью.
- Создать качественную и интересную площадку для дискуссии и обмена мнениями.

Журнал выходит ежемесячно и предназначен для академических исследователей, экспертов, методологов, практиков и теоретиков фундаментальных учений. Но не в меньшей степени «Научный эксперт» адресован тем, кто может на практике реализовать уникальные проекты, которые нередко рождаются в научно-экспертном сообществе и часто долгие годы хранятся в столе. Это государственные управленцы, депутаты и их помощники, представители парламентов, ведомств и министерств, а также публичные политики.

Мы приглашаем не только читателей, но и авторов. С правилами публикаций можно ознакомиться в соответствующем разделе. Также мы рады услышать ваши отзывы и предложения о том, как сделать журнал лучше.

Редакционная коллегия

- **Степан Степанович Сулакшин**
- **Анатолий Николаевич Чирва**
- **Вардан Эрнестович Багдасарян**
- **Александр Иванович Соловьев**
- **Анатолий Васильевич Дмитриев**
- **Борис Николаевич Порфирьев**
- **Максим Владимирович Вилисов**
- **Алексей Николаевич Тимченко**
- **Надежда Константиновна Пак**
- **Галина Ивановна Игнатенко**
выпускающий редактор

**Адрес редакции: 107078, Москва, Каланчевская ул., 15, подъезд 1, этаж 5.
Телефон/факс: (495) 981-5703, 981-5704, 981-5709.
E-mail: rusrand60@mail.ru**

СОДЕРЖАНИЕ

Внешняя политика

Ильин В. В.

СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО ДЛЯ РОССИИ.....	5
-----------------------------------	---

Финансовая политика

Гамза В.А.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ БАНКИ: МЕСТО И РОЛЬ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ.....	22
--	----

Законодательная политика

Погорелко М.Ю.

НОРМАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И ОСНОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОЛИТИК.....	29
---	----

Региональная политика

Вендина О.И.

ПРОТИВОРЕЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ. НОВЫЕ ВЫЗОВЫ – СТАРЫЕ РЕШЕНИЯ.....	49
---	----

Транспортная политика

Малов В.Ю., Мелентьев Б.В., Пазамантур Э.И.

ТРАНСПОРТ СИБИРИ КАК ЭЛЕМЕНТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА	59
--	----

Национальная политика

Дибиров А.- Н.З.

МИГРАЦИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКАЯ МАРГИНАЛИЗАЦИЯ: ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ (На примере Дагестана).....	68
--	----

Специальная рубрика

Туганов В.Ф.

ФИЗИЧЕСКАЯ КИНЕТИКА РЫНКА: НОВЫЙ ПОДХОД К РЫНОЧНОЙ ЭВОЛЮЦИИ И ТЕХНОЛОГИЯ ДУХОВНОГО ЛИДЕРСТВА	79
---	----

Рубрика аспиранта

Чжэн Жуньюй

ТЕНДЕНЦИИ, ПУТИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ	93
---	----

Новые книги.....	105
------------------	-----

СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО ДЛЯ РОССИИ*

В.В. Ильин, доктор философских наук

Живем, бредем и медленно сидеем...
Плетемся переулками Пасси
И скоро совершенно обалдеем
От способов спасения Руси!

В художественно незатейливых, номинально неприязнительных, но политически реально язвительных строках Дон-Аминадо - сомнения в возможности вынести нелегковесное квалифицирующее суждение о национальном предстоящем. Сомнения во многом оправданные, но не всеобъемлющие. Положительное назначение познавательного предвосхищения будущего - исходя из тенденций, обозреть порядок становления, просмотреть возможности, отследить вероятности укоренения реалий. В конце концов, предупрежден - значит предостережен; предостережен - значит вооружен.

Отечество обязано жить (а не выживать и тем более прозябать) как страна народа (а не элиты), как страна потомков (а не временщиков). Призвание России, благо России, путь обретения коего, - уловление знамений, веяний социальной динамики. Каковы они? Воспользоваться ли данными прогноза или пренебречь ими, целиком и полностью оставляется на усмотрение властей и народной воли. Прогноз не предрешает, он информирует. Требовать от него чего-то большего означает входить в сугубое заблуждение. Но тем и полезен. Кто владеет информацией и правильно распоряжается ею, - владеет миром.

После этого предварения приступим к обозначению возможных сочетаний тенденций настоящего, имеющих шанс материализоваться в будущем.

Миссионизм. Идея державного задания, поручения, надмирного назначения России красной нитью проходит сквозь отечественную культуру, беря истоки в идее киевского духовного лидера Илариона об особой роли «свежего духа» русского народа, на который после крещения снисходит божественная благодать. Вследствие «этого» настойчиво требуют разрешения многообразные порывы обрести приветную долю в спасении то славянства, то Европы, то мира.

«Люди склонны забывать, что именно неожиданное чаще всего сбывается в истории», - замечает Брюсов. Стремление преодолеть реалии «призванием» дает толчок многим самым неожиданным последствиям, среди которых – любовь к дальнему; близорукое самопожертвование во имя очередного «чего-то такого»; торжество революционной «стихии безумия»; неуважение к минувшему; учение

*Текст публикуется с сокращениями.

собой; смотрение из вечности; прибегание к отчаянным средствам; баррикадное мышление; взвинченность гражданского воображения; культовость политических союзов; право судить других; неуважение к человеческому достоинству и прочая, и прочая, и прочая.

В итоге – пренеприятнейшие явления:

- комплекс Эдипа – люди оказываются заложниками самосбывающихся пророчеств (в социуме прогнозы влияют на воплощение предсказаний);
- комплекс первопрородчества – люди оказываются заложниками извечного странничества по цивилизации.

Рычаг преодоления такого рода несообразий хорошо известен. Это – критика, основной пафос которой – «негодование», основное дело – «обличение» (Маркс). Негодующая и обличающая критика - именно она освободит нас, наконец, от плена ложных идей, опрокинутых жизнью мертвых принципов.

Духовное окормление. Долгосрочное достоинство России для мировой цивилизации усматривается в проникновенном, завораживающем внутреннем катарсисе: многострадальный колосс опытом собственного очищения в бесчисленных национальных испытаниях, страданиях, прозрениях обогащает народы некоей правдой жизни.

Вот уж действительно *non multa, sed multum*. «Страдание», «очищение», «прозрение» и т. д. в макросоциологическом отношении, во-первых, пусты, а во-вторых, опасны созданием прецедента этакое отшельничества, пустынночества, бесконечной потерянности, одиночества.

Русский народ, тонко подмечал Бунин, «взывает к богу только в горе великом»¹. Ни возродить, ни преобразить, ни интернационализировать Россию молитвой невозможно. Сверхзадачей России была и остается – обрести себя в себе самой. В этом перспектива достижения ею искомого достоинства и свободы.

Говоря принципиально, национальное сознание, т.е. осознание собственного культурно-исторического своеобразия, предполагает выработку мироустроительной идеи. Между тем последняя не может конструироваться на отрешенных постановках – кто вершит будущее глобального мира: баловни судьбы или страдальцы? к кому расположено провидение?

Этические экзальтации в духе евангелия от Матфея «претерпевший же до конца – спасется» - в макросоциологии, как правило, вредны. Подлинная головоломная проблема состоит в глубокой, поднятой Броделем теме: «Карты в истории, - констатирует он, - пересдаются не один раз, но довольно редко, и козыри имеют привычку липнуть к одним и тем же рукам». «Есть нечто, - обостряет В. Соловьев, - называемое судьбой, предмет хотя не материальный, но тем не менее вполне действительный», - в силу этого «действительного» предмета спрашивается:

- чем определяется пересдача карт в истории?

¹ Бунин И.А. *Окаянные дни*. Спб., 2000. С. 61.

- почему козыри имеют привычку липнуть к одним и тем же, но не российским рукам?

Мессианиззм. В психоментальности российского типа - прочно укорененный вождизм, культовость, преклонение перед властью, почитание ее агентов. У нас восприятие власти не функционально, а сакрально. Возвеличение власть предержащих исключает налаживание властедетельности как сугубо легальной, легитимной, институциональной. Несвободная от самонадеянности корыстная элита время от времени подпитывает миф о пестуемом ею спасителе. Так учреждается феномен, отталкивающий рациональное понятие ролевой формы, значение которой определяется набором отношений координации и субординации в ее должностных связях с себе подобными формами.

«Глупый верит всякому слову, благоразумный же внимателен к путям своим»². Можно чтить заслуги (на поверку небесспорные), но в идеале в гражданском зодчестве не допускать всесторонне исчерпавший кредит доверия вождизм.

Псевдоромантические мечты о «выдающихся ... без которых ...» давно пора решительно и бесповоротно сдать в архив. Им правильно противопоставить правовую процедуру ротации власти по санкциям народа. Обратит внимание на данный момент обязывает простор приказно планируемой риторики о необходимости продления срока полномочий (вопреки закону и многочисленным собственным заявлениям) ныне действующего президента.

Сказанное укрепляет ощущение тревоги, что Россия в очередной раз может попасть в ловушку волюнтарного авторитаризма. Невыполнение формальных регламентов пребывания у власти руководства субъектов федерации (фактически при лояльной реакции центра провинциальная власть пожизненна и даже наследуема) создает прецедент изменения общегосударственного властного регламента. Признаки движения в данную порочную сторону наметились. Их способна нейтрализовать лишь высокая мера нравственно-общественной силы, отстаивающей легитимную культуру формальной (без преемников) передачи власти ее заслуживающим.

Союз постэкономической (Россия) и доэкономической («третий мир», Юг, развивающиеся страны) организаций. Возможность квалифицируется нами как нереалистическая. Миссианские мотивы нравственно-религиозной фундаментальной преимущественности России при глобальном моделировании должны быть исключены из рассмотрения как иллюзорные. Во-первых, Россия духовно неоднородна; во-вторых, каких-то явных цивилизационных достоинств перед мировым сообществом по психоментальному основанию она не имеет; в-третьих, постэкономический человек в России пока не сложился – для этого тут недостает продуктивной культуры; в-четвертых, предтечей проекта являются обстоятельства 60-80-х годов XX столетия, когда СССР содержал «второй» и

² Притч. 14; 15.

«третий» миры; чем это завершилось, хорошо известно. Россия не может позиционироваться заводом, вырабатывающим всеобщее счастье.

Социализм. У Чаадаева есть мысль: социализм победит не потому, что он прав, а потому, что не правы его противники. Как продемонстрировало время социалистического строительства в советскую эпоху, социализм силен социально ориентированной государственностью. Возрастание роли государственного участия в общественном жизнепроизводстве очевидно. Взять лишь долю госсектора в экономиках развитых стран – она впечатляет: в США – 30%; Австралии и Японии – 34%; Германии – 37%; Великобритании – 39%; Франции – 46%; Швеции – 61%.

Невзирая на сказанное, неискоренимым пороком социализма остается нерешенность стратегических гражданских задач:

- основной экономической задачи – достижение более высокой производительности труда (вспомним ленинское: залог успеха социализма – «более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом»³);

- основной политической задачи – достижение народовластия (народная выборная власть подменена диктатурой партии и ее вождей);

- основной инновационной задачи – соединение преимуществ социализма с эффектами НТР;

- основной гуманитарной задачи – рост человека, человеческое развитие (фактическая деиндивидуализация – небезызвестный герой Платонова умер от истощения, готовя труд: «Принципы обезличения человека с целью перерождения его в абсолютного гражданина с законно упорядоченными поступками на каждый миг бытия»).

Трагический опыт социалистической утопии (как отмечал Богданов, социалистический казарменный строй есть атмосфера миража, где «смутные прообразы социализма принимаются за его осуществление»⁴), граничащий с безумием (неистовство социалистического насилия несомненно переходит черту разума), фронтально дискредитирован. Вопреки коммунистической доктрине совершенно ясно: советский социализм не является проявлением неизбежного в жизни. Потенциальным новым архитекторам данного строя предстоит изобрести пока что неведомую терапию имманентной непроизводительности, затратности, дефицитности, сервилистичности, неконкурентоспособности первой фазы коммунизма, отчего, собственно, она развалилась.

Бессобственничество. Экономика лоббирует рынок. Но рынок инициирует социально-экономические дисбалансы. Один путь, как утверждалось, – прогресс этатизма. Другой – переход к бессобственническому социуму через упрочение информационной цивилизации. Ход остроумный, но утопичный. Во-первых, трудно перестроить собственническую природу (тем более в условиях общества потребления) человека. Во-вторых, ни один знак не свидетельствует о складывании

³ Ленин В.И. ПСС Т. 36. С. 187; также см.: Т. 39. С. 13.

⁴ Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 344.

новой архитектоники труда как творчества. В-третьих, для России, где уровень приобщения населения к Интернету едва достигает 3%, где низка культура труда и мощен слой маргиналов, перспектива замещения труда творчеством, выглядит вычурным прожектерством.

Конвергенция. Теперь уже не капитализма и социализма, а развитых стран в противовес развивающимся с оформлением культурного государства и ассоциаций (союзов) государств. Реальные противовесы проекта – атавизмы блоковой политической ориентации, отсутствие доброй воли, интенции ущемить Россию, угроза точечной войны изгоев цивилизации против ее ядра на его территории.

Коммуникации. Величие России будет прирастать не только образованием, культурой, но и активизацией мобильности, совершенствованием коммуникаций. Во-первых, следует обрести транспортную независимость, переориентировавшись на собственные инфраструктурные возможности (бюджет Латвии на $\frac{1}{4}$ формируется за счет наших выплат по транзиту сырья). Во-вторых, следует нетрадиционно подойти к проблеме развития коммуникационных сетей и как к рычагу модернизации (коннотации реформ Витте), и как к рычагу приобретения геополитической значимости (коннотации эпопей КВЖД и ЮКВЖД, трансафриканской, багдадской (недостроенной) магистралей). Стратегически их должно поддерживать налаживание речной судоходной инфраструктуры. Так оформится параллельно-меридиальная транспортная система транзитов. Роль параллельных коммуникационных артерий возьмет на себя ЖД, роль меридиальных линий – водные трассы. Ко всему этому необходимо приурочить создание шоссейных дорог в соответствии с оптимальной пропорцией 1:30 (на 1 км ЖД пути – 30 км шоссейного покрытия).

Потенциальные выгоды от сказанного прозрачны: Россия приведет свою актуализированную мощь в соответствие с территориальным потенциалом.

Давление на границу. В геополитике фигурирует рассчитываемая величина «давление на границу». По объему демографической массы, воздействующей на наш разреженный пространственный контур, Россия, не имея равных себе, пребывает в критическом положении. Намечаются экспансивные векторы захода на ее территорию, стимулируемые атлантизмом и синоизмом. В результате обнажается опасность потери влияния в Средней Азии, Закавказье, угроза отторжения Кавказа, утраты Дальнего Востока, Сибири.

Растущий пресс народов (Россия граничит с поясом держав Юга с 1,5% годовым приростом населения) возможно погасить оригинальной технологией: прилегающие пространства могут работать на Россию, а не давить на нее. Технология предусматривает интеграцию в мирохозяйственные связи посредством переноса трудоемких, вредных отраслей на сопредельные регионы. Нужно не ввозить рабочую силу, принимая сомнительные миграционные программы, а выводить производства. На мировой рынок следует выходить через бывшие республики СССР и развивающиеся страны («третий» мир).

Рубежи. Интенсивное надвигание аллохтонов (укоренение этнических нелегалов по широкому фронту от Китая до Азербайджана) вызывает необходимость обостренной реакции на проблему: еще несколько лет беспечного отношения к бесконтрольной инфильтрации на наши просторы чуждых этносов и о национальной безопасности державы можно забыть, - она потеряет контроль над значительными суверенными зонами, автоматически попадающими в сферу влияния геополитических контрагентов.

Славянство. Модель масштабного славянского братства, пропагандируемую некоторыми славянофилами, еще Чичерин характеризовал «беззастенчивой софистикой». В осмысленной содержательной формулировке она имеет лишь культурно солидарное понимание. Славянский союз почитаем общностью культурно-генетического родства. Не более. Политически, державно, религиозно, прагматически славянство не консолидировано. Оно никогда не походило на сообщающиеся сосуды, наполненные одной жидкостью. История учит: долг гражданский и патриотический перекрывает долг родовой причастности и чести. Вспомним - выступления болгар в мировых войнах против России (это после Шипки!); кульбиты югославы (после ее освобождения, физического и политического спасения Тито); устойчивую неприязнь чехословаков (после 1968 г.); территориальные разделы Польши; полонизацию правобережной Украины; расстрел красноармейцев в 20-е годы... Метафизическая линия «славянской задруги» для России неизменно отличалась затратностью. В настоящий момент и на обозримое будущее она может быть заменена линией активного сочувствия.

Хартленд. Абстрактной доктринальной формуле желательной цельности хартленда требуется сообщить нетривиальную интерпретацию. Желательность его цельности обусловлена не сырьевыми, ресурсными мотивами (в согласии с максимой классической геополитики - кто владеет хартлендом, располагает ключами от мира), а мотивами благоприятности обеспечения национальной безопасности. В створе сказанного правильно руководствоваться достаточно простыми соображениями. Восстановление единства хартленда с пользой для отечества позволит:

- реставрировать деформированное экономическое (жизнепроизводственное) пространство в границах СНГ (утилизация раздробленных источников природных, социальных богатств);
- реставрировать деформированное оборонное пространство в тех же границах.

Благовидным предлогом решения кардинальной геополитической задачи, осуществления стратегического переворота (речь идет ни больше, ни меньше как о сценарии воссоздании империи) может быть активизация усилий в направлении оформления Евразийского Союза. Политические элиты и народы Белоруссии, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии, по крайней мере психологически, к данной форме консолидации созрели. В отношении Молдовы, Армении, Азербайджана, Туркмении в случае заявления достаточно твердой, отвергающей романтические изыски, но сохраняющей барьеры этических и социальных

условностей воли, вопрос может быть решен положительно. Ожидать же пока чего-то большего и лучшего (имея в виду Украину, Грузию, Балтию) означало бы предварять время.

Украина. Малопонятной, ненужной, изматывающей конфронтации Украины и России положил начало раздел древнерусского государства вследствие династической борьбы Ярослава вначале со Святополком, а затем с Мстиславом Тмутараканским. Финал – Ярослав получает правобережье Днепра, Мстислав левобережье. После смерти Мстислава Ярослав восстанавливает власть над всей Киевской Русью, но метафизический («судьбоносный») след остается. Незаживающая рана от ожога на теле народа кровоточит. Таков резонанс претензий элиты на власть для судеб державы.

Дальнейшее усугубление проблемы – многочисленные отягощения, вызванные полонизацией; вхождением правобережья (Галиции) в состав Австро-Венгрии; идеологическими дезориентациями Костомарова, Винниченко; коллаборационизмом ОУН-УПА; угаром местечкового национализма (современность). Сюжет самостийности Украины сопрягается со значительными вариациями, антироссийскую тональность которых поддерживает неприкрытая режиссура атлантизма. Примем во внимание: на январь 2004 г. на Украине зарегистрировано 399 международных организаций, 421 благотворительное общество с международным статусом, 179 структурных ячеек неправительственных социальных организаций зарубежных государств; на проведение «оранжевой революции» США выделили 62 млн. дол.

В казусах, подобных данному, беспроигрышная тактическая линия, – дать возможность всемерно испытать себя свободой. Украина масштабна, но технологически, инфраструктурно, инвестиционно бедна. Не займы, субвенции, субсидии, а наращивание потенциала единого экономического и геополитического пространства, утривание общности культурной, исторической, духовной, непричастной к партийно-политическим установкам, должны сделать свое животворное дело.

Атлантизм не допускает воссоединение Украины с Россией; Россия не вправе допускать сателлизацию Украины атлантизмом.

Стереотип исконной «незалежности», «самостийности» Украины как платонический идеал, движущий поведением, метафизичен. Метафизические стереотипы же, как подмечает Мур, либо могут не иметь никакого значения для практики, либо могут оказывать на нее чисто деструктивное влияние: «ибо ясно, что то, что существует вечно, не может подвергаться влиянию наших поступков; и только то, что подлежит влиянию со стороны наших поступков, может определять их ценность»⁵. В отношении Украины никакого «метафизического» оправдания автономии не находится. Если бы украинский народ, – пишет Д.Д. Муретов, – действительно восстал бы перед нами с вопросом: где Украина, то «мы ответили бы ему: мать Украина там же, где и государь великий Новгород со своим младшим

⁵ Мур Дж. *Принципы этики*. М., 1984. С. 195.

братом Псковом ... она в истории великой России как незабываемая в своей прелести страница и как необходимое условие ее настоящего величия»⁶. Наша общая история – история единой государственности – не может быть заложницей ни индуцирующего сепаратизм переноса столицы (Новгород – Киев – Владимир – Москва – Петербург – Москва (в настоящий момент с питерским десантом)), ни питающего сепаратизм локального национализма. Им надежно противостоит выросшая из совокупного опыта державостроительства естественная заботливость великоросса о всем пространстве России, что, как предостерегал Розанов, нельзя смешивать с «алчностью души его к власти и господству, чего у этой души воистину нет и никогда не было».

Евросоюз. Любое общество, как известно, поддерживается встройкой в соответствующие функциональные и институциональные ресурсные базы, обуславливающие качество социальных организаций. На данном основании в последние обособливаются ассоциации стран:

- централизованно-редистрибутивной ориентации (Египет, Китай, Московия, инки);
- торгово-денежной ориентации (торговые транзиты) (Вавилон, Финикия, города-государства Италии XIV-XV вв.; Ганза);
- индустриально-рыночной ориентации (модернизированные общества вестерна);
- рентной ориентации (доход с минимумом предпринимательской деятельности) (страны Персидского залива, отчасти Россия).

ЕС испытывает дефицит в сырье; Россия – в модернизированности. Разный тип встроенности двух фигурантов глобального мира в ресурсные базы определяет выстраивание баланса и результирующих интересов. Элементарная комбинаторика подводит к трем исходам:

- ЕС, наступая на Россию, добивается преимуществ, установления корыстных диспаритетов;
- аналогичную позицию учреждает Россия;
- упрочивается консолидированная континентальная суперорганизация с антиатлантистским креном.

Движение в тех или иных направлениях предопределил складывание альянсов.

Варияция европейского континентального конкордата крепится на второстепенных, неприметных, но могущих оказаться решающими, причинах:

- важность стабильных кооперативных связей с Россией прежде всего для младевропейцев. Многие работоспособные производства (те же гданьские верфи) недавно принятых в ЕС стран Центральной и Восточной Европы с позиций европейских стандартов рентабельности требуют упразднения. Однако же не экономика решает все. Остаются нюансы психологического, традиционного (новый

⁶ Муретов Д.Д. *Этюды о национализме. М., 1916. С.38.*

облик Польши формировался акциями судостроительного профсоюза «Солидарность») и т. д., т. е. не чисто коммерческого порядка, в урегулировании которых могла бы сыграть спасительную роль Россия;

- относительная экологическая чистота производимых Россией продуктов питания. Россия для Европы может стать уникальной базой поставки уже редких для нее экопродуктов.

Исламизм. Не разделяя конфессиональную трактовку природы цивилизации⁷, мы отдаем должное статусу мировых религий в роли инициаторов цивилизационных духовных и социальных движений. Мощнейшая сила такого рода – молодая мировая религия – мусульманство.

Мусульманство неоднородно, внутренне расслоено. С позиций интересующей нас стимуляции социальной динамики обособливаются линии **модернизма (реформизма)** - кемализм, платформа западника-либерала Тахи Хусейна (в России полезно действовал мыслитель-обновленец Исмаил Гаспринский, высказывавшийся за трансформацию исламских институций в рамках отечественных устоев); **традиционализма (фундаментализма)** - платформа Сейид Кутба (предводитель основанной Хасаном аль-Банной организации «Братья мусульмане» в Египте в 20-е годы XX в.); **панисламизма**, отстаиваемого Джамаль эд-Дином, аль-Афгани, Мохаммедом Абдо (пафос платформы, в сущности, - возврат к шариату, порядкам X-XIII вв.)

Политически к реформизму тяготеет Египет (которому США ежегодно выделяют 2 млрд. дол), Турция (претендент на вхождение в ЕС), Малайзия, Индонезия; к фундаментализму – Иран (муллократия), страны Персидского залива. Логику налаживания гражданской жизни серьезно отягощает влияние ортодоксии. В Иране шиитское духовенство находится в оппозиции светской власти. В суннитских странах духовенство – часть государственного аппарата. В настоящий момент просматривается тенденция политического укрепления исламизма (события в Турции, Египте, Иордании, Афганистане, Пакистане, Индонезии).

Применительно к российским интересам опасность исламизма может проявиться в следующих действиях:

- опоясывание Европы и Евразии дугой от мусульманской части Боснии к Турции, Кавказу с заходом в Поволжье и далее через Среднюю Азию на Синьцзян;
- эскалация ваххабизма – Кавказ, Поволжье, Средняя Азия;
- утрирование конфессионального фактора в делах гражданских (статус женщины, документооборот).

Поскольку около 10% жителей России (15 млн.) мусульмане, Россия является частью исламского мира, никакой исламофобии в ней быть не может. Различия в благоустройстве общественной жизни (в том числе религиозные) следует преодолевать достижением схождения, общности: россияне единый народ без

⁷ Ильин В.В., Ахиезер А.С. *Российская цивилизация: содержание, границы, возможности.* М., 2000.

этнических, конфессиональных, расовых пикировок, являющийся носителем унитарного цивилизационного сознания.

Об угрозах панисламизма:

1. Опоясывание Европы и России исламским поясом само по себе опасности не несет. Исламизация как восстановление жизневоспроизводства в терминах теократии имеет естественные пределы. Суть в том, что, опираясь на общинные («умма») и клановые институты, последовательная, тотальная исламизация купирует модернизацию:

а) в исламе в отсутствии жесткой организационной иерархии развит поведенческий, бытовой эгалитаризм. Последнего не знает ни западная, ни российская культура, где эгалитаризм как некий общежительный кодекс в одном случае формализован – модель социального правового государства; в другом случае – интернализован – модель частного меценатства. Иными словами, исламизация не совместима с устоявшимися порядками гражданской модернизации;

б) Современные общества являют собой органический симбиоз технологии и культуры: жизнепорождающие, жизнеподдерживающие процессы всесторонне прорастают в образ жизни, социальное устройство, право, общение, нравы. Исламские страны заимствуют у Запада, говоря прямо, лишь ноу-хау – узкоутилитарные способы производственной обработки материалов, полуфабрикатов, сырья. Что же до социальной почвы, - она остается невозделанной. Это касается статусов основных жизненных ценностей – искусства, права человека (особенно женщины), выбора и т.д. Поскольку ценности не импортируются, поскольку с проникновением ценностей модернизации в исламский мир развернута радикальная борьба (прежде всего в монархических государствах с элементами теократии и государствах, открыто исповедующих шариат в его хамбалитском варианте), полноценная модернизация на базе единства технологий и жизненной культуры невозможна. Хорошо представляя себе это, страны Персидского залива для налаживания авангардного производства либо завозят под них рабочую силу, либо прикрепляют к ним фактически бесправную (неинтегрированную в гражданский процесс) часть общества (шиитское меньшинство в южных провинциях аравийской саудии). Ни производство, ни жизнь, ни народы, ни страны, таким образом, к модернизации не причастны. Поддерживать архаичное существование, не пожиная благотворных плодов модернизации, могут позволить себе только сверхбогатые страны типа Саудовской Аравии (нефтяные резервы которой исчисляются 35 млрд. т.), фактически выводящие население из воспроизводственной деятельности. Ничего такого другие позволить себе не могут.

2. Имплантация ваххабизма. Угроза реальна. Противовес очевиден:

- активизация политических, духовных элит российских и прилегающих к ней светских мусульманских анклавов по предотвращению ваххабитской экспансии и борьбе с ней.

3. Десекуляризация гражданской жизни. Нейтрализация угрозы весьма проста – прогресс в светских культурно- и правопорождающих процессах в государстве и их пропаганда.

Вероятно выстраивание общеевропейского антиэкстремистского фронта с иннервацией Франции, Германии, Великобритании, имеющих сложные отношения с мусульманским обществом.

Сюжет «мусульманство», «исланизм» не имеет прямых цивилизационных проекций. Согласно развитой нами модели⁸, цивилизация представляет механизм воспроизводства способов воспроизводства (поддержания, вершения) жизни, не имеющий лобовых конфессиональных привязок. С этой точки зрения, исланизм не выступает ценностной (цивилизационной) альтернативой вестерну. Подлинная альтернатива ему (при отождествлении вестерна с модернизмом) – традиционализм.

С учетом сказанного в мусульманстве как образовании неоднородном правильно признать наличие как модернистских (Турция, Малайзия, Индонезия), так и традиционалистских (Иран, Афганистан, страны Персидского залива), все же (в силу нереформированности ислама) превалирующих тенденций. Им в полной мере оппонирует универсальная логика мирового технологического прогресса, традиционализм локализующая.

Популярная в определенных кругах типология конфликтности, в качестве обособленных родов автономизирующая конфронтации наций-государств (история), идеологий (XX в.), цивилизаций (XXI в.), неадекватна в части конфессионального толкования цивилизации. Она опровергается эмпирической верификацией.

Имеют место кровавые внутриконфессиональные распри. «Во время своих внутренних раздоров, - отмечает Гиббон, - христиане причиняли одни другим гораздо более зла, чем сколько они претерпели от ... неверующих»⁹.

Враждуют представители идентичных технологических укладов (цивилизаций). В Судане отмечались столкновения арабов и негров; в Нигерии – мусульман и христиан.

Характер войн не изоморфен характеру цивилизационных противоборств. Полезно оценить статистику: из произошедших с 1480 по 1941 гг. 278 войн 28% – гражданские. С 1800 по 1941 гг. одна гражданская война приходилась на три межгосударственных. С 1945 по 1985 гг. имело место 160 вооруженных конфликтов, 151 из них приходился на страны «третьего» мира.

В свете указанных доводов справедлив вывод, что никакого конфликта цивилизаций на конфессиональной подоснове не просматривается.

⁸ Ильин В.В., Ахиезер А.С. *Российская цивилизация: содержание, границы, возможности.* М., 2000.

⁹ Гиббон Э. *История крушения и упадка Римской империи.* М., 1994. С. 178.

Локомотивом саморазвития современных (модернизируемых) обществ являются технологии обеспечения человеческих качеств – жизненный комфорт, образование, культура, адаптация, вовлечение, участие. «Действенные силы истории наднациональны», - указывает Тойнби. Раньше состав таковых определяли эффекты индустриализации, колонизации, урбанизации, технизации; теперь – гуманизации. В текущий момент человечество дифференцируется на группы государств, где идет и не идет гуманитарная революция. Отсюда в типологии должна быть строчка «гуманитарная модернизация», обеспечивающая объективацию «человеческих ценностей». Все ей противостоит лишенная гуманитарного пафоса традиционализация. Борьба одного с другим и обусловит раскладывание цивилизационного пасьянса на обозримое будущее. Где оказаться мусульманскому анклаву (в целом) и России, пока не причастным к фигурам модернизации, должно решиться в ближайшее время.

Итак, камертоном грядущего при определенном раскладе, когда противоборства и амбиции людей, слоев, народов перекроют всеобъемлющие веления воздержанности, может стать катастрофизм, проблематизирующий устойчивое существование. Один из сценариев развития событий - впадение в хаос, рост эсхатологических напряжений, нестабильность, всемирная смута, сумерки цивилизации, вступление во всеобщее Булгачное время¹⁰.

Пытаясь обозначить силовые линии принципиальных противоречий эпохи, мы разворачиваем вопрос в плоскость: чем скомпенсировать катастрофические тенденции, как нейтрализовать их действие. В конце концов, одна из интерпретаций Апокалипсиса – он есть не живописание трагизма финала сущего, а его предостережение, предупреждение. Воспользуемся данным замечанием для выработки позитива.

Сказанное о вероятности усиления турбулентных процессов ориентирует на поиск дополнительных источников регуляризации (упорядочивающие стратегии Рю Фэна здесь недостаточны). Непредвзятый просмотр вариаций подводит к заключению, собственно, их два.

Первый – национальное государство, роль которого по мере вступления человечества в полосу дефицитности будет возрастать. Второй – надгосударственные образования, прерогативой которых станет контроль, координация, реагирование с использованием всех инструментов глобального влияния – от права до силы.

Борьба с хаосом, таким образом, возможно, обогатит социальное строительство в мировом масштабе переходом:

- на центрально-административный, дисциплинарный вид управления (отчасти свертывание демократии – в первую очередь в части прав на выбор места жительства, - в какой-то мере ущемление духа 1848 г.);

¹⁰ Здесь автор опирался на мысли А. Фурсова.

- на всеобщую систему безопасности мира с коллективной ответственностью (развал униполярных (Мальтийский мир), биполярных (Ялтинский мир) блоковых конфигураций).

Финансомика. Опасна двоякая линия а) подмены реального сектора экономики виртуальным; б) разрушения обязательств, взятых в рамках Бреттон-Вудских институтов, по поддержанию золотовалютного долларового обеспечения. Выстраивается в полной мере сюрреалистичный постмодернистский мир симулякров с отсутствием натуральных, гарантийных ценностей.

Релятивизация, деканонизация, версификация, дисгармонизация действительности выражаются в утверждении странного феномена – виртуальной спекуляции. К концу XX в. в нее вовлечено 1,3 трлн. долларов - сумма, в 30 раз превышающая объем продаваемых товаров и услуг. Деньги, следовательно, перестают быть связанными с экономикой, хозяйством. Разлагается этика продуктивного труда, подменяясь идеологией финансового успеха¹¹.

Образование «финансовых пузырей», выражаемое устойчивым перекрытием финансовыми транзакциями товарных, усугубляется ускоренным выпуском квазиденег. Показательно, что с 70-х гг. США и международные финансовые центры отказались от золотовалютного стандарта, - курс основной валюты развитых стран конституируется валютными биржами. Дело усугубляется тем, что отмечается рост кредитных денег, впрыскиваемых в оборот имеющими лицензию на эмиссию частными банками. (На начало 90-х гг. американская резервная система печатала лишь около 8% обращаемых денег). Таким образом, необеспеченные средства растут. В случае непредсказуемого поведения как эмитентов, так и резидентов, вероятно, возникнет коллапс, способный обрушить мировую валютно-финансовую систему. Надежных способов борьбы с подобным явлением (пока?!) не выработано.

Деперсонализация. На убывание роли личности по мере прогресса и возрастание значения масс некогда указывали Милль и В. Зайцев. Современность внесла сюда свою редактуру. Личность становится товаром массового потребления; роль массы же как социальной силы в «выбрасывающем обществе» (Тоффлер) свелась к нулю, - она стала рыхлым, жалостным, податливым материалом.

Усиливающуюся деперсонализацию безусловно можно отнести на счет примитивизации, арефлексивности, управляемости, манипулируемости личности, провала социальной линии (культурной революции) привнести «аристократический дух в массы» (Ясперс).

Если кредо индустриализма были «рациональность и прогресс», то кредо постиндустриализма стали «страх и трепет» (Белл). Обсуждать технические особенности явления нет необходимости. С одной стороны, оно вызвано случившимися, в полной мере проявившими себя наднациональными процессами, -

¹¹ Подр. см.: Мясникова Л.А. Экономика постмодерна и отношения собственности. // Вопросы философии. 2002. № 7.

такими как урбанизация, сексуальная революция, открытость коммуникативных контуров, мобильность культуры, приобретающей «диаспорическое очертание» (Д. Клиффорд). С другой стороны, оно плод всеобщей формализации общения, межчеловеческого взаимодействия, порожденной универсализацией права, инструментов кодификации, канонизации, регуляризации обмена деятельностью. При высокой концентрации населения, эгоистичности самоутверждений по сценариям «self-made man», возрастает роль институтов, бюрократии, инстанций, процедур, схематизирующих выработку (анонимных) решений.

Разваливаются антропологически приоритетные контексты со-бытия с эффектами «причастности», «соотнесенности» - они подменяются гуманитарно нейтральными политкорректными «функциями», «ролями». Этос глобального мира задается не в терминах антропологии (антропотопологии)¹², а в терминах развитого сервисного обслуживания. Какая же «польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит»¹³? – вопрос риторический.

Проблему деперсонализации как всеобщего отчуждения и очуждения индивида ставили и пытались решать Штирнер и Бакунин. Рецепт первого: отчуждение на персональном уровне снимается эгоизмом. Рецепт второго: отчуждение на социальном уровне снимается анархизмом.

Узким местом таких подходов оказывается идея «Я» как самоцельной собственности без «чужого». Глобальная цивилизация, стержнем которой является усиление интеракции, однако, определяет совершенно иную форму человеческого движения. Суть дела не в том, как обособиться от чужого и чуждого (лиц, институтов), а в том, как сохранить себя во взаимодействии с ними. Антиномия глобальной цивилизации – интенсификация общения и разобщения. Оттого вопрос: почему наряду с интернационализацией контактов без границ мир Globo таит в себе грозную опасность человекоотторжения, - требует безотлагательного ответа.

Бездуховность. Эпоха революций и народных масс 1789-1991 гг., т. е. эпоха институционально довольно неразвитого общества, прошла. Но наступила эпоха не мечтательного, приподнятого чувства, которую предвкушал романтизм, а эра приземленного расчета. Раньше люди боролись за каким-то образом понимаемые ими социальные идеалы (свобода, равенство, братство, справедливость), могущие претвориться в будущем. Теперь они борются за каким-то образом понимаемое эгоистическое выживание в настоящем. Смена векторов вовлечения и участия детерминировала крутой ценностный поворот от отрешенных идей (фантомов) к профанному быту (фактам). Святые оказались развенчанными, идола разбитыми.

Избавление от плена духовного привело к рабству материальному.

Основная угроза миру XXI в. – не война и не военный фактор, а экспансия дольного плотского в горную духовную сферу. Ее (экспансию) можно осмыслить в терминах человеческого обмельчания.

¹² Подр. см.: Ильин В.В. *Философская антропология*. М. 2006.

¹³ МФ. 16, 26.

Голодарь Кафки, не находя пищи по вкусу, голодает. В современном мир-системном ядре жизнь «до отвала» влечет вкусовую пресыщенность, а значит, внутреннюю опустошенность. Последняя, порождая интенцию уйти от себя, усиливает рост потребления. Возникает замкнутый круг. Поставляющее общество навевает пресыщение; пресыщение – опустошение; опустошение – наращивание потребления.

Некогда Эйнштейн задумывался над тем, что если изгнать из храма науки «торговцев и менял», будет почти пусто¹⁴. При продумывании схожей проблемы в отношении общества ловишь себя на мысли: если изгнать из культуры агентов консьюмерации, практически никого не останется. Перефразируя Толстого, можно сказать: теперь успех (не хочется говорить так, но ничего не остается) в культуре достигается только глупостью и наглостью, равно как в жизни – ренегатством и конформизмом.

Включенность в потребительство дает ощущение упорядоченности, стабильности мира, как бы источающем комфортность. Плата за это – прагматика, функциональность. Человек, как мотылек, перелетает с цветка на цветок в стремлении извлечь немного нектара. Процесс захватывает. Прагматистские комплексы обеспеченности подавляют самосовершенствование, экзистенциальный рост. Значение культурных, духовных критериев снижается. Отмечается ослабление гуманитарных способностей – воображения, внимания, мысли, но усиливается стадное чувство, ориентирующее на косность, консерватизм, бестворчество.

В устанавливаемых отношениях, требующих все более ничтожной доли души, - признак вселенской гуманитарной катастрофы, в борьбе с которой несомненно окажется востребованным богатый отечественный опыт духовных исканий от толстовского опрощения, до положительного всеединства (Соловьев), общего дела (Федоров), соборности как единства веры и любви (славянофилы). Верно, данные духоподъемные комплексы лишены макросоциологической проекции, но имеют проекции культурную и персональную. Стало быть, они способны сыграть непреходящую роль в возвышении над жизненной прозой, в великом действе возрождения человечности.

Владычество. Парадигма владычества опасна. Волонтерные интервенции в природу и социум подтачивают возможности среды обитания, вызывают ее деградацию, усиливают дисфункции, приближают катастрофу. Императивам рационального природопользования, требованиям медицинской географии, урбозкологии агрессивно противостоит близорукий инструментализм, питающий идеологию импульсивного активизма, вседозволенности.

Непродуманный взгляд на мир как на объект покорения давно выказал свою порочность. При внешнем благополучии увязает в трудностях общество массового потребления. Оно повышает уровень жизни за счет ускоренного роста

¹⁴ Эйнштейн А. Соч. Т. 4. М., 1967. С. 39-41.

накапливаемого капитала относительно роста населения. Но как показал Туроу¹⁵, такая возможность утрачивается. Какой регламент адаптации к новым условиям существования предложит ядро мир-системы, - пока не ясно.

При всей этой смете, однако, ясна несостоятельность мифа «благосостояние через наступление и прогресс». Во-первых, «наступление» захлебывается в отсутствии «восстановления», а никаких восстановительных (рекреационных) программ, технологий в глобальных долгосрочных масштабах человечество не выработало. Во-вторых, «прогресс» является не универсальной, а избирательной формой развития; прогресс одних оплачивается регрессом других. Насколько же долго «другие», не имеющие шансов догнать «одних», позволят себе не прибегать к спасительным переменам, предсказать невозможно.

Сужение социальной базы власти. Популистские идеомифы в духе «каждой кухарки», способной стоять у кормила ... давно и бесследно развеяны. Современное управление, социально-политический менеджмент, требуя ультрапрофессионализма, превратились в специализированную сферу занятости. Обратной стороной явления явилось обособление управляющих от управляемых, приобретающее тревожные симптомы кастового замыкания, народоотстранения.

Практически во всех развитых странах принята обеспечивающая максимальную стабильность институтов двухпартийная (или двухсполовинная, как в ФРГ) система поочередного чередования у власти граждански неразличимых социально-политических структур. Достоинство такой практики – преемственность, устойчивость, поддержание постоянства. На путь внедрения подобных порядков склоняют и Россию, где предусматривается конституировать две пропрезидентские (провластные) парторганизации («Единую» и «Справедливую» России). Подчеркиваем, некий резон в этом есть. Правда, при наличии развитых традиций демократии, укорененного народовластия. Между тем притененным подтекстом выстраивания такой конструкции выступают:

- стагнация: в отсутствие вентиляции элит общество приобретает сомнительную способность сдерживать качественные социальные перемены, вследствие которых могли бы утвердиться существенно новые институты, направления продуктивного процесса, формы человеческого существования¹⁶. Насильственное же периодическое перетряхивание социально-политических элит с позиций гарантий порядка и законности всегда обоюдоостро;

- автократия: усиление власти наверху неизбежно означает ослабление полномочий внизу, потворствующее самонадеянному перерождению и вырождению власти в тлетворную диктатуру;

- волюнтаризм: дисциплинарная заорганизованность управления, административный восторг, как продемонстрировал Мизес, влекут по произволу чиновников планируемый хаос;

¹⁵ Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999.

¹⁶ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 14.

- эрозия институтов: фактически назначаемая, а не избираемая госбюрократия, быстро свыкаясь с положением собственной исключительности, утрачивает причастность к ролевому статусу «слуг народа», захватывает статус его господина. С этого момента – прости-прощай служение общему делу; начинается использование «места» для обслуживания собственных интересов. Как результат – разъедание качества институтов, удостоверяемых индексом а) уровня развития законодательной, судебной систем; б) степени обязательности госорганов; в) уровня исполнения коммерческих контрактов и т. д.;

- предрасположенность к мобилизации: наступающая вследствие эрозии институтов депрофессионализация управленческой страты индуцирует один спасительный прием социального устройства – мобилизацию, порочность которой сказывается в таких моментах, как непроизводительность, перенапряжение, казнокрадство и т. д.;

- деградация человеческого материала, господство заурядности: «бездарная серость все топчет», - говорил Герцен об агентах управления николаевской России. Нечто подобное о субъектах нынешней управленческой элиты вправе сказать мы.

Атлантизм. США имеют обыкновение получать выгоду от всех коллизий с их геостратегическими соперниками. Так было по завершении I, II мировых войн. Так случилось по окончании «холодной войны». Нет смысла поднимать тему преимуществ и достоинств позиции Нового Света. Однако есть смысл поднять тему противовеса гегемонии Нового Света в Старом и во всем мире.

Как ни странно, наиболее сильная, богатая, могучая мировая держава при пристальном взгляде блистает отсутствием перспективы.

Тема сценарных построений развития будущего, в том числе российского, конечно не исчерпана, но даже из тех оценок, которые приведены в данной статье, ясно, насколько важна и актуальна поставленная проблема.

Текст дается в сокращении.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ БАНКИ: МЕСТО И РОЛЬ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

В.А. Гамза, кандидат экономических и юридических наук, первый вице-президент Ассоциации региональных банков России

Банковская система России сегодня достигла такого уровня развития, что практически все банки в состоянии предложить клиентам весь необходимый спектр банковских услуг. За счет обострения конкуренции условия, на которых банки предоставляют свои услуги, выравниваются. В такой ситуации конкурентным преимуществом становится доступность услуг клиенту, способность доставить банковские услуги в самую отдаленную точку России. Незаменимую роль в этом играют российские региональные кредитные организации.

На протяжении ряда последних лет общие показатели (пассивы и активы) деятельности российской банковской системы росли в среднем на 35% в год. При этом ежегодная средняя рентабельность составляла более 20%.

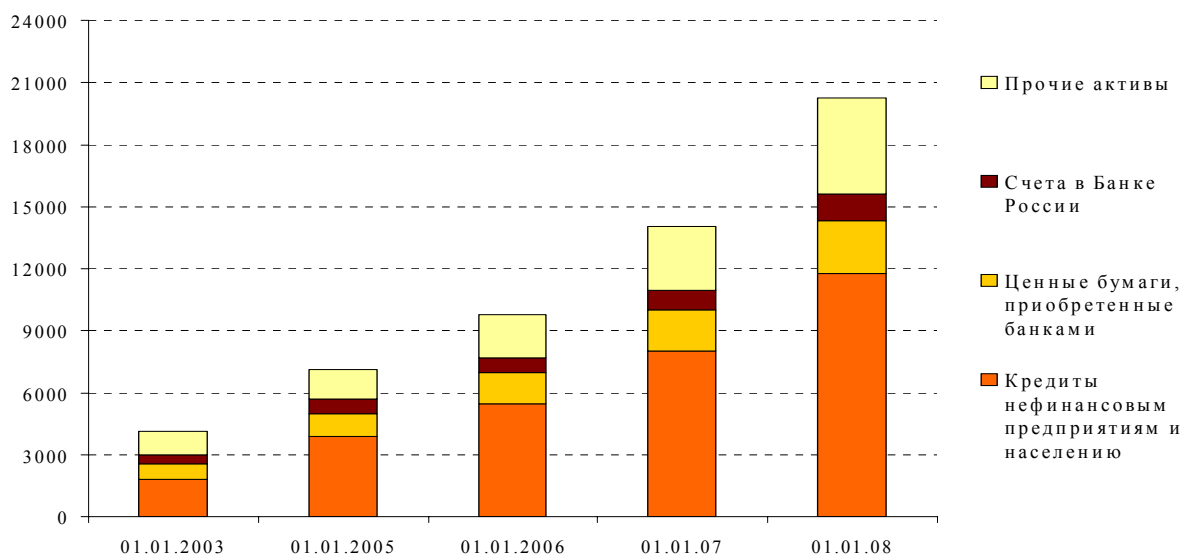

Рис. 1. Динамика и структура активов российского банковского сектора

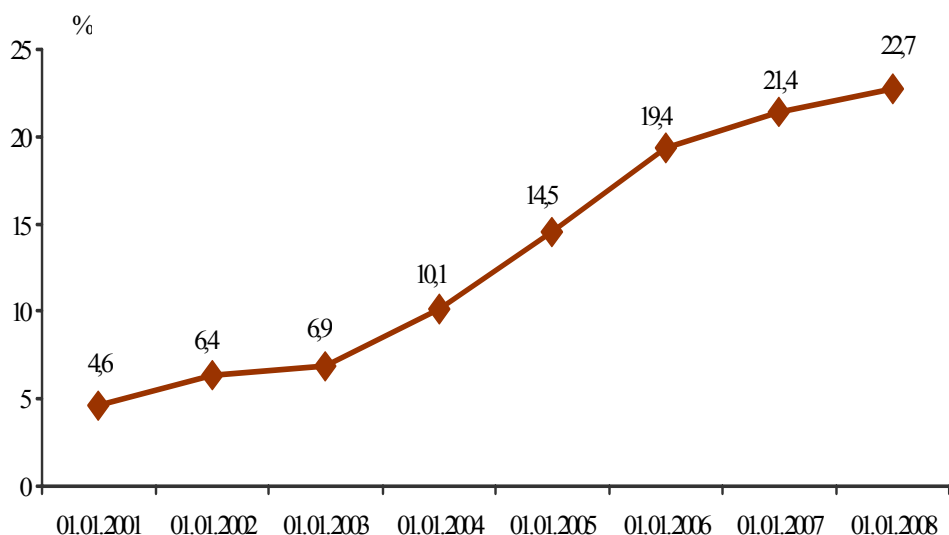

Рис. 2. Доля кредитов физическим лицам в совокупной ссудной задолженности

На первый взгляд, хорошие результаты, но если провести широкий сравнительный анализ, то откроются серьезные структурные проблемы банковской системы России. Прежде всего окажется, что высокая рентабельность не является результатом эффективных технологий массовой продажи банковских услуг.

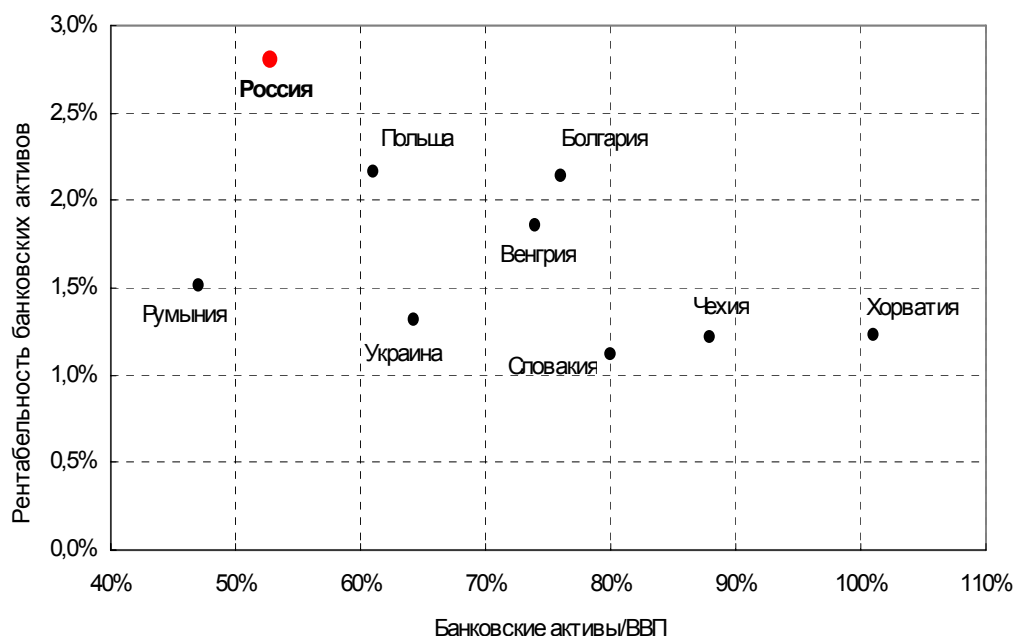

Рис. 3. Рентабельность активов и насыщенность рынков финансовых услуг России и стран Восточной Европы

Анализ сегментированности банковской системы указывает на то, что в самом невыгодном положении оказываются региональные банки России. Исследование начнем с анализа структуры капитала кредитных организаций.

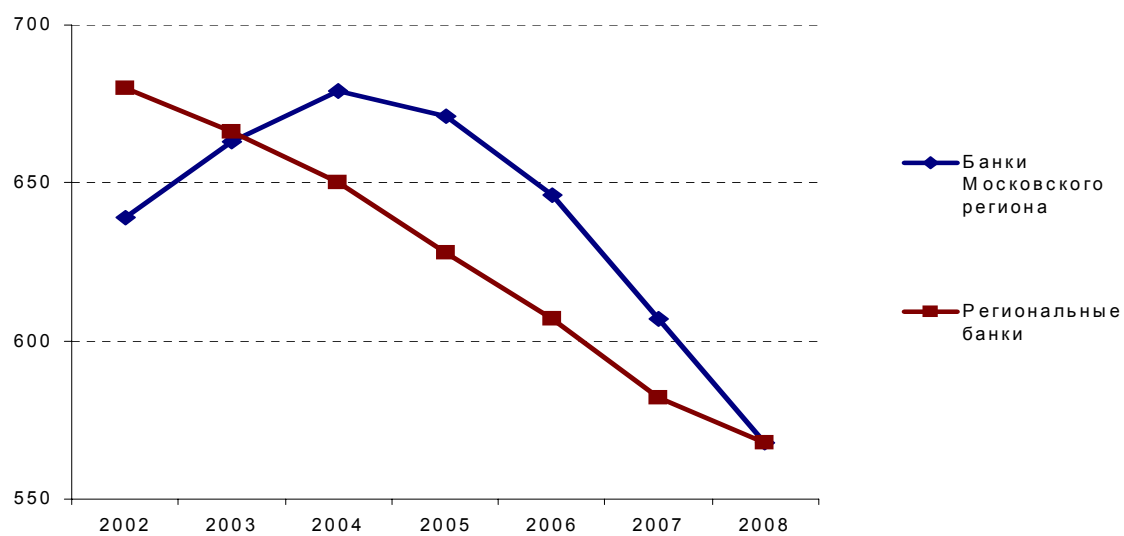

Рис. 4. Количество действующих кредитных организаций

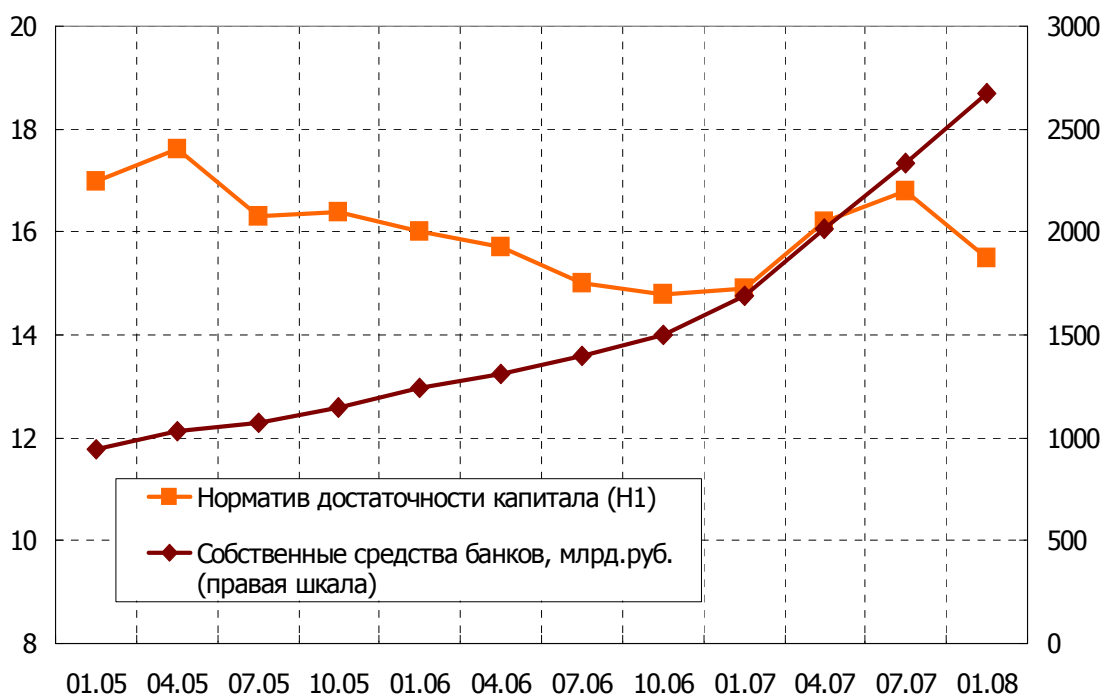

Рис. 5. Достаточность капитала российских банков

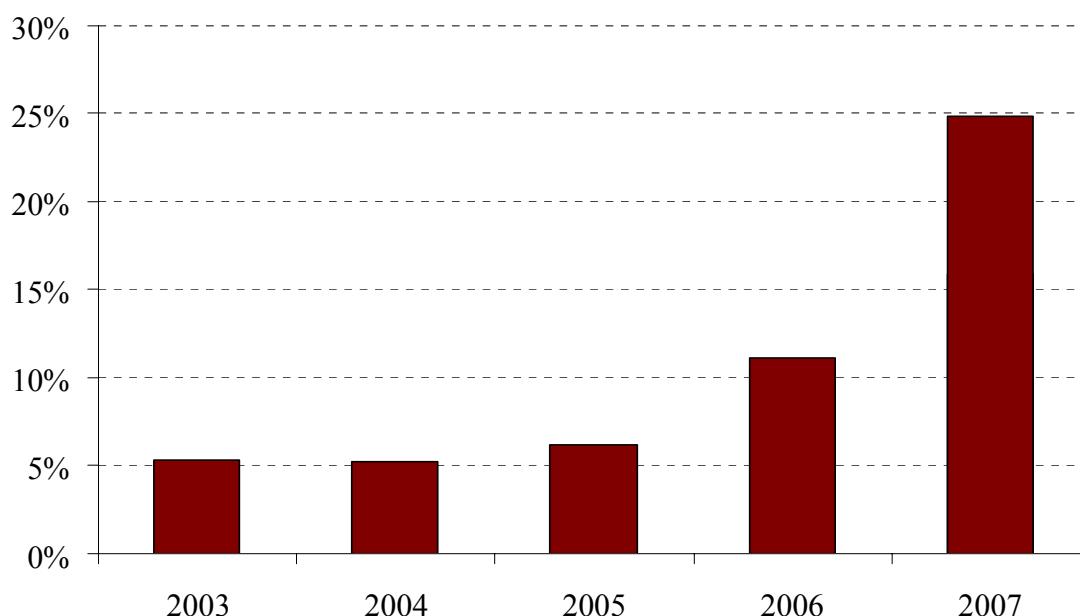

Рис. 6. Доля нерезидентов в совокупном уставном капитале российской банковской системы

Если не учитывать рост капитала главных государственных банков (Сбербанка, ВТБ и Газпромбанка), а также банков с иностранным участием (где контрольный пакет принадлежит нерезидентам), то окажется, что за последние 4 года уровень капитализации (отношение капитала к активам) всех остальных кредитных организаций, прежде всего региональных, снизился катастрофически - с 16 до 11 процентов. При этом доля капитала банков с иностранным участием растет исключительно за счет сокращения доли национальных частных кредитных организаций.

Такая высокая концентрация капитала, естественно, ведет и к концентрации банковских активов.

Таблица 7
Концентрация капитала и активов в банковской системе России

	Группы кредитных организаций, ранжированных по величине активов (по убыванию)			
	Первые 5	Первые 50	Первые 200	Остальные
Удельный вес в совокупном капитале, в %	43	71	88	12
Удельный вес в совокупных активах, в %	45	77	92	8

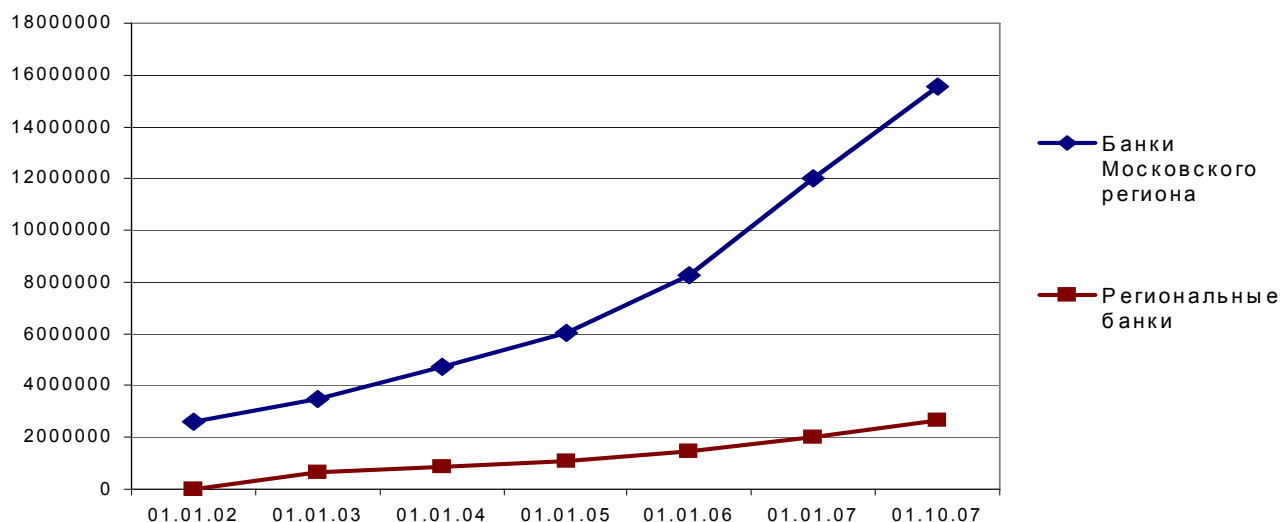

Рис. 8. Концентрация активов действующих кредитных организаций

Вместе с тем анализ показывает, что крупнейшие федеральные банки менее эффективно, чем региональные кредитные организации, используют свои пассивы в целях кредитования.

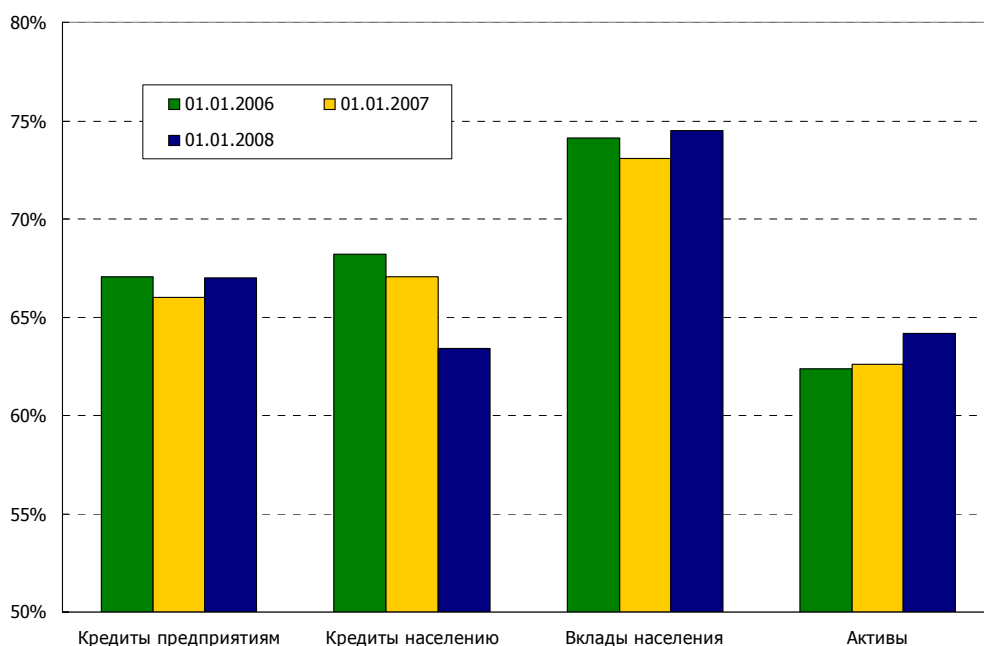

Рис. 9. Вклад 20 крупнейших банков в структуру операций российского банковского сектора

Более того, несмотря на то, что региональные банки за последние 5 лет существенно снизили свою долю (менее 60%) в привлечении вкладов населения, тем не менее они продолжают наращивать объем (более 80%) предоставления розничных услуг.

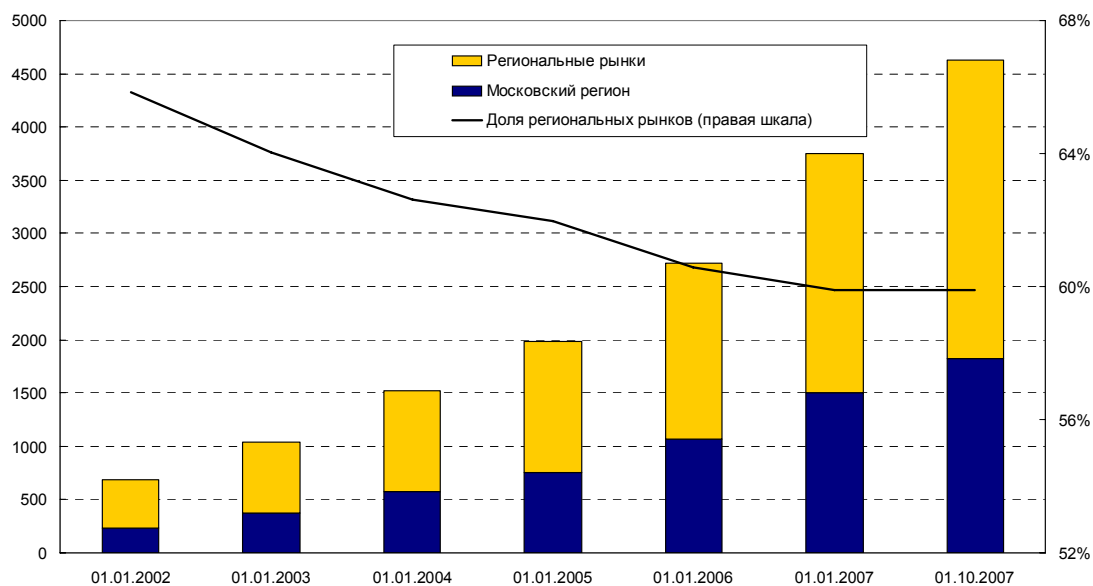

Рис. 10. Московский и региональные рынки вкладов населения

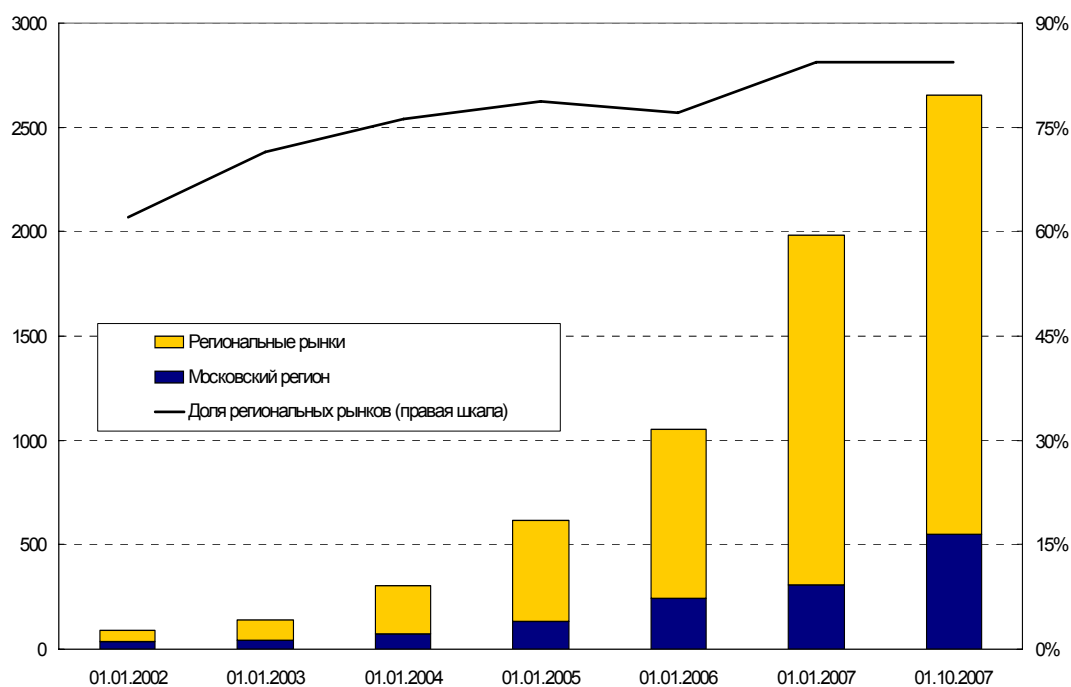

Рис. 11. Динамика российского рынка розничных ссуд

Особо следует отметить, что региональные кредитные организации, хотя и находятся в сложнейших финансовых условиях и не имеют устойчивых источников поддержания ликвидности и обеспечения рефинансирования, при этом обеспечивают более рентабельную деятельность, чем федеральные банки.

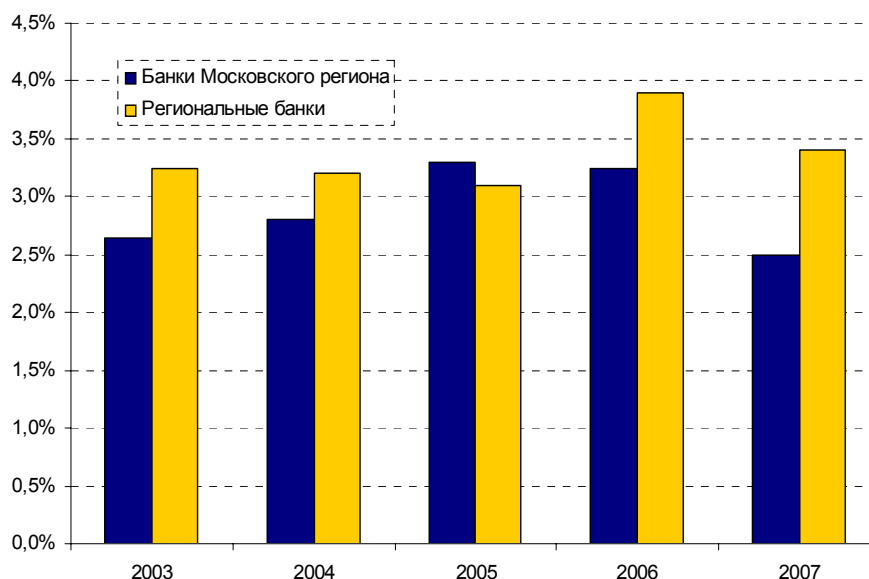

Рис. 12. Уровни рентабельности московских и региональных банков

Отсутствие единой государственной политики, направленной на развитие банковских услуг, несовершенство законодательной базы, жесткий банковский надзор являются проблемами, препятствующими развитию региональных банковских услуг. Сложившаяся система банковского надзора (по своему содержанию соответствующая европейской) не может решить проблемы развития отрасли в стране, по масштабам аналогичной России.

Особенности нашей страны таковы, что даже крупные федеральные банки не в состоянии охватить своей филиальной сетью всю ее территорию. «Пробелы» должны заполняться региональными кредитными организациями. Однако ведение бизнеса в регионах порой мало рентабельно, а региональные банки имеют ограниченное количество инструментов привлечения денежных ресурсов. Поэтому в вопросе повышения доступности финансовых услуг не обойтись без активизации роли государства на региональном уровне. Следует предоставить субъектам Федерации больший объем прав по оказанию влияния на формирование региональных банковских систем, выработке механизмов и инструментов поддержки местных банков как посредством обеспечения источников финансирования, так и путем участия в кредитном риске.

Ассоциация региональных банков России особое внимание в своей Стратегии обеспечения доступности банковских услуг уделяет необходимости дифференцированного подхода к кредитным организациям, учету их специализации. Дифференциация банковского сектора становится одной из важнейших структурных задач банковской политики, регулирования и надзора, обеспечивающей целенаправленное преодоление трудностей, стоящих перед региональными группами кредитных организаций. Приведя надзорные издержки в соответствие с размерами бизнеса региональных банков, можно снизить нагрузку накладных расходов и тем самым стимулировать развитие кредитных организаций, а, следовательно, и социально-экономическое развитие регионов России.

НОРМАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И ОСНОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОЛИТИК

М.Ю. Погорелко,
эксперт Центра проблемного анализа и
государственно-управленческого проектирования

Сообщение основано на результатах проведенного Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования исследования, посвященного анализу междисциплинарной проблемы, находящейся на стыке правовой и политической науки. Речь идет о раскрытии форм задания содержания и реализации государственных политик в России и возможностей их совершенствования. Правовое пространство при этом представляется не только как пространство форм воплощения, но и как пространство источников и оснований государственных политик как управленческих практик. Кроме правовых, в пространстве государственных политик действуют еще практические и традиционные источники и основания. Итак, поставлен вопрос о нормативно-правовых и нормативно-политических источниках и основаниях государственных политик. Очевидно то, что оба этих класса источников и оснований тесно связаны друг с другом.

Структура исследования, таким образом, состоит из постановки задачи, выбора методов исследования, анализа задающих государственные политики форм, выявления объективно существующих взаимосвязей политических и правовых форм задания государственных политик и отдельных правовых, политических и управленческих решений в современных российских условиях. В итоге предлагаются правовые решения, направленные на конституирование системы формирования и реализации государственных политик в Российской Федерации.

Основные понятия

В первую очередь необходимо определить понятийный аппарат, используемый в настоящем исследовании.

Государственное управление - реализация совокупности целей, мер, решений и действий по их осуществлению, в основном заданных соответствующим публичным государственно-управленческим документом.

Государственная политика - система ценностей и целей, государственно-управленческих мер, решений и действий, оформленных соответствующими нормативными правовыми актами, и программ, направленных на осуществление поставленных целей.

Основания государственной политики - идейные и ценностные исходные установки, социальные, экономические и иные внешние условия, которые объективно вызывают необходимость принятия управленческих решений, изменения как отдельных политических и правовых документов, так и политической и правовой системы в целом.

Источники государственной политики - документарное воплощение содержания государственной политики, различные виды политических и правовых документов, отличающихся по способу выработки содержания и уровню принятия.

Нормативно-политические формы источников государственной политики - заявления, обращения, выступления, программы, послания, платформы и иные документы, выражающие намерения и обязательства политических лидеров и лиц, принимающих решения. Как правило, в документированном виде содержат предписания об элементах обязательности исполнения.

Нормативно-правовые формы источников государственной политики - письменные документы, устанавливающие правила поведения (правовые нормы), принятые уполномоченными на то субъектами, обязательные к исполнению и имеющие легитимный характер, обеспеченный, в том числе властным принуждением.

Цель - желаемое для субъекта деятельности состояние предмета деятельности (объекта управления).

Ценности - жизненно или по иным причинам особо значимые для субъекта деятельности элементы желаемого состояния предмета деятельности (объекта управления).

Норма - правило, установленное тем или иным властным субъектом.

Программные документы - документы, определяющие цели, задачи, средства, порядок действий для регулирования и развития определенной сферы общественных отношений и государственного управления на определенный срок и направленные на решение приоритетных задач развития общества и государства, оформленные, как правило, нормативными актами органов власти.

Доктрина - основной политический и нормативно-правовой государственно-управленческий акт, задающий содержание государственной политики в области управления развитием страны, формирующий и приводящий в действие механизм ее исполнения.

Актуальность задачи и выбор методов исследования

Одним из условий развития правового государства в Российской Федерации является необходимость формирования целостного политико-правового пространства, обеспечивающего стабильность и легитимность публично-правовых институтов власти. Существенным условием его формирования является согласованность и непротиворечивость источников и оснований государственных политик, что позволяет организовывать весь массив действующих актов (при всем

их многообразии и динамике) в стройную иерархическую систему, во главе которой - программно-доктринальные документы.

Одной из ключевых проблем создания целостного политико-правового пространства в России является неурегулированность системы источников и оснований государственных политик. Нормативное обеспечение государственной политики на концептуальном уровне строится посредством издания документов программного характера (различных посланий, концепций, доктрин, стратегий и т.п.), которые принимаются Президентом, Правительством и другими органами государственной власти. Однако какого-либо установленного порядка и системы принятия подобных документов, нормативных конструкций, в виде которых должны находить воплощение подобные документы, в действующем законодательстве Российской Федерации не закреплено.

Здесь очевидно возникает разрыв в цепочке формирования и осуществления государственного управления, отталкивающегося от определенных целевых и ценностных установок. Роль программно-доктринальных документов в обеспечении прозрачности и предсказуемости государственной политики из-за этого существенно снижается, как снижается и сама прозрачность и предсказуемость государственной политики в целом.

Данная группа актов напрямую адресована только исполнительным органам власти на федеральном, региональном и отчасти муниципальном уровне. Иные, не исполнительные органы государственной власти формально не связаны обязанностью совершенствовать порядок осуществления своих функций в соответствии с направлениями развития, определенными политико-правовыми документами, несмотря на то, что последние иногда прямо касаются их деятельности.

В конечном итоге, неопределенность нормативно-правовой базы по вопросам формирования и реализации государственной политики, ее источников и оснований, отсутствие комплексного подхода в государственном планировании и прогнозировании не позволяют обеспечить проведение предсказуемой и прозрачной государственной политики.

Неопределенность нормативно-правовой базы по вопросам подготовки и реализации программно-доктринальных документов поддерживается также и существующим многообразием действующих видов указанных документов.

Нормативно-политические и нормативно-правовые формы

В качестве нормативно-политических форм в проведенном исследовании рассматриваются послания Президента; программы политических партий (в особенности партий, представленных в Государственной Думе); предвыборные программы партий, кандидатов на пост президента и, в определенной степени, кандидатов на пост председателя правительства; выступления публичных лиц по отдельным вопросам внутренней и внешней политики страны, протоколы и декларации о намерениях по итогам совместных встреч лидеров страны с

лидерами других стран и международных организаций. Этот ряд может быть продолжен и дальше – очевидно, что конкретных разновидностей нормативно-политических форм гораздо больше перечисленных выше, но задача исчерпывающим образом определить все их вариации в проводившемся исследовании и не ставилась. Главное – определить те характерные черты, которые отличают нормативно-политические формы от иных форм. В качестве таких особенностей можно назвать следующие:

Первая, это элемент обязательности для самих лиц, их принявших, и для лиц, входящих в круг властного воздействия данных лиц, можно даже сказать – «самообязывание» лица действовать в устанавливаемых им самим рамках.

Вторая особенность – наличие формы и ее открытость, доступность широкой публике. В одних случаях это будут некие документарные предписания (послания, программы партий, заявления органов власти), в других – публичные высказывания, зафиксированные в стенограммах, видео и аудиозаписи (обращения, пресс-конференции) или обнародованные в других формах.

Еще одна особенность состоит в том, что политические документы действуют до тех пор, пока они подкреплены волей к исполнению издавшего их субъекта. В то время как, например, правовые акты адресованы неопределенному кругу лиц (для всех) и являются действующими вне зависимости от того, возникли или прекратились конкретные правоотношения, предусмотренные актом, остается или нет принявший их субъект у власти, т.е. они обладают свойством надэлекторальной устойчивости и пролонгированности действия.

Рассмотрим некоторые из перечисленных нормативно-политических форм подробнее.

Решающая роль в системе формирования и реализации государственных политик принадлежит Президенту как главе государства. В силу нормы статьи 80 Конституции Российской Федерации в его полномочия входит обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия всех органов государственной власти, а также определение основных направлений внутренней и внешней политики государства. В соответствии с пунктом «е» статьи 84 и другими положениями Конституции Президент определяет приоритетные направления развития страны и указывает их в своем послании к Федеральному Собранию, в бюджетном послании, а также в других программных документах, юридическая сила которых, однако, в соответствии с действующим законодательством, представляется не вполне ясной.

Несмотря на это, в последнее время именно в посланиях Президента определяются основные направления развития российского государства, намечается тенденция усиления их роли в формировании государственных политик. Причем в политических кругах данный вид документа рассматривается как

конституционно-правовое основание формирования стратегии правового развития Российской Федерации¹.

В современном законодательном процессе посланиям Президента придается первостепенное значение. Законодательная деятельность Федерального Собрания осуществляется с учетом приоритетных задач, поставленных в ежегодных посланиях Президента. Законопроекты, которые вносятся Президентом и Правительством в целях реализации посланий Президента, рассматриваются в первоочередном порядке.

Кроме того, есть и такой пример: во исполнение Послания 2007 г. было принято распоряжение Правительства РФ от 15 июня 2007 г. № 781-р «Об утверждении комплексных мер по реализации основных положений Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2007 г.», а также девять актов органов исполнительной власти, посвященных мерам, направленным на реализацию положений Послания 2007г. Для сравнения: в 1997 г. было принято только одно Постановление Правительства.

В последнее время с каждым годом данная тенденция только усиливается: Контрольное управление Президента ежегодно готовит доклад об итогах реализации послания главы государства Федеральному Собранию, отмечая полноту реализации положений послания и указывая направления, которые не получили законодательного закрепления.

Правовое регулирование посланий Федеральному Собранию ограничивается их упоминанием в Конституции (п. е ст. 84) и Федеральном законе от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» (далее – Закон о прогнозировании). Соответственно отсутствует и их дефиниция. Попробуем реконструировать понятие послания.

Закон о прогнозировании определяет, что первое после вступления в должность Президента Российской Федерации послание, с которым он обращается к Федеральному Собранию, должно содержать специальный раздел, посвященный концепции социально-экономического развития России на среднесрочную перспективу. В данном разделе характеризуется состояние экономики страны, формулируются и обосновываются стратегические цели и приоритеты социально-экономической политики государства, направления реализации указанных целей, важнейшие задачи, подлежащие решению на федеральном уровне, приводятся важнейшие целевые макроэкономические показатели, характеризующие социально-экономическое развитие Российской Федерации на среднесрочную перспективу. При этом, в соответствии с Законом о прогнозировании, Правительство при разработке программ социально-экономического развития на среднесрочную перспективу ориентируется на положения, содержащиеся в послании Президента.

¹ См. Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации о состоянии законодательства в Российской Федерации в 2005 г.

Статус бюджетного послания Президента определяется, помимо Конституции, также и Бюджетным кодексом Российской Федерации, который в статьях 170 и 172 называет бюджетное послание Президента в качестве одного из оснований для составления проекта бюджета, определяющего бюджетную политику Российской Федерации на очередной финансовый год и плановый период (т. е. три года).

Таким образом, послание Президента - это документ, определяющий основные направления внутренней и внешней политики государства. Но основной проблемой Посланий является неясность их статуса. Если другие программные документы, формулирующие цели, задачи, средства, порядок действий для регулирования и развития соответствующей сферы общественных отношений и государственного управления ею, также не определяют свой статус, но оформляются соответствующим правовым актом органов государственной власти, силу которого и приобретают, то послания никаким статусным актом не оформляются. Все это свидетельствует о том, что значение Послания во многом зависит от конъюнктурного «расклада» политических сил в России и от возможности влияния Президента на политический процесс.

Из этого по логике следует, что Послания сами по себе не обязательны для исполнения. Кроме того, столь сжатый документ не может содержать необходимое количество управленческой атрибутики. Поэтому можно сделать вывод, что Послания носят характер политического документа, который представляет общественности идеологическую позицию главы государства. Кроме того, срок его действия – один год (бюджетных – три года) и его целевое содержание может постоянно меняться.

В данном случае, рассматривая бюджетное послание Президента и его послание Федеральному Собранию интересно заметить, что бюджетное послание обладает даже более определенным статусом и его шансы на реализацию выше не только потому, что оно обладает узким предметом (бюджетная и отчасти налоговая сфера), но и в силу того, что Президент как участник бюджетного процесса может непосредственно контролировать реализацию своего послания в проекте бюджета, в то время как его возможности по контролю реализации послания Федеральному Собранию опосредованы и гораздо менее конкретны, а Правительство Президенту формально не подчинено.

Что касается предвыборных платформ партий и кандидатов на пост президента, и в некотором отношении кандидатов на пост председателя правительства, то здесь законодательство еще более расплывчато.

Для политических партий Федеральным законом от 11 июля 2001 г. № 95 - ФЗ «О политических партиях» установлено, что их цели и задачи излагаются в уставе и программе партии, а при выдвижении кандидатов (списков кандидатов) в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти и органах местного самоуправления политическая партия обязана опубликовать свою предвыборную программу в порядке и сроки, которые установлены законодательством Российской Федерации о выборах. Но обязательность

реализации данной предвыборной программы в явном виде не закреплена. Таким образом, реализация заявленных в программе целей и задач в ходе разработки и принятия федеральных законов, определяющих политику государства в той или иной сфере, остается практически целиком и полностью на усмотрение самих партий и со стороны проконтролирована быть не может. Немногие партии в такой ситуации будут обращать внимание на свою программу и необходимость ее реализации, несмотря на то, что они установили в ней цели и принципы своей же собственной деятельности.

Что касается кандидатов на пост премьер-министра, то, как закреплено в статье 111 Конституции, он назначается Президентом с согласия Государственной Думы. В Государственную Думу вносится предложение только о кандидатуре премьера, но не его программа действий на срок избрания. Таким образом, Государственная Дума, утвердив кандидатуру, может оценить только саму персону, ее возможный политический вес и влияние, т. е. ее прошлые заслуги, но никак не предполагаемые действия в будущем. В ряде зарубежных стран, как например в Испании, кандидат на пост премьер-министра вносит на обсуждение Конгресса депутатов политическую программу правительства, которое он намерен сформировать, и просит палату о доверии. В случае утраты такого доверия правительство подает в отставку. В Италии одобрение парламента получает весь состав правительства в целом, а не только председатель правительства.

В России при выдвижении кандидатов на пост Президента или Председателя Правительства представление и одобрение кем-либо каких-либо программ действий на предстоящий срок не требуется, сами кандидатуры лишь согласуются различными политическими силами и группами интересов. Причем обязательность даже таких консультаций нигде не установлена, а сложилась в силу определенных обычаев и может быть в любой момент признана формальностью и отменена. Намерения же самих кандидатов лишь реконструируются из их публичных выступлений, предвыборных дебатов или из выражения симпатии и поддержки, демонстрируемых различными партиями и группами интересов, то есть из неформальных и ни к чему не обязывающих высказываний.

К нормативно-политическим можно отнести не только высказывания органов исполнительной власти, но также и законодательных и иных государственных органов власти.

Так, например, Государственная Дума и Совет Федерации принимают заявления по отдельным вопросам внешней и внутренней политики Российской Федерации, не носящие правового характера, но выражающие официальную позицию органов по этим вопросам. Из последних таких заявлений можно упомянуть совместное Заявление Совета палаты Совета Федерации и Совета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 18 февраля 2008 г. «О последствиях самопровозглашения независимости края Косово (Сербия)».

Из нормативно-политических документов иных органов государственной власти можно упомянуть и об Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на текущий год². В соответствии с Федеральным законом от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» Национальный банковский совет в ходе своего заседаний рассматривает и принимает к сведению Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики и направляет их для ознакомления в другие органы. В дальнейшем Совет директоров Банка России должен обеспечивать их выполнение, но остальные органы власти (Президент, Правительство, Федеральное Собрание) не обязаны неукоснительно следовать закрепленным в них положениям и политика разных органов в данной сфере может на практике осуществляться рассогласованно. Но вместе с тем, данный документ оказывает значительное влияние на поведение экономических субъектов, как стимулируя их к активным действиям в одних сферах экономики, так и предлагая воздержаться от деловой активности в других.

Ситуация в сфере нормативно-правовых форм - письменных документов, устанавливающих правила поведения (правовые нормы), не намного лучше. Такие государственно-управленческие документы высшего уровня включают в себя программные и доктринальные документы. Дефиниция программных и доктринальных документов в российском законодательстве отсутствует. Контент-реконструкция действующих актов такого рода дает представление, что под программными и доктринальными документами понимаются документы, определяющие цели, приоритеты, задачи, средства, порядок действий на определенный период и направленные на решение проблем и задач развития общества и государства, оформленные, как правило, правовыми актами органов власти.

Принятие программных и доктринальных документов началось с момента образования современной России. Первые документы были приняты еще Верховным Советом РФ. После кризиса 1993 г. и принятия Конституции Российской Федерации разработка и принятие такого рода актов перешли в основном под юрисдикцию Президента и органов исполнительной власти во главе с Правительством. Органы законодательной власти были практически исключены из числа субъектов, принимающих программные и доктринальные документы. Однако этого нельзя сказать о субъектах Российской Федерации, где наиболее важные документы и программы принимаются чаще всего именно в форме законов субъектов Российской Федерации.

В Конституции России упоминаются три программных и доктринальных документа: Послания Президента Федеральному Собранию (п. «е» ст. 84), Военная

² См., например, информацию Центрального банка Российской Федерации от 28 июня 2007 г. // «Вестник Банка России» от 4 июля 2007 г. № 38.

доктрина (п. «з» ст. 83), федеральные программы (п. «е» ст. 71). При этом Конституция лишь упоминает документы, не определяя их статус.

В Конституции указано, что к ведению федеральных органов власти относится установление «основ федеральной политики» и «федеральные программы» в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации (п. «е» ст.71). Однако, что такое основы федеральной политики и федеральные программы, не определено и в дальнейшем правового регулирования и управленческого конституирования они не получили.

С другой стороны, в последнее время принятие различных программных документов приняло массовый характер, почти все сферы общественных отношений охвачены ими и почти все наиболее актуальные проблемы пытаются решать с их помощью. Но каково их управленческое качество?

Несмотря на значительное количество существующих программных и доктринальных документов в России так и не принят нормативный правовой акт, который бы регулировал виды, иерархию, сферу действия этих документов. В итоге зачастую затруднительно определить различие между документами и их место в иерархии нормативных правовых актов.

Итак, действующие программные документы неоднородны не только по сфере регулирования и содержанию, но и по форме (видам). Обобщая, можно выделить несколько основных видов: доктрины, программы, концепции, стратегии, основные направления и ряд других. Объединяет эти документы одно: эффективность их реализации напрямую зависит от правовой формы утверждения. Лишь те программные и доктринальные документы, которые имеют определенный нормативно-правовой статус и встроены в систему и иерархию нормативно-правового регулирования, имеют шанс быть реализованными на практике. В то же время они не выполняют своей основной функции: функции системного целеполагания, ценностного ориентирования, формирования основ государственной политики в том или ином направлении. В результате реализация управленческих действий становится бессистемной, неорганизованной, непрогнозируемой, зачастую неуправляемой и, соответственно, неэффективной.

В целом, с начала 90-х годов, было принято более 700 различных внутригосударственных программных и доктринальных документов (без учета ведомственных целевых программ). Однако все они неоднородны как по форме, так и по содержанию.

Необходимо отметить, что по сфере регулирования в 2000-е гг. программные и доктринальные документы претерпели определенные изменения по сравнению с состоянием в 1990-е годы, что объясняется изменением как социально-экономической, так и политической ситуации. Большая часть документов 1990-х годов принималась по вопросам реформирования экономики и социальной политики. Среди более поздних чаще встречаются документы, посвященные развитию отраслей промышленности (особенно стратегически важных), обороне,

правовой системе. Вопросы социальной политики по-прежнему составляют содержание значительной части документов. Но что касается программ реформирования экономики, то здесь, после в основном завершения институционального реформирования, имеет место почти полное отсутствие стратегий развития.

Контент-анализ, проведенный нами, позволил выявить некоторые особенности принятия и реализации данных документов:

1. В последние годы наметилась тенденция увеличения числа программных документов и попыток решения всех более или менее значимых проблем с их помощью (приоритетные национальные проекты, федеральные целевые программы, стратегии развития проблемных регионов и отраслей и т. д.).

2. Условно программные документы можно разделить на документы, имеющие механизмы реализации (программы), и документы по сути декларативные, т. е. такими конкретными механизмами не обладающие (доктрины, концепции, стратегии и т. д.).

3. Отсутствие акта, регулирующего систему и статус программных документов, является одним из препятствий выстраиванию согласованной системы последних. Лишь малая часть из документов нормативно урегулирована (федеральные и ведомственные целевые программы, президентские программы). Значительное количество видов программных документов неоправданно, многие из них по сути дублируют друг друга.

4. Большинство из документов требуют для своей работы незамедлительного принятия значительного количества дополнительных актов, что на практике практически не исполняется и что оставляет документ фактически не реализованным. Документы, принимаемые в рамках регулирования одной группы отношений, слабо связаны друг с другом, не иерархизированы.

5. Среднесрочная и краткосрочная перспектива планирования, закрепляемая программными документами, не позволяет сделать действующие акты реальными стратегическими инструментами управления.

6. Отсутствие санкций за неисполнение программных документов подрывает их статус и управленческий потенциал.

Складывается ситуация, при которой программные и доктринальные документы носят характер скорее не правовых (управленческих, рассчитанных на реализацию), а политических документов (рассчитанных более на пиар). Зависящих от воли конкретных высших лиц государства, а не обусловленных естественной и согласованной в обществе необходимостью государственного строительства и общественного развития. В то время как обе данных формы и нормативно-политическая, и нормативно-правовая, должны задавать ценностные основы и наполнять содержанием государственную политику.

Речь идет об упорядочении механизма формирования, или, иными словами, задания содержания государственной политики как управленческой практики. Уточним здесь, что государственная политика должна конструироваться для

последующей реализации, то есть ее задача - конструирование будущего, а вовсе не констатация результатов пост-фактум, по итогам анализа отдельных действий и решений, как часто понимается в традиционной политологии. В проведенном исследовании выбор между созерцанием уходящего и активным созиданием будущего сделан в пользу второй альтернативы

Государственная политика, как указано выше, это система ценностей и целей, государственно-управленческих мер, решений и действий, оформленных соответствующими нормативными правовыми актами, и программ, направленных и осуществляемых для достижения поставленных целей. Заметим, что «совокупность» целей и мер - это еще далеко не процесс их реализации. Но столь же очевидным является и то, что если кто-то захочет проводить в отдельной сфере некую политику в данном определении, то он, не имея указанной совокупности, на практике проводить на системной основе политику не сможет. «Политика» в виде программного плана действий в любом случае должна существовать.

Предложения по конституированию системы двух форм источников государственных политик

Так мы подходим к необходимости документа, задающего содержание государственного управления. Возникает вопрос – от чего же зависит эффективность государственной политики?

Основной интегративной проблемой государственных политик в России является отсутствие прозрачного и признанного механизма их формирования и отчетливой формы выражения. Распределение полномочий между институтами исполнительной власти способствует «расщеплению» единой целенаправленной государственной политики на отдельные фрагменты, что делает возможным «растворение» полномочий и ответственности за принятые решения³. Речь идет прежде всего об отсутствии ответственности в публично-правовом, и, как следствие, – в публично-политическом смысле.

Конечно, представления о государственной политике, ее основных принципах и направлениях присутствуют в сознании политической элиты или ее отдельных групп. Однако ее содержание в явной форме недоступно для граждан, избирателей, не является предметом обсуждения в широком политическом процессе. Она никак не проявляется ни в государственной идеологии, на которую наложен конституционный запрет, ни в законодательном массиве, не усматривается она и в повседневной управленческой практике.

Поэтому требуется практическое оформление самого явления государственной политики как определенного ценностного выбора правящей элиты, основанного на признанных и поддерживаемых электоратом ценностях (то есть конкретных целевых установках, прозрачных механизмах формирования и

³ См.: Киселёв И.Ю. *Принятие решений в политике: теоретические аспекты психологии выбора*. – Ярославль, 2002.

реализации), имеющих управленческое содержание. Граждане не обязаны улавливать содержание этой политики в отдельных действиях власти, не должны полагаться только на мнения различных экспертов и аналитиков, пытающихся угадать, какая тактика или стратегия кроется в тех или иных действиях высших эшелонов власти, они должны ясно видеть это в специальных документах, одинаково понимаемых всеми и совпадающих с практикой⁴.

Доктринальные и программные документы должны провозглашаться явно и открыто, содержать однозначно трактуемые любым человеком ценностные ориентиры, стратегические цели и принципы их достижения. Конкретизированное содержание государственных политик должно по возможности пронизывать всю управленческую деятельность, служить основой для разрешения управленческих коллизий и противоречий, а в некоторых случаях – основой для управленческих инициатив.

Предлагаемая иерархия программных и доктринальных документов выглядит следующим образом. На самом верхнем уровне – Конституция Российской Федерации и федеральные конституционные законы как акты, обладающие наивысшей юридической силой. Далее – федеральные законы, утверждающие доктрину государственной политики в соответствующей сфере общественных отношений (этот новый тип документа будет рассмотрен далее). Также могут приниматься федеральные и ведомственные целевые программы по отдельным направлениям, указанным в доктринах, регулирующие данные вопросы на межведомственном и ведомственном уровнях соответственно. На уровне субъектов Российской Федерации по вопросам, входящим в исключительную компетенцию субъектов Федерации, решения принимаются органами субъектов Российской Федерации самостоятельно. Аналогично и на уровне местного самоуправления.

Послания Президента в данной иерархии выполняют роль политических документов, определяющих основные направления внешней и внутренней политики страны в соответствии с доктринами государственных политик на краткосрочную и среднесрочную (первое послание Президента после избрания) перспективу.

Виды и иерархию программных, доктринальных документов и их соотношение с иными нормативными и ненормативными правовыми актами предлагается установить в федеральном законе «О правовых актах», проект которого в настоящее время разрабатывается Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Данный закон призван повысить эффективность законодательного регулирования общественных отношений, обеспечить единство и непротиворечивость правовой системы, закрепить научно-обоснованные стандарты, определяющие содержание и форму правовых актов. Законопроекты о правовых актах разрабатываются более 40 лет научной общественностью и специалистами-практиками, но не находят поддержки в силу их

⁴ О дифференциации восприятия политических ценностей населением см.: Рывкина Р.В. Эгалитаризм массового сознания населения России // *Общественные науки и современность*, 2006, № 5. С. 75-82.

большого объема и сложности, отсутствия консенсуса даже среди авторов проекта, а также из-за нежелания депутатов связывать себя процессуальными нормами закона, которые в отличие от правил регламентной процедуры довольно сложно изменить. Разрабатываемый законопроект призван установить и обеспечить механизм формирования целей на основе ценностей в системе законодательства и преемственность целевых и ценностных установок, а также включить Федеральное Собрание в процесс разработки и одобрения доктринальных документов и восстановить принцип национального консенсуса при разработке и реализации государственных политик в России.

В качестве такого управленческого документа нового типа, синтезирующего нормативно-политические и нормативно-правовые формы управленческих документов, предлагается доктрина. Доктрина — термин настолько привычный, что иногда ускользает точное представление о том, что это такое и зачем она нужна в практике государственного управления. Возникают вопросы, почему доктрины в России вроде бы есть, а соответствующего содержания отвечающих им направлений государственной политики нет?

Несмотря на то, что упоминание доктрины присутствует в статье 83 Конституции, которая относит к полномочиям Президента принятие Военной доктрины, в законодательстве правовое регулирование доктрин отсутствует.

В науке доктрина понимается как принятая в государстве система взглядов на цели, методы и средства деятельности определенных институций. Однако управление не предполагает в качестве своих инструментов только лишь системы взглядов. А когда именно так происходит, то появляются широкие возможности для произвола и коррупции.

Единого определения доктрины в законодательстве нет, но в некоторых из принятых доктрин присутствуют самодефиниции. Но и здесь заметна непоследовательность. Так, Национальная доктрина образования определяет себя, как «основополагающий государственный документ, устанавливающий приоритет образования в государственной политике, стратегию и основные направления его развития». Военная доктрина - как «совокупность официальных взглядов (установок), определяющих военно-политические, военно-стратегические и военно-экономические основы обеспечения военной безопасности Российской Федерации». Доктрина развития российской науки - «система взглядов на роль и значение науки в обеспечении независимости и процветания России, а также принципов, определяющих механизм государственного регулирования научной деятельности, которыми руководствуются органы государственной власти и научные учреждения».

Удивительно, но в этой ситуации неопределенности Конституционный Суд Российской Федерации еще и отметил, что основные положения Военной доктрины Российской Федерации не содержат нормативных предписаний, а поэтому не

подлежат проверке Конституционным Судом⁵. По сути – это указание на то, что исполнять доктрины и иные документы программного характера нет необходимости. Такая позиция Конституционного Суда еще больше запутала статус доктрин.

В целом было принято восемь доктрин, из которых действуют семь: Доктрина информационной безопасности (Указ Президента РФ от 09.09.2000 г. № Пр-1895), Морская доктрина на период до 2020 г. (Указ Президента РФ от 27.06.2001 г.), Военная доктрина (Указ Президента РФ от 21.04.2000 г. № 706), Военная доктрина (Указ Президента РФ от 02.11.1993 г. № 1833 - утратил силу), Доктрина развития российской науки (Указ Президента РФ от 13.06.1996 г. № 884), Национальная доктрина образования (постановление Правительства РФ от 04.10.2000 г. № 751), Экологическая доктрина (распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 г. №1225-р), Доктрина среднего медицинского и фармацевтического образования в Российской Федерации (решение коллегии Минздрава от 28.12.1999 г. протокол № 20).

Как видно, пять из восьми доктрин приняты в форме указов Президента, две в форме постановлений Правительства и одна – в виде решения федерального органа исполнительной власти. Обычно Доктрины регулируют объемные и стратегически важные сферы общественных отношений и в своей массе содержат весьма расплывчатые формулировки, которые описывают важность и современное состояние регулируемого вопроса и ставят задачи по его разрешению. К сожалению, в законодательстве отсутствует требование о принятии дополнительных документов во исполнение доктрин, но, так как реальные доктрины - документы декларативные, то для их реализации нужно принятие еще ряда документов, иначе исполнение будет невозможным. Это обусловлено тем, что доктрины в принципе не содержат ни механизмов реализации, ни источников финансирования, ни конкретных реализационных мер. В результате, зачем нужна эта «система взглядов»?

Неотъемлемой особенностью государственной власти является и практика, в соответствии с которой высшая власть стремится поставить себя над законом, какие бы ни были провозглашены нормы, правила, запреты, традиции и общая риторика в том или ином государстве. Отсюда также проистекают издержки и искажения государственного управления. Причина в том, что властно-политические

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 года N 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики)», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 года № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации».

решения и их реализация, в том числе и в нормативных правовых актах, приобретают особенности, связанные с индивидуальными характеристиками (не всегда положительными) лидера или правящей группировки. Они в значительной степени субъективизируются.

Поэтому актуальна задача выстраивания такой системы власти, в которой бы нивелировались указанные субъективные особенности. При этом нужно иметь в виду не одно, а два властных пространства.

Первое - пространство политического властного управления, которое имеет указанные характерные особенности, и второе - нормативно-правовое пространство административного управления, обладающее гораздо более устойчивыми характеристиками. Целесообразно их сблизить с одновременным повышением эффективности, гуманистичности, результативности, предсказуемости, прозрачности и устойчивости системы государственного управления в стране. Причем эти качества имеют значение не только для внутренних процессов, происходящих в стране, но также важны и для внешнеполитической и внешнеэкономической жизни государства, поскольку делают его более понятным, предсказуемым и привлекательным для сотрудничества и альянсов.

Под устойчивостью понимается временная пролонгированность и надэлекторально-цикловый характер. Это означает, что государственная политика должна в минимальной степени зависеть от неожиданностей очередных выборов власти, должна быть преемственной и долгоживущей. Именно поэтому представляется целесообразным найти такой механизм, который бы нивелировал неизбежные субъективные особенности высшего этажа власти и издержки ее неустойчивости при сменяемости.

Систему государственного управления можно представить как пирамиду. В основании пирамиды - вся страна с массой групп интересов: региональных, гендерных, возрастных, профессиональных и множеством других. В средней части этой пирамиды - административно-управленческий этаж, который действует уже по строгим регламентам и правилам. Цели здесь имеют почти технический характер. А наверху пирамиды цели носят характер властно-политический. Цели, транслируемые на нижние этажи пирамиды, выглядят с вершины пирамиды средствами. Когда в программах Минэкономразвития России целью объявляются институциональные реформы, то это означает, что властно-политические или ценностно-содержательные цели подменяются административно-управленческими, не содержащими в себе всеобщих сбалансированных ценностей.

Таким образом, становится чрезвычайно важным решить поставленную задачу сближения двух управленческих пространств и добиться устойчивости государственных политик в России.

Одним из путей решения поставленной задачи могут служить доктрины. Если их наполнить управленческим содержанием, они могут играть роль закрепленных в форме закона источников и оснований управленческой практики государства, делая

ее системной, легитимной и понятной. Конечно, исполнительно-распорядительные действия органов государственной власти, составляющие содержание политики, определяются личным опытом руководителей, воздействием различных групп интересов, в том числе и нелояльных государству. Но, с другой стороны, они могут проистекать из устойчивых документов, которые легитимны, непреложны, продолжительны (действуют дольше электорального цикла), согласованы в обществе и политических институтах. Именно эту роль могут исполнять доктрины.

Таким образом, для осуществления поставленных целей доктрина должна получить иное, управленческое определение. Препятствий для этого нет, поскольку, что такое доктрины, программы, политики, в действующем законодательстве не определено.

Итак, доктрина как источник и основание конкретной государственной политики представляет собой систему ценностей и целей, государственно-управленческих мер, решений и действий, оформленных соответствующими нормативно-правовыми актами и программами и направленных на реализацию поставленных публично целей развития. Доктрина должна задавать содержание государственного управления, формировать и запускать в действие механизм ее исполнения.

Доктрина должна иметь нормативно-правовой статус. Для современной практики это является новшеством, поскольку даже статус послания Президента Федеральному Собранию до конца не определен, не указано, что он обязателен для исполнения. Не указано также, кто его должен исполнять и в каком порядке. То же самое касается других документов высокого уровня, в том числе и сегодняшних доктрин.

Предлагается, чтобы доктринальный документ приобрел статус документа, обязательного для исполнения, что является характеристикой нормативно-правового документа. Доктрина в новом понимании должна иметь уровень федерального закона.

Документ такого масштаба предпочтительнее принимать именно на уровне закона. Действительно, для российской практики более традиционным, как уже отмечалось выше, является принятие программных документов нормативными (указ Президента, постановление Правительства, приказ федерального министерства) и даже индивидуальными (распоряжение Правительства) актами органов государственной власти и федеральных органов исполнительной власти. Но и законодательное закрепление программного документа также имеет место. Так, например, Федеральным законом от 10 апреля 2000 г. № 51-ФЗ была утверждена Федеральная программа развития образования⁶, и уже во исполнение данного закона были приняты постановления Правительства и приказы Минобразования России, и с учетом приоритетных направлений финансирования

⁶ *Федеральный закон от 10 апреля 2000 г. N 51-ФЗ "Об утверждении Федеральной программы развития образования" // Собрание законодательства Российской Федерации, 2000, № 16, ст. 1639.*

был подготовлен проект федерального бюджета на очередной год. Также был принят ряд федеральных законов, определяющих основы федеральной политики в ряде сфер: Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»⁷, Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»⁸, Федеральный закон от 29 декабря 1998 г. № 192-ФЗ «О первоочередных мерах в области бюджетной и налоговой политики»⁹, Закон Российской Федерации от 24 декабря 1992 г. № 4218-1 «Об основах федеральной жилищной политики» (утратил силу)¹⁰.

Данная схема (принятие пакета подзаконных актов в целях реализации требований закона) является более классической и соответствующей иерархии нормативных актов по юридической силе, нежели принятие изменений в федеральные законы и кодексы Российской Федерации во исполнение внесенных в указы Президента изменений.

Федеральный закон как нормативный правовой акт обладает более высокой юридической силой по сравнению с указом Президента, который, в соответствии со статьей 90 Конституции, не должен противоречить Конституции и федеральным законам, т. е. является подзаконным актом. Таким образом, указ Президента не должен содержать положений, противоречащих действующим на территории Российской Федерации законам и Конституции и, следовательно, не может закреплять принципы и основы государственной политики в той или иной сфере, вступающие в противоречие с указанными актами. Тем более что данный вывод прямо закрепляется в другой статье Конституции – статье 80, в соответствии с которой президент определяет основные направления внутренней и внешней политики государства в соответствии с положениями Конституции и федеральных законов. Следовательно, легитимное формирование целенаправленной политики государства в различных сферах, направленное на изменение или определенную корректировку уже реализуемого курса, возможно только актом равной или более высокой юридической силы, в данном случае – федеральным законом.

Утверждение доктрин федеральным законом, а не указом Президента, имеет преимущества не только потому, что данная форма будет придавать положениям доктрин более высокую юридическую силу, но и потому, что сама процедура принятия федерального закона предполагает достижение согласованности позиций гораздо более широкого круга субъектов, нежели подзаконный акт. В случае принятия федерального закона в правотворческом процессе будут принимать участие в первую очередь представительный и законодательный органы – Федеральное Собрание, высшие судебные органы Российской Федерации (в пределах своей компетенции), иные органы государственной власти в пределах своей компетенции

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 35, ст. 4137.

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, № 22, ст. 2670.

⁹ Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, № 1, ст. 1.

¹⁰ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, № 3, ст. 99.

(свои предложения могут представлять Банк России, прокуратура), а также не только федеральные органы власти, но и органы власти субъектов Российской Федерации.

Форма закона также обладает, по сравнению с указом Президента Российской Федерации, такими свойствами, как большая стабильность и усиленная охрана и защита, что для целей долгосрочного планирования не менее важно, чем юридическая сила документа. Такие свойства закона, как повышенная стабильность и консенсусные процедуры принятия, являются одновременно и его «плюсами», и его «минусами», так как позволяют повысить устойчивость к воздействию сиюминутных потребностей и узких групп интересов (указ Президента для данных целей является более закрытым по процедуре принятия документом и позволяет принятие в сжатые сроки в случае «экстренной» необходимости) и, одновременно, подвергают содержание закона риску быть искаженным в ходе различных и довольно длительных согласований. С этой точки зрения закон является менее гибким инструментом управления и проигрывает по оперативности указу Президента. Но содержание закона такого плана предполагает прежде всего наличие юридических норм не столько как предписаний по должному поведению субъектов, а специфических норм (характерных особенно для конституционной отрасли права): норм-принципов, норм-целей и норм, отсылающих к регулированию отдельных отраслей. Таким образом, повышенная стабильность закона будет обеспечивать дополнительную поддержку для формирования устойчивого ценностного поля.

Итак, в целях улучшения качества государственного управления поставлена управленческая задача, для решения которой предлагается государственно-управленческий документ – доктрина нового типа, совмещающая в себе политический и управленческий характер, содержащая целевые и ценностные положения, их детализацию, механизмы реализации в конкретной государственно-управленческой практике.

Для превращения доктрины государственной политики в долгодействующий источник конкретной управленческой практики государства, необходимо решить ряд проблем. Их решение выводит на структурный макет универсальной доктрины как управленческого государственного документа нового типа. Его структура должна включать следующие разделы:

Глава 1 «Общие положения» содержит описание статуса доктрины, терминологии, методологии ее формирования и реализации, в том числе ценностного подхода, положенного в ее основу.

Глава 2 «Текущее и целевое состояние данной сферы общественных отношений и государственной политики в данной сфере общественных отношений. Стратегия перехода» содержит критическую оценку текущего состояния и задает принципы переходного процесса и целевые ориентиры развития России в долгосрочной перспективе.

Глава 3 «Состояние данной сферы общественных отношений. Актуальные проблемы и решения» содержит описание конкретных основных проблем и предлагаемых решений в различных сферах управления – т. н. субполитиках. Описание проблем и их решений увязано друг с другом и детализировано, указаны правовые формы решений (закон, подзаконный акт), что позволяет органам исполнительной власти приступить к их принятию и реализации без промедления. Глава построена так, что позволяет легко понять, почему предложены те или иные управленческие решения и как они связаны с решаемыми проблемами и поставленными целями.

Глава 4 «Механизм реализации доктрины» содержит описание принципов и системы построения органов государственного управления, основных принципов реализации государственных функций прогнозирования, планирования, мониторинга и контроля в государственном управлении данной сферой общественных отношений, содержит описание основных требуемых преобразований в государственном управлении.

Глава 5 «Программа реализации доктрины государственной политики в данной сфере общественных отношений» содержит структурированную по субполитикам программу реализации предписаний доктрины с указанием ориентировочного срока принятия тех или иных решений, а также органа, ответственного за их разработку.

По своему содержанию предлагаемый документ нового типа отличается от имеющихся российских аналогов (имеются в виду аналоги по названию). Основные отличительные черты заключаются в следующем:

1. Системность построения документа в полной управленческой цепочке: интересы – ценности – цели – проблемы – задачи - управленческие решения – государственно - управленческие документы – программы действий.
2. Ценностное формирование целеполаганий.
3. Строгость и унификация терминологии и формулировок.
4. Прозрачность системы формирования государственной политики.
5. Высшая юридическая сила, обязательность исполнения, ответственность за исполнение.
6. Устойчивость государственной политики в долгосрочной перспективе, механизм ее обновления.

Предлагаемая методология конструирования программных и доктринальных документов и выстраивания их иерархии, как мы видим, отвечает на многие вопросы в этой сфере, поставленные в начале доклада. В итоге, управленческие документы нового типа, основанные на целостном и системном подходе, гармонизирующие различные группы интересов и способные оказывать реальное и эффективное влияние на процессы происходящие в сфере регулируемых ими отношений, могут сыграть роль модельных документов, кондиционных для принятия в виде нормативных актов, эффективных для задания содержания

государственного управления в России и для достижения заявляемых целей развития.

Главное, что предложенный подход и новации в системе российского законодательства способствуют снятию политического и нормативно-правового конфликта в государственном управлении.

ПРОТИВОРЕЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ – СТАРЫЕ РЕШЕНИЯ

О. И. Вендина,
кандидат географических наук, ведущий научный
сотрудник Центра геополитических исследований

Современные противоречия развития российских городов не могут быть разрешены прежними методами, хорошо известными и апробированными не только в рамках советской плановой экономики, но и в капиталистических странах. Новые вызовы и проблемы требуют кардинального пересмотра концепции экономического роста как единственного «локомотива» развития.

Традиционно развитие городов рассматривается как последовательная смена определенных этапов, процесс чередования периодов роста и стабилизации, связанных с появлением новых движущих сил и диффузией инноваций. Согласно этой логике, тот, кто не успевает оценить новые преимущества или сопротивляется переменам, оказывается в числе аутсайдеров, и «вытянуть» его можно только прицепив к какому-либо «локомотиву». Но и при резком сломе тенденций, столь свойственном российской истории, когда каждый новый виток развития начинается с отрицания и обесценивания старого, работает та же логика. Выбросив прошлое без сожаления, мы ищем новые образцы и ориентиры, которые нам подсказывают страны, ушедшие вперед. Мы абсолютизируем их путь, восхищаемся их достижениями и перенимаем их опыт, не понимая, что стоит за ним. Имитируя формы, мы не думаем о том, что они соответствуют определенным особенностям социальной жизни, в которой «плохое» и «хорошее» тесно связаны. «Хорошее» для нас «цивилизованная норма», то, к чему нужно стремиться. «Плохое» – издержки на пути к «хорошему», результат многочисленных проб и ошибок, движения на ощупь, о которых мы, идущие вслед, знаем, а значит, можем не совершать. Однако «хорошее» и «плохое» – это не альтернативы и не сопутствующие риски, которые можно контролировать, а взаимосвязанные тренды. Без понимания этого, мы попадаем именно в те ловушки, которых хотели избежать. Поэтому необходимо критически переосмыслить большинство существующих сегодня подходов к пониманию «развития» городов.

Первое. Насколько велика ценность экономического роста для развития? Всегда ли экономический рост и соответствующая ему динамика душевых показателей работают во благо и ведут к качественному улучшению жизни и социальной стабильности? С виду дурацкий вопрос, поскольку именно к этому стремятся власти всех уровней, формулируя стратегические цели развития как обеспечение стабильного улучшения уровня жизни населения на основе устойчивого сбалансированного развития экономики. И все же вопрос имеет право на существование. Стоит напомнить, что впечатляющий экономический рост в

нашей стране далеко не всегда был связан с позитивными изменениями. Даже если не оглядываться на эпоху сталинской индустриализации, бурный рост городов в брежневское время сопровождался множественными и острейшими жилищными и транспортными проблемами, резким ухудшением экологии, антропогенными катастрофами и проч.

Сегодня мы все свидетели того, как «московское экономическое чудо», масштабные инвестиции и сопровождающие их массовое жилищное строительство и рост доходов населения ведут одновременно к росту качества потребления и снижению качества жизни. Первое расценивается как успех, второе – сваливается на чрезмерную миграцию, вызванную привлекательностью столицы как наиболее динамичного полюса российской экономики. Но в этом ли дело?

Московская экономика за последнее десятилетие превратилась в заложницу высоких темпов экономического роста и строительной экспансии, которые необходимо поддерживать всеми силами, иначе неотвратимо возникает угроза экономического коллапса, ибо на рынке торгуют не реальными стоимостями, а ожиданиями роста. Фактически московский стройкомплекс и рынок недвижимости превратились во «врагов» родного города, сметая все на своем пути, а Москва стала скрытой противницей экономического роста других городов и регионов страны, поскольку их развитие уменьшает размеры столичной ренты и эксклюзивность инвестиций. Гонка за экономическим ростом напоминает «гонку вооружений», способную обрушить даже самую надежную экономическую систему.

Тем не менее идея «роста» на протяжении всей эпохи индустриализации, а в России все последнее столетие, была ключевой идеей развития. Логика роста была заложена во все крупные и мелкие проекты, рост превратился в «ожидаемый результат» проводимой политики. Отсутствие роста трактовалось как тревожный сигнал и отсутствие успеха. Данная логика в значительной степени соответствовала социально-экономическим реалиям, ключевые процессы эпохи были связаны с демографическим переходом, урбанизацией и индустриализацией. В соответствии с этой логикой и старопромышленные территории, и регионы нового освоения, и подавляющее большинство городов постоянно и неуклонно наращивали численность населения, экономический потенциал и благосостояние, часто демонстрируя впечатляющую динамику. Исключение составляла только сельская местность, но кто на нее обращал внимание. Она свое «отжила», являясь наследством архаичного аграрного уклада.

Эпоха «роста» подошла к своему логическому завершению уже давно, но в советское время, хотя ее окончание и было осознано, никто не говорил о необходимости пересмотра критериев развития. Наступивший «застой» объяснялся неповоротливостью советской плановой машины, нуждавшейся в реформировании. К тому же перед глазами стояли примеры развитых стран, которые, подтверждая теорию, продолжали расти.

Сегодня окончание «эпохи роста» еще более очевидно, и это невозможно списать на экономический кризис, транзитный характер российской экономики,

наследие советского прошлого и прочее. Хотя в стране в целом тенденции экономического роста сохраняются, но он минимален и ненадежен, рынок труда напряжен не столько из-за экономического бума, сколько из-за неблагоприятной демографической ситуации и сокращения населения. Если еще десяток лет назад городские и региональные власти были обеспокоены тем, как создать новые рабочие места, то сегодня голова болит о том, как заполнить уже существующие. Необходимость привлечения рабочей силы и массовой миграции терроризирует города, поскольку масштаб проблем перевешивает все экономические выгоды. Процессы урбанизации достигли своего зенита, сельской местности уже некого отдать городам, во многих регионах депопуляция приобрела необратимый характер, поэтому города – главные фокусы территориального развития, начинают тянуть соки друг из друга. Последней возможностью роста остается агломерирование, которое искусственно стимулируется. Тенденции социальной и пространственной поляризации резко усилились. Место, где человеку повезло или не повезло родиться, приобрело огромное значение, это стало залогом бедности или успешности. Миграция превратилась в средство не только территориальной, но и социальной мобильности. Общество разделилось на «выигравших» и «проигравших». Рост в одном месте происходит, как правило, за счет других территорий, лишая их шансов или резко замедляя развитие.

Это не мрачная страшилка, а вполне реальная картина, которую дает любое серьезное региональное исследование. Более того, это не российская специфика, а вполне отчетливо проявляющийся мировой тренд. Так что же, пришел конец развитию, и всем в удел досталась деградация, захватывающая все более обширные пространства по мере ослабления источников роста? Вряд ли с этим можно согласиться, скорее «рост» не имеет универсального значения для развития и логика «роста», добавляющая оптимизма, должна быть дополнена логикой «сжатия». Развитие в условиях спада предполагает не количественные, а качественные изменения.

Второе. Окончание «эпохи роста» означает невозможность поворота тенденций вспять. «Рост» и «спад» идут своими, иногда пересекающимися, а иногда параллельными путями, и существуют только во взаимосвязи. Беспрецедентные усилия, прикладываемые сегодня, чтобы вернуться на дорогу «роста» во всех сферах, скорее всего, позволят лишь замедлить происходящие процессы. Тем не менее гипноз «роста» чрезвычайно силен. Он прорывается в идеях удвоения ВРП и стремительного роста душевых доходов, хотя само по себе это нам ничего не говорит о развитии. Рост ВРП, обеспечиваемый ростом цен на сырье и энергоносители, скорее тормозит, нежели стимулирует развитие. В этой ситуации и среднедушевые доходы слабо отражают реальное самочувствие домохозяйств. Темпы роста душевых доходов одновременно обнадеживают и маскируют благополучие меньшинства на фоне более чем скромных показателей у большинства. Так коэффициент Джинни, используемый для определения экономического неравенства, составляет в «богатой» Москве, характеризующейся

наиболее высокими душевыми доходами населения, 0,56 – это очень напоминает Бразилию (0,61)¹.

Только гипнотическим действием «роста» можно объяснить реиндустриализацию крупнейших российских городов, что особенно парадоксально в Петербурге. Стремление превратить второй столичный город страны в «новый Детройт» свидетельствует о незнании того, что происходит в самом Детройте, и желании любой ценой вернуть ситуацию роста, пусть и за счет инвестиций в промышленность, приносящих сегодня некоторое экономическое оживление, но грозящих завтра обернуться проблемами.

Современные попытки выстроить политику регионального развития в русле географии «полюсов роста» также находятся в плену этих идей. Предполагается, что точки роста создадут некий опорный каркас страны, который позволит «вытянуть» всю территорию, хотя почти очевидно, что этого не произойдет. Благополучные города или регионы являются таковыми не только за счет собственных источников роста, но и за счет перераспределения «богатства» в пользу наиболее сильных экономических фокусов, обеспечивающего их «рост». Здесь опять стоит вспомнить о Петербурге, который «пошел в рост» лишь после того, как волевым решением ему была передана часть московских дивидендов, получаемых от нефтегазового бизнеса.

Более того, в целом ряде случаев ставка на «полюса роста» может привести к прогрессивному обезлюдению территорий и утрате ими всяких шансов на развитие. Яркий пример Вологодская область, обладающая хорошо сохранившейся системой мелкогородского расселения. Область в значительной степени обескровлена не только собственными крупными городами – Вологодой и Череповцом, но и значительно более масштабными центрами – Москвой, Петербургом, Ярославлем и другими. Она уже более пятидесяти лет живет в режиме «вымывания» людских ресурсов и адаптировалась к отсутствию роста. Попытка вернуть ее на эту стезю, создав новую экономическую зону «Шексна», усиливающую и без того высокую концентрацию всех ресурсов в линейном ареале Вологда-Череповец, при высоком уровне напряжения локального рынка труда, требующего привлечения рабочей силы извне, сработает против территории. В выигрыше окажется только бизнес.

Все это означает, что императив «роста», диктуя необходимость вернуть ситуацию в прежнее русло, заставляет нас фабриковать социальную реальность, а не принимать ее такой, как она есть, находя адекватные решения.

Третье. Кризис логики «роста» привел и к дискредитации идеей планирования, поскольку планирование «от достигнутого» больше не давало ожидаемого результата. Однако желание «управлять процессами» и

¹ Д. Николаева, М. Шишкин. Москва подводит черту неравенства. Разрыв доходов богатых и бедных продолжает расти. *Коммерсантъ*, № 68 (3644), 24.04.2007. С. Гуриев, А. Рачинский. Неравенство: Рио-де-Москва. *Ведомости*, № 85 (1612), 15.05.2006

«переламаывать тенденции» сохранилось. Отражение этого можно найти в любых программных документах, декларирующих, что город или регион должны в будущем стать «процветающими», «богатыми», «здоровыми», «образованными» или «толерантными», но дающих лишь смутное представление о том, как этого достичь. Основным принципом достижения поставленных целей является выбор оптимального решения из существующих альтернатив в рамках имеющейся информации и проделанного анализа. Обычно предлагается три сценария – инерционный, или «все идет, как идет», адаптационный, связанный с перспективой умеренного роста и поддержанием жизнеспособных секторов экономики и ее частичной реструктуризацией, и инновационный, ранее неиспробованный и предлагающий чудесное обновление.

Сценарный подход представляет собой достаточно эффективный управленческий инструмент, хорошо работающий, когда субъект принятия решений один, но он неминуемо дает сбой, когда их несколько. Каждый из субъектов по-своему представляет желаемое будущее и «принимает решения», исходя из «своих» интересов и понимания проблем.

Например, региональные власти долгое время защищали жителей Екатеринбурга и Челябинска от влияния мировых потребительских сетей, полностью меняющих структуру, характер, качество и даже культуру потребления в городах, лоббируя интересы местного бизнеса. Московская власть грудью защищает интересы крупных собственников и пренебрегает интересами мелких, о чем свидетельствуют многочисленные скандалы вокруг точечной застройки и реализации крупных проектов, начиная с Московского Сити и заканчивая сносом «ракушек». Еще ярче в Москве проявляется конфликт федеральных и городских интересов. Государство массированно представлено в столице: в государственных учреждениях работает 1,68 млн. человек, а кадастровый план города напоминает дырявое одеяло, покрытое заплатками участков, находящихся в федеральной собственности. Особенно много таких «дыр» в центре, наиболее привлекательном для инвесторов. Федеральная власть заявляет о своих приоритетных правах на территорию и объекты недвижимости в Москве в общенациональных интересах. Многие министерства, ведомства, агентства, институты и предприятия были долго освобождены от арендной платы и налогов в городской бюджет. В свою очередь, городские власти апеллируют к интересам москвичей, необходимости благоустройства города и финансовой «тяжести» столичного бремени. Обе стороны с переменным успехом пытаются «расширить» свои владения в Москве, поскольку рост стоимости московской недвижимости перекрывает затраты на ее содержание.

У власти любого уровня нет инструментов, позволяющих существенно влиять на решения других. Сколько бы денег не было потрачено на программу повышения рождаемости или как бы не поднимались пошлины на алкоголь, табак или автомобили, принятие решений о рождении детей, покупке второго автомобиля или очередной бутылки водки останется в сфере частных интересов. Это касается всех

ключевых процессов – миграции, рынка труда, бизнеса и даже электорального поведения. Однако у власти достаточно сил, чтобы смягчать негативные проявления многих процессов или поддерживать позитивные сдвиги, чтобы управлять ситуацией в целом, принимая решения о том, какой тип капитала необходимо инвестировать и куда. Сегодня это происходит стихийно под влиянием множества незначительных и случайных факторов. Например, выбор Петербурга в качестве места размещения сборочных цехов Nissan и Toyota был не в последнюю очередь продиктован желанием менеджмента пользоваться культурными благами города. С этой точки зрения массированные инвестиции в систему образования индустриального Красноярска работают на его будущее, а массированные инвестиции в промышленность Петербурга – против него.

Понятно, что задача согласования интересов сложна, компенсаторные механизмы не отработаны, как наглядно демонстрирует пример Сочи, судебные и арбитражные институты, позволяющие минимизировать потери и достигнуть справедливого решения, не обладают независимостью и крайне плохо решают стоящие перед ними задачи. У наиболее «влиятельных» игроков есть неограниченные возможности «продавливать» свои интересы. Выигрыш «сильного» становится проигрышем более «слабого» и в конечном итоге проигрышем всех, поскольку выбранное решение не работает на общие интересы.

Развитие городов только в очень ограниченной мере становится результатом продуманной и целенаправленной политики, с просчитанными последствиями принимаемых решений. Оно подвержено стечению случайных обстоятельств и действию сил, не имеющих никакого отношения к планированию. «Побочные» эффекты принимаемых законов, инвестиционных проектов, различных социальных и культурных программ не редко перевешивают запланированные, порождая кардинальные сдвиги не только в жизни города, но и в его пространственной организации.

Опыт планирования городского развития в условиях «не растущей» экономики практически отсутствует. О депрессивных или дотационных городах или регионах говорят только в смысле социальных компенсаций и помощи в организации отъезда населения. Но можем ли мы позволить себе использовать этот инструмент в условиях депопуляции? Если да, то в каких пределах? Многие города спасает лишь то, что как сложные социально-экономические системы они обладают значительной способностью к самонастройке и саморегулированию. Городское развитие в этой ситуации опирается вовсе не на деятельность девелоперов и масштабные проекты, а на мобилизацию культурной сферы, локальной идентичности и гражданской активности, на социальные сети, мобильность, сезонную или временную занятость, которые практически никак не меняют существующей материальной среды.

В условиях тесного соседства территорий экономического «роста» и «спада» чрезвычайно трудно что-либо планировать, скорее всего, приоритетного сценария развития, в классическом понимании, нет и не может быть. Все

возможные альтернативы сосуществуют и реализуются одновременно. Инерционный сценарий ничем не хуже инновационного, просто каждый из них подходит разным городам. К тому же каждый из них предполагает разные источники развития. В случае сохранения прежней структуры экономики и ее адаптации к новым реалиям главным источником развития становятся внешние инвестиции, а в случае инновационного сценария – внутренние факторы, связанные с наращиванием культурного капитала.

Четвертое. Окончание эпохи роста означает и «конец» стадийности.

Мишель Фуко еще в конце 60-х годов писал: *«Навязчивой идеей XIX века была ... история: с ее темами развития, паузами и отставанием, кризисами и циклами, постоянным накоплением прошлого, превознесением умерших гениев и угрозой очередного оледенения. ... Современная эпоха будет, возможно, прежде всего эпохой пространства. Уже сегодня мы живем в ситуации одновременности, тесных соприкосновений, в эпоху «близости» и «удаленности», соседства, пространственного рассеяния»².*

Сегодня, живя в эпоху глобализации, можно не сомневаться в его правоте. Стадийность действительно утрачивает свое значение. Для успешной модернизации становится неважно, на какой стадии развития находится город и каков его размер. Если раньше городу было необходимо «нарастить» свою человеческую и функциональную массу, позволяющую «родить» новое качество, то сегодня недостающее может быть компенсировано за счет внешних источников. «Меньшие» и «аграрные» города могут опередить «крупнейшие» и «индустриальные». Поразительное развитие Белгорода, который мог без преувеличения считаться безнадежно отставшим захолустьем, подтверждает этот факт. Сегодня важна не людность города и не стадия его развития, а позиция в системе отношений, включенность в процессы, пространственный контекст. Удержание Белгородом властных позиций, приграничное положение, использование интеллектуальных ресурсов Харькова и финансовых возможностей предприятий Старого Оскола, вкупе с миграционной привлекательностью обеспечили превращение глубоко провинциального города в современный культурный и деловой центр, способный продуцировать новые импульсы развития.

Конец стадийности означает и множественность моделей развития реализуемых одновременно в разных городах в зависимости от движущих сил. Это особенно поразительно, когда города соседствуют, имеют примерно равные стартовые условия и сходную историю. Например, Челябинск и Екатеринбург. Уральские города-миллионеры, разделенные расстоянием в 250 км, тесно связанные и крайне похожие в советское время, выбрали диаметрально противоположные приоритеты и траектории развития. Челябинск пошел по пути

² Foucault, M. *Heterotopia. March*, 1967

социальной защиты населения, используя привычные советские подходы, а Екатеринбург сделал ставку на бизнес и власть.

Анализ особенностей развития российских городов последнего десятилетия позволяет говорить, что на сегодня сложилось как минимум четыре модели модернизации.

Постиндустриальная модель предполагает приоритетность административных, финансовых и культурных функций, обеспечивающих концентрацию всех родов власти – от административного подчинения до культурного доминирования. Постиндустриальный тип развития предполагает наиболее бурные темпы роста за счет привлечения инвестиций и внешних источников спроса на услуги «нового качества». Наиболее яркий пример использования данной модели дает Екатеринбург, который реально становится третьим по влиятельности городом страны, его третьей столицей.

Главным недостатком постиндустриальной модели развития является «отрыв» по показателям роста от окружающих территорий, обострение территориального неравенства, различие стратегических ориентиров и критериев оценки уровня и качества жизни, зависимость от происходящего на внешних рынках.

Индустриальная модель предполагает использование крупных инвестиций в промышленный сектор, что обеспечивает рост и остальных секторов экономики. Города становятся индустриально-сервисными или сервисно-индустриальными, в зависимости от проводимой городской политики, доходов населения и имеющегося базового уровня развития сервиса. Успехи индустриальной модернизации в России были по достоинству оценены крупнейшими сетевыми ритейлерами, которые последовательно продвигают свой бизнес в российские регионы. Если пару лет назад в сферу их интересов попадали лишь крупнейшие российские города, обеспечивавшие достаточный спрос в силу значительной численности населения, то в 2008 году начинается освоение центров с числом жителей 300-500 тыс. человек.

Индустриальная модель развития обладает серьезными издержками. Во-первых, индустриальная экономика не является трудоемкой. Поэтому данная модель лучше подходит для крупных и средних городов, где почти все население тесно связано с производством. Во-вторых, это экономика «дешевого человека», не предполагающая серьезных инвестиций в культурный капитал. Соответственно существуют определенные пределы ее продвижения в будущее. В-третьих, в случае использования индустриальной модели в крупнейших или даже столичных городах, обладающих развитой структурой хозяйства, резко усиливаются процессы сегрегации, поскольку одни сектора экономики ориентируются на «дешевого» человека, а другие – на «дорогого». В-четвертых, развитие городов становится заложником стратегий развития крупного бизнеса.

Имиджевая модель развития, предполагает широкое использование инструментария территориального маркетинга, который облегчает решение таких

задач, как: 1) привлечение мелких и крупных инвестиций через улучшение репутации и тиражирование позитивных примеров; 2) обозначение региональных перспектив, связанных с крупными проектами; 3) компенсация морального ущерба и социально-психологических комплексов жителей города; 4) сплочение населения города вокруг идеи его развития, поддержание доверия к местной власти и укрепление регионального патриотизма.

Сегодня территориальный маркетинг в качестве инструмента развития города понимается очень узко, как создание «приманки» для инвестора или «богатого» клиента. Однако возможности данного подхода гораздо шире, поскольку он может быть адресован собственным жителям, меняя их целевые установки и модели поведения. Это особенно важно в случае городов, теряющих население, социальную, культурную и экономическую активность. В числе таких городов могут быть и крупные региональные центры, как, например, Кострома, Иваново, Владимир или многие города Сибири и Дальнего Востока. Данные идеи тесно связаны с возможностями предоставляемыми рынком, развитием гражданского общества и малого бизнеса, благодаря которым каждый может найти собственную нишу и определить собственную индивидуальную стратегию, если не успеха, то вполне благополучного существования.

Издержки данной модели заключаются в ограниченной применимости, в силу понятных причин. Тем не менее это работающая модель и в стране существует даже хрестоматийный пример города Мышкина, построившего стратегию своего развития на имиджевой политике.

Наконец, **модель развития, связанная с рекреацией и туризмом.** Традиционно она ориентирована на ресурсы и в этом смысле мало отличается от индустриальной модели. Неслучайно говорят об индустрии отдыха и туризма. И все же стоит сказать о ней отдельно. Поскольку, во-первых, природные или культурно-исторические ресурсы в развитии индустрии отдыха и туризма постепенно отходят на второй план, уступая место культурным репрезентациям. Люди уже насытились достопримечательностями и едут не за новыми впечатлениями, а за новыми ощущениями или воспоминаниями. Поэтому туристические города превращаются в своеобразную сцену, где местные жители исполняют роли «местных жителей», а приезжие имеют возможность приобщиться к происходящему, наблюдая и участвуя. Во-вторых, современные потребности в отдыхе сильно дифференцировались. Части общества необходима аутентичная среда (природная или культурная), хотя и приправленная значительной дозой комфорта, а части – блага современного потребления, развлечений и тусовка. Совмещать все это не обязательно, помещая казино и многоэтажные отели в тишину захолустных провинциальных городов или на берег Байкала. Логика «подлинности» требует максимально бережного отношения к сохранившемуся наследию, даже если это на первый взгляд противоречит образу преуспевающего города, переживающего очередной виток экономического роста. Это в первую очередь касается таких удивительных деревянных городов как Иркутск и Вологда.

Пятое. Главное, чего нам не хватает для развития многих территорий – это надежды на перемены. Сравнение «растущих» и «не растущих» городов всегда в пользу первых. Постоянный и настойчиво продвигаемый дискурс о необходимости экономического роста для современного развития не только стимулирует «сильных», но и полностью деморализует «слабых». Он порождает и чрезмерные претензии к государству как единственному источнику, способному обеспечить желаемый рост, парализуя и без того слабую частную инициативу. Да и у государства в лице органов, осуществляющих стратегическое планирование, возникает иллюзия, что они могут «управлять» всем, «затыкая» дыры депопулирующих и экономически неэффективных городов как корабельные течи. Надежду может дать только признание того, что успех бывает разным и качество жизни определяется не только количеством зарабатываемых денег, ростом ВРП и объемом экономики. Постсоветский выбор российских городов, также как траектории и скорости развития могут быть разными. Однако без переосмысления концептуальных основ регионального планирования в соответствии с новыми условиями вряд ли можно ожидать устойчивого развития городов и страны в целом. С моей точки зрения, таких отправных моментов должно быть несколько:

- 1) признание ограниченности возможностей роста, дополнение парадигмы роста парадигмой развития в условиях демографического и экономического спада, предполагающей приоритетность индикаторов качества жизни как показателей развития;
- 2) сопряженное развитие городов и регионов, которое предполагает не столько тотальное совпадение целей и моделей, сколько согласование интересов и отказ от дублирования функций и соперничества (конкуренции) за ресурсы в отношениях между городами;
- 3) ориентация на рост социальной и территориальной мобильности населения как средства увеличить число точек пересечения сферы локального развития с федеральными, макрорегиональными и глобальными процессами.

ТРАНСПОРТ СИБИРИ КАК ЭЛЕМЕНТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА¹

*В.Ю. Малов, д. э. н., Новосибирск
Б.В. Мелентьев, д. э. н., Новосибирск
Э.И. Позамантур, д. т. н., Москва*

Критерием выбора вариантов в задачах народнохозяйственного уровня, базирующихся на классическом межотраслевом инструментарии [1], является максимизация конечного продукта по стране в целом, а исходные условия отражают материально-вещественные пропорции между хозяйствами регионов. Данный инструментарий позволяет уйти на этапе построения экономических прогнозов от финансовых соотношений, делая главный акцент на достижении конечного экономического результата и необходимого для этого уровня производства. Соответствующие показатели даны в укрупнённых натурально-стоимостных величинах. Финансовое и организационно-институциональное устройство экономики для достижения расчетных прогнозов рассматривается отдельно в соответствии с принятым на текущий период хозяйственным механизмом управления. Такая система расчетов не противоречит ни общей экономической политике развития рыночных отношений, ни объективности наличия частнособственнического интереса отдельных компаний. «Народно-хозяйственность» обобщенного критерия отражает главным образом желание государства обозначить вектор своих социально-экономических целевых установок. Результаты полученных решений могут «подсказать» направления поиска компромисса интересов государства, регионов и отдельных компаний. Оценка последствий выбора компаниями своего собственного варианта развития позволяет найти рыночный (а не административный) механизм влияния на данные компании. В качестве последнего могут служить, например, меры по поддержке властями развития отраслей, обеспечивающих более полную занятость в районе, создание за счет бюджетных средств отдельных объектов транспортной инфраструктуры, стимулируя компании выбирать для первоочередного освоения регион, наиболее «нужный» государству, содействуя опережающему росту развития энергетических отраслей и т.д. При этом следует отметить, что народнохозяйственный эффект может возникнуть в других отраслях, других компаниях и даже других регионах.

В результате настоящего исследования дана оценка значимости интеграции транспортных (прежде всего – железнодорожных) сетей Сибири и Дальнего Востока на развитие всего народного хозяйства.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РГНФ (07-02-00309а)

Инструментарий расчетов

Эксперты, занимающиеся оценкой эффективности крупных межотраслевых и региональных проектов, вынуждены были до появления межрегиональных моделей ограничиваться локальным анализом объектов с привлечением ограниченного числа прямых смежных связей. При этом, как правило, не учитывается эффект комплексного взаимодействия, то есть влияние обратных связей. Используемый нами межотраслевой инструментарий является вариантом² классической межрегиональной модели (там же, А.Г. Гранберг).

Результирующей оценкой является эффект роста в сфере конечного потребления, в состав которого включено потребление населения. Отраслевые проекты и потенциальные направления межрегиональных поставок по определенным территориям, формируются в виде отдельных производственных способов. Эффективность реализации проектов при этом сводится к обычной процедуре приемлемости данных способов с точки зрения критерия оптимизации. Содержательное толкование такой процедуры сводится к проверке отдельных вариантов стратегий проектов по принципу: «Что будет, если...?». Какие, например, будут потери по конечному потреблению страны, если по данному межрегиональному направлению поставок продукции (например Сибирь – Европа) не будут расширены старые или построены новые дороги, обеспечивающие в перспективе пропускные возможности для возрастающего спроса на транспортные услуги?

В проекты развития транспорта хорошо вписываются работы оценивания структурной политики внешней торговли, т.к. определенная часть продукции этой отрасли связана с экспортом услуг. Среди такого рода задач – экспертиза необходимости формирования транспортных коридоров типа Восток – Европа; оценка возможного возрастания нагрузки на железнодорожные пути из-за возможного спроса на услуги международных контейнерных перевозок, оценка вариантных поставок продукции по югу, средним широтам Сибири (Северосибирская магистраль) и европейской России, по Северному морскому пути и другим направлениям.

Ниже, среди указанных задач, мы более подробно рассмотрим лишь две: интенсификацию международного транзита (отдельно авиационного и железнодорожного) и интенсивность развития железнодорожной сети Сибири и Дальнего Востока. Во втором случае акцент в исследовании сделан на выявлении наиболее узких мест по регионам, прилегающим к Транссибирской магистрали. В качестве конкретного регионального объекта здесь выбрана экономика Красноярского края, на территории которого пересекаются все существующие и перспективные транспортные коридоры по линии Восток – Запад. Рассмотрены четыре варианта развития железнодорожной сети Сибирского и Дальневосточного

² Мелентьев Б.В. Межрегиональный финансовый баланс – расширение возможностей прогнозирования экономического развития // Регион: экономика и социология. 2006. – №2. с.3-17.

Федеральных округов, отвечающие разным возможным темпам прироста сферы услуг – 4;6;8 и 10% в год.

Задача характеризует прогнозные данные по хозяйственным комплексам 19 районов, 38 отраслям, включая 8 видов транспортных услуг³ на 2015 год (2005 г. является базовым (отчетным)).

Всегда ли выгоден международный транзит?

В качестве исходного варианта принималась реализация стратегии минимальных темпов развития железнодорожного транспорта (не выше 4% в год) по всем субъектам Сибирского ФО (без Республик Тыва и Алтай), не учитывающая международные транзитные перевозки (табл.1). Данный вариант характеризуется достаточно низким темпом развития производства (4,9% прироста валового выпуска). Конечный продукт оценивается в 25490 млрд. руб. (в неизменных ценах 2005 г.). При этом сибирские районы развиваются темпом превышающим общероссийский на 0,5 п.п. В целом интенсивность развития сибирского транспорта превысила средний темп роста по стране на 4 п.п., и это наблюдается по всем видам (в том числе по трубопроводному на 5,5 п.п., по автомобильному на 2,1 п.п.). Для страны в целом общий темп роста услуг транспорта ниже темпа роста валового выпуска, а для Сибири наблюдается обратное соотношение.

Таблица 1

Оценка влияния международного транзита на экономику страны при разной степени подготовленности железнодорожной отрасли Сибири и Дальнего Востока

Варианты Показатели	Без учета международного транзита. (Темп роста ЖД отрасли – 4% в год)	С учетом международного транзита. (Темп роста ЖД отрасли Сибири и ДВ– 6% в год)	С учетом международного транзита. (Темп роста ЖД отрасли Сибири и ДВ– 8% в год)
Конечная продукция 2015 г. (млрд. руб. цены 2005.)	25490	24870	28600
Темп роста валовой продукции России (% в среднем в год))	104,9	105,0	106,1
Темп роста валовой продукции Сибири (% в среднем в год))	105,4	104,5	106,0
Темп роста услуг транспорта России в целом (% в среднем в год))	104,1	105,5	106,6
Темп роста услуг транспорта Сибири (% в среднем в год))	108,1	104,4	109,0

Одна из задач исследования состояла в изыскании дополнительных возможностей роста продукции отдельных видов транспорта, превращения их в

³ Экспертиза информации проведена Ю.С.Ершовым, программное обеспечение подготовлено В.С. Костиным и Н.М. Ибрагимовым.

«точки роста» экономики. К таким видам транспорта отнесены авиационный и железнодорожный. Для авиационного транспорта в качестве резерва роста принята гипотеза выполнения внешнего заказа по обеспечению трансконтинентальных перелетов иностранных компаний над территорией России (Запад – Восток: Европа – Япония, Китай и Юго-Восточная Азия; Юг – Север: Юго-Восточная Азия, Северный полюс – Аляска). Этот дополнительный рынок услуг нами оценивается примерно в 2 млрд. руб.⁴ По результатам расчетов, реализация данного экспортного заказа окажет положительное влияние на экономику, хотя и не очень заметное в масштабах страны. В абсолютных цифрах конечное потребление страны в сравнении с исходным вариантом выросло на 1,3 млрд. руб., валовой выпуск по стране – на 5,3 млрд. руб. Реализация данной стратегии приводит к наибольшему приросту продукции в Центральном, Уральском и Дальневосточном Федеральных округах. Несмотря на незначительные показатели реакции экономики, такого рода заказы являются вкладом в общую копилку народнохозяйственной эффективности. Во всех следующих вариантах расчетов авиационная составляющая международного транзита учитывается в качестве обязательной.

Значительно более весомым по влиянию на экономику страны является рынок железнодорожных услуг. Поэтому мы предполагаем, что в перспективе к 2015 году будет полностью осуществлена реализация российской части международного проекта транспортного коридора Азиатско-Тихоокеанский район (АТР) – Западная Европа. В этом варианте была принята следующая посылка: общий спрос на экспорт железнодорожных транспортных, погрузо-разгрузочных и экспедиционных услуг задавался на уровне 250 млрд. руб. Он распределялся как заказ на обслуживание перевозок международных контейнеров по районам России пропорционально длине железнодорожного пути, проходящем по их территории. Аналогично были разнесены и затраты на модернизацию пути.

Очевидно, что выполнение экспортного заказа должно сопровождаться компенсирующим импортом. В противном случае произойдет снижение конечного потребления, одновременно с общим ростом производства. В нашем случае, при реализации программы международного транзита и несмотря на введение компенсирующего импорта, тем не менее, произошло снижение показателей: конечное потребление на 2,5 % (24 870 млрд. руб.). Рост темпов валового выпуска страны увеличился на 0,1 п.п. (табл. 1). Сибирские и дальневосточные регионы «потеряли» часть (0,9 п.п.) своего перспективного производственного потенциала. Обеспечение международного транзита по условиям задачи считается приоритетным направлением транспортной работы, что ограничивает пропускные способности железных дорог для внутрироссийских перевозок. Данный лимитирующий фактор сохраняется в интервале от 4 до 7 процентов ежегодного роста для транспортного комплекса восточных районов. «Эффективный» порог транспортной инфраструктуры начинается с 7% прироста транспорта, причем

⁴ Только за пролет над нашей территорией и без учета «геополитических дивидендов».

каждый дополнительный п.п. прироста транспортных услуг при поддержке инвестициями обеспечивает от 60 до 100 млрд. руб. прироста конечной продукции страны. Подчеркнем, что **не сам по себе международный транзит является негативным фактором интеграции регионов России, а неподготовленность отечественной транспортной сети к его приему.**

Интенсивное развитие железных дорог определяет рост и других видов транспорта. Особенно это заметно в автомобильном транспорте (в европейских регионах - от 1 до 3,5 п.п. дополнительного прироста). Прирост наблюдается и в трубопроводном транспорте (на 0,8 - 1,3 п.п.).

Анализ проведенных расчетов показал и более сложные взаимозависимости состояния транспортной отрасли и межрегиональных потоков продукции. Так, при малых (до 4%) темпах прироста услуг железнодорожного транспорта наблюдается низкий уровень межрегиональных перевозок, причем в первую очередь по регионам, у которых наиболее высокий дефицит трудовых ресурсов, например в Новосибирской и Кемеровской областях. Рабочую силу там рациональнее использовать в машиностроении, угольной и химической промышленности⁵.

В целом можно сделать вывод, что в рассматриваемой перспективе **рост конечного потребления для страны в целом в большей степени определяется ростом собственного производства и внутрироссийскими межрегиональными перевозками, а не ростом экспортных поставок, включая и транспортные услуги.**

Железнодорожный транспорт Сибири и экономика страны

Проведенные расчеты еще раз подтвердили положение об исключительной важности опережающего развития транспортного комплекса Сибири и прежде всего железнодорожной сети. Это объясняется спецификой производственной специализации большинства сибирских и дальневосточных регионов. Продукция местных производств грузоемка, предполагает перевозки на большие расстояния (2000 и более километров) с использованием в первую очередь железных дорог. Необходим и рост мощностей погрузочно-разгрузочных объектов. В расчетном варианте с принятой стратегией минимального темпа прироста объемов услуг железнодорожного транспорта в Сибири и Дальнего Востока 4% в год, темп прироста валового выпуска России составил 4,9%. При реализации политики дальнейшего роста объемов услуг железных дорог Сибири и Дальнего Востока до 6% рост экономики России в целом, измеряемый в темпах дополнительного прироста объемов валового выпуска (рис. 1, ось Z), незначителен, но имеет тенденцию к ускорению роста (рис. 1, интервал от 4% до 6% осей X и Y). Объясняется такая динамика тем, что все более эффективными становятся межрегиональные связи Сибири с Европейскими регионами страны, если судить по таким продуктам, как уголь, продукция лесной и химической отраслей, руды цветных металлов, составляющим значительный вес в структуре поставок.

⁵ При предположении о возможности частичной взаимозаменяемости трудовых ресурсов по отраслям экономики.

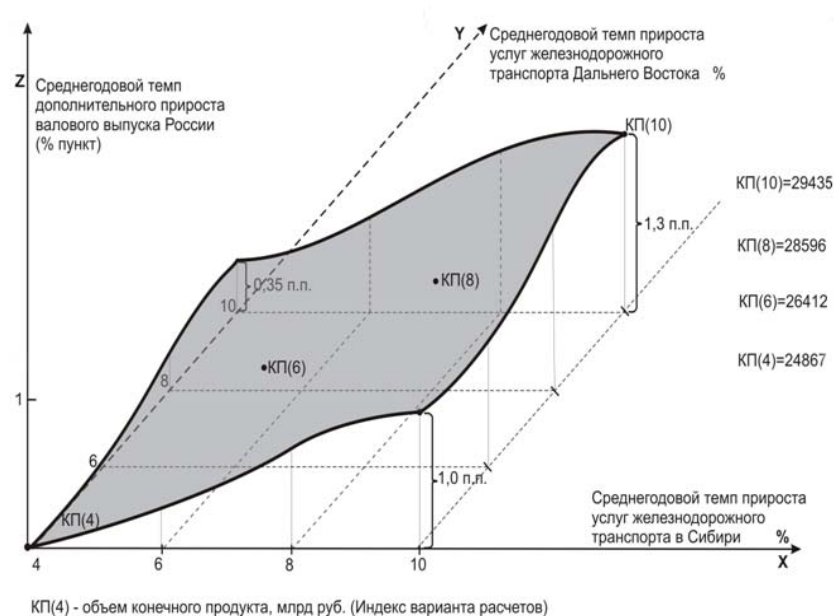

Рис. 1. Влияние согласованного развития железнодорожного транспорта азиатской части России на экономику страны

Рост эффективности каждого последующего процента объемов услуг железнодорожного транспорта объясняется тем, что, с одной стороны, уменьшается влияние «минимально-обязательных» производств, сохранение которых в регионах не всегда экономически эффективно, но необходимо по социальным (сохранение занятости) и технологическим факторам. С другой стороны, в экономике расширяются возможности привлечения новых проектов, обладающих «эффектом масштаба» (сокращение удельных затрат при росте мощностей). Последний возможен только в случае создания новых железнодорожных магистралей и, соответственно, новых направлений межрегионального обмена продукцией. Данный эффект перекрывает вынужденные экономические потери при выполнении социальных ограничений.

При ежегодном росте транспорта свыше 7% наблюдается постепенная стабилизация темпов прироста показателей общего экономического развития, а при 10-процентной стратегии этот рост практически незаметен. В этих условиях состояние производства уже определяется ограничениями экологических факторов. Таким образом, 6-8% мы предлагаем считать минимально необходимым темпом прироста объемов услуг железнодорожного транспорта в регионах Сибири и Дальнего Востока для достижения заданной цели удвоения ВВП России в период до 2015 г. Естественно, что это должно сопровождаться ростом и остальных видов транспорта.

Рассчитывать на более интенсивный темп роста экономики страны можно только при одновременном новом железнодорожном строительстве и

модернизации существующих магистралей и в Сибири, и на Дальнем Востоке. Дело в том, что только вся транспортная сеть Азиатской части России «открывает» для дальневосточной промышленности рынки Сибири, Урала и Европейской части страны. Конечно, экспорт тех же продуктов в страны АТР – т. е. другое направление интеграционных связей - мог бы дать положительный эффект собственно для Дальнего Востока, но не для всей России. Кроме того, факт «вынужденности» (из-за ограниченных возможностей транспорта для перевозок внутри России) экспортных поставок в юго-восточном азиатском направлении вряд ли обеспечит эквивалентный по стоимости обмен вывозимой и ввозимой внешнеторговой продукции, не говоря уже о потенциальной потере рабочих мест внутри страны из-за сокращения поставок ресурсов и полуфабрикатов с Дальнего Востока.

Оценка последствий

Эффект от политики ускорения темпов развития железнодорожной сети, получаемый в экономике некоторых Сибирских «регионов - лидеров» нового промышленного освоения, можно продемонстрировать на примере взаимодействия с энергетическим комплексом Красноярского края (рис. 2) ⁶.

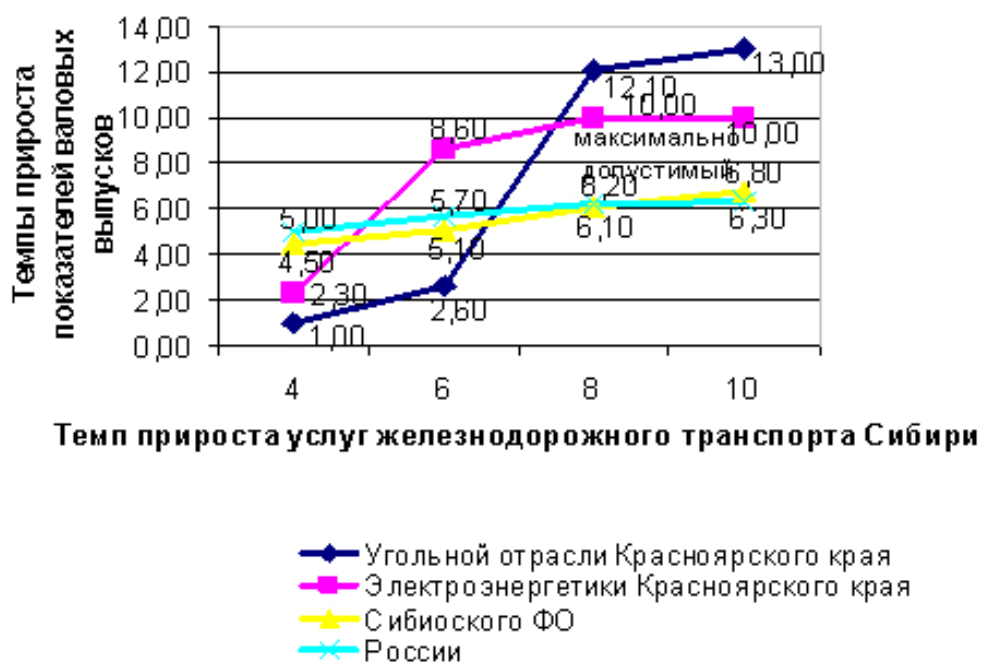

Рис. 2. Влияние железнодорожного транспорта на развитие экономики России, Сибири и отдельных отраслей Красноярского края

⁶ Вариант использования речного транспорта (Енисей) с последующей перевалкой на СМП имеет ограниченную возможность.

При низких (до 6%) темпах прироста объемов услуг железнодорожной отрасли в Сибири рост угольной промышленности Красноярского края связан в основном с потребностями собственной энергетики, которая частично ориентирована на передачу электроэнергии в западном направлении – через Томскую и Кемеровскую области. Такой рост возможностей транспорта обеспечивает в первую очередь ускоренный вывоз кузнецкого угля. В дальнейшем, в интервале 6-8%, угольная отрасль края начинает постепенно завоевывать рынки своих западных соседей, вплоть до Поволжья. При темпах более 8% весь прирост угольной отрасли связан с ростом межрегиональных поставок, т. к. дальнейшее развитие электроэнергетической отрасли Красноярского края, работающей на угле, подвержено влиянию экологического фактора. Показательно, что опережающий рост энергетического сектора экономики Красноярского края заметно влияет на возможности ускорения роста экономики Сибири и даже всей России.

Важно отметить, что железнодорожный, как никакой другой вид транспорта (не считая по ограниченному кругу продуктов трубопроводного), значим для развития экономик Сибирских и Дальневосточных регионов. С точки зрения роста производственных показателей в Европейской части России железнодорожный и автотранспорт практически равноценны и требуют темпов прироста не менее 4% и 6% соответственно. Роль морского транспорта преимущественно определяется осуществлением экспортных поставок, а его влияние на внутрироссийскую интеграцию меньшее. Авиатранспорт крайне чувствителен к изменению долей в структуре конечного потребления. Рост этой доли соответствует увеличению спроса на пассажирские перевозки.

Итак,..

Проведенные расчеты показали, что для азиатской части страны железнодорожный транспорт и в обозримом будущем сохранит свою ведущую роль в качестве «интеграционной» основы хозяйственных комплексов.

Ожидаемый в перспективе объем экспорта предполагает согласованные по регионам темпы развития железнодорожного, трубопроводного, морского видов транспорта и объектов погрузочно-разгрузочных работ и общего уровня развития экономики страны. Необходимость использования сибирского транспортного комплекса для международного транзита грузов целесообразна, когда экономика страны и восточных районов развивается темпом не менее 6,0-6,1% в год.

Кроме того, использование Транссибирской магистрали в качестве международного транспортного коридора обязательно должно сопровождаться последующим созданием «дублирующей» магистрали – Северосибирской, проходящей по районам Сибири и Дальнего Востока, перспективным для разработки природных ресурсов.

Литература

Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. - М.: Тасис, Государственный университет. Высшая школа экономики, 2000.

Проблемные регионы ресурсного типа: Азиатская часть России. Новосибирск, Издательство Сибирского отделения РАН, 2005.

Мелентьев Б.В. Межрегиональный финансовый баланс – расширение возможностей прогнозирования экономического развития // Регион: экономика и социология. 2006. – №2.

МИГРАЦИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКАЯ МАРГИНАЛИЗАЦИЯ: ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ (на примере Дагестана)

А.-Н.З. Дибиров, доктор политических наук, ректор Дагестанского института экономики и политики

Дагестан – самая большая по площади национальная республика Северного Кавказа входит по численности населения также в число наиболее крупных субъектов Российской Федерации. Высокие темпы роста населения, уникальное географическое положение, достаточно высокий экономический и интеллектуальный потенциал республики будут и в перспективе способствовать росту значения региона в экономике и политике не только Южного округа, но и России в целом. Исключительное геополитическое положение республики также является важнейшим фактором, без учета которого невозможна внешняя политика России не только на Кавказе и Каспии, но и (с учетом роли растущего мусульманского населения в налаживании отношений с исламским миром) на всем Ближнем и Среднем Востоке, а также в Передней Азии.

В этой связи очевиден интерес политиков и политической науки в целом к внутренним процессам, происходящим в республике. Особое значение при этом имеет, на наш взгляд, изучение динамики общественного сознания народов Дагестана, которое в последние годы приобрело новые измерения. Не в последнюю очередь они связаны с миграционными процессами, происходящими в республике.

Миграция населения стала важнейшим фактором глобализации: по сути, современный мир живет «в эпоху нового великого переселения народов» (А.А. Галкин). Масштабы последствий миграционных процессов, особенно в развитых странах, стали объектом пристального внимания научных исследователей. Целью данной работы является анализ одного из важнейших последствий миграционных процессов в Республике Дагестан – массовой социальной и этнической маргинализации населения республики.

На территории республики проживают представители свыше 30 коренных национальностей. Наиболее многочисленными национальностями являются – аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, русские, табасаранцы, азербайджанцы, чеченцы, ногойцы, рутульцы, агулы, цахуры и таты. Эти 14 этносов считаются титульными, на их языках выходят газеты и журналы, ведутся теле и радиопередачи, осуществляется преподавание ряда предметов в начальных классах. На их долю приходится около 99% населения, остальные этносы насчитывают от нескольких сотен человек до единиц. Почти 90% населения республики исповедует ислам.

Хотя Дагестан и называют страной гор, почти половина ее территории приходится на прикаспийскую низменность и кумыкскую и ногайскую степи. Традиционно равнинными жителями считаются кумыки, ногайцы и русские. В двадцатом веке миграционные потоки направлялись в основном из горной зоны на равнинную. Можно выделить *три волны* такой миграции. *Первая волна* приходится на период конца XIX – первой половины XX века. Связана она с традиционным отходничеством, присущим исторически жителям горной зоны. В отдельные годы отходничеством занималось до половины мужского населения горной зоны. В этот период горцы, вливаясь в иную социальную, культурную и языковую среду, приспособлялись к этой среде, стремились адаптироваться к ней. Скажем город Буйнакск (бывшая столица Дагестана – Темирхан-Шура), куда в основном стекались мигранты первой волны, вплоть до сегодняшнего дня является кумыкоязычным, то есть сохраняет язык народа, проживающего на равнине. Здесь мигранты восприняли не только язык, но и многие местные обычаи и традиции. Другими словами, достаточно безболезненно адаптировались к новой культурной и социальной среде. *Вторая волна* миграции приходится на послевоенное время – 40-60-е годы. Особенность этой волны миграции заключается в том, что она носила искусственный характер, была инициирована властью. В этом ее отличие не только от первой, но и от третьей волны. Начало миграции было положено массовым насильственным переселением дагестанских горцев в 40-е годы на земли репрессированных чеченцев. Это было именно насильственное переселение. Выгонялись из домов, разрушались села. В процессе переселения умерло много людей, не приспособленных жить в новых условиях, иногда до трети переселенцев. После возвращения чеченцев на свои исторические земли дагестанцы были вынуждены вернуться на родину. Им были представлены места для компактного проживания на равнинной части Дагестана. Многие этим воспользовались, а многие вернулись в свои разрушенные аулы. В пятидесятые годы на равнины были переселены и жители многих высокогорных и труднодоступных аулов для обеспечения, по мнению властей, лучших условий жизни. Свою лепту в этот процесс внесло и строительство высокогорных гидроэлектростанций. Так под Чиркейским водохранилищем был затоплен один из древнейших аулов Дагестана – Чиркей. Промышленное строительство на равнине также привело к увеличению числа мигрантов. Появились новые города и поселки. Можно сказать, что, несмотря на всю свою драматичность, вторая волна миграции не имела серьезных негативных социальных последствий. Хотя, конечно, без них не обошлось – в определенной степени были ущемлены права коренного равнинного населения, разрушены были целые культурные пласты жизни горцев, но они не носили кризисного характера. Во многом это связано с тем, что на равнинах переселенцам представлялись пустующие земли и места для компактного проживания, то есть здесь создавались самостоятельные села. Миграция в города также не имела существенных негативных последствий, поскольку мигранты в основном вливались в крупные фабрично-заводские коллективы, где адаптация к новым условиям, как

известно, происходит легче и быстрее. Существенную роль играла также и идеология объективной мультикультурности республики, которая имела серьезную политическую поддержку у тогдашнего советско-партийного руководства не только республики, но и страны. Большое значение имело и то, что историческая традиция межэтнических отношений в республике не имела никогда конфликтных прецедентов на собственно этнической основе. В силу этого массовых этнофобий миграция среди народов, исторически проживавших на равнине, не вызывала.

У Расула Гамзатова есть стихотворение «Горцам, переселяющимся с гор», написанное в эти годы. На мой взгляд, это стихотворение-предостережение, стихотворение-предупреждение, стихотворение-завет¹. То, о чем предупреждал, от чего предостерегал своих земляков великий поэт, стало особенно актуальным в девяностые годы, когда началась *третья*, наиболее массовая *волна* миграции. Очевидно, что в основе резкого роста в эти годы миграционных потоков с горной зоны на равнину и в города республики лежат разнообразные экономические, социальные, культурные, а иногда и политические причины, обусловленные не в последнюю очередь глубоким общественным кризисом, поразившим всю страну в конце минувшего века. Тем ни менее, представляется, что главная причина лежит в плоскости изменений, происшедших в положении отдельного индивида в обществе. Миграция сегодня является следствием резкого роста индивидуальных возможностей человека и отражением масштабов его свободы выбора. На смену традиционной зависимости от общины пришла индивидуальная свобода, основанная на экономической и профессиональной самодостаточности. Эта самодостаточность и является главным двигателем современных миграционных процессов. К девяностым годам в горных районах республики сформировалось целое поколение людей, имеющих достаточно высокий уровень образования и профессиональной квалификации, лишенных при этом возможности реализовать эти свои способности. Эти люди начали в массовом порядке переселяться на равнину, прежде всего в города республики.² Этот миграционный процесс носит

1

*Горцы, вы, с новой свыкаясь судьбою,
Переходя на равнинный простор,
Горство свое прихватите с собою,
Мужество, дружество, запахи гор.*

.....
.....
*Вы, уходящие в край, напоенный
Солнечным светом, водой голубой,
Бедность забудьте на каменных склонах,
Честность ее заберите с собой.*

*Вы, оставляя родные нагорья,
Не переймите изменчивость рек.
Реки бегут и теряются в море, -
Сущность свою сохраните навек!*

² О масштабах этой волны миграции можно судить хотя бы по столице республики – городе Махачкале. Если в середине восьмидесятых годов здесь проживало около 250 тыс. человек, то сегодня проживает не менее 800 тыс. человек. Или другой факт – в середине

сегодня объективный и необратимый характер. И в этой связи, на мой взгляд, важнее не столько вопрос о причинах миграции, сколько вопрос о ее последствиях.

В результате этого «великого» переселения произошла массовая социальная и этническая маргинализация населения республики. *Социальная маргинализация* населения, являясь следствием медленной адаптации мигрантов к новой жизненной среде, стала важнейшим фактором экономической и общественно-политической жизни республики. Переселяясь на равнину, человек попадает в совершенно иную среду, особенно в городе. Здесь, перестав быть уже сельским жителем, горожанином одномоментно он не становится. Мигранты заселяют в основном окрестности крупных городов, образуя посады, где утверждается некий промежуточный образ жизни, в котором сочетаются как элементы сельской жизни, так и элементы городской жизни. В нашей республике отток населения из горных районов приняло катастрофический характер. Города республики не справляются с огромным наплывом мигрантов, переселенцы формируют вокруг городов своего рода анклав сельской цивилизации. Происходит размытие ценностей, утверждаемых и контролируемых традиционной общностью. Этот промежуточный социальный статус сегодня носит долговременный и устойчивый характер в силу ряда причин. Во-первых, редко кто из переселенцев вливается в крупные фабрично-заводские коллективы, как это было в 50-60-е годы, когда адаптация к новым условиям проходила гораздо быстрее. Основная масса переселенцев трудится в сфере обслуживания и торговли, либо индивидуально, либо в небольших коллективах. Во-вторых, поскольку многие руководители и предприниматели отдают предпочтение при приеме на работу своим землякам, то переселенец как бы оказывается в привычном для него круге общения, что неизбежно способствует увеличению времени его вхождения в новую культурную среду. В-третьих, хотя в условиях городской жизни сельская культура дагестанцев и претерпевает существенные изменения, произошло общее снижение качества урбанизированности, резко снизилось соблюдение типично городских норм общественной жизни. В горах такие человеческие качества как честь, совесть, мужество, уважение к старшим, забота о младших, гостеприимство формируются с детских лет и культивируются обществом. Соблюдение этих норм регулируется здесь не законом, а общественным окружением. Затертое частым употреблением слово «джамаат» как раз и означает среду, окружающую горца с детских лет, чей авторитет для него и судья и приговор. В небольших горских аулах люди, живя в основном по обычаям и традициям, находятся постоянно на виду друг у друга. И любое нарушение устоявшихся норм морали и нравственности подвергается суровому осуждению. Горец в большей степени боится именно этого общественного осуждения, нежели тюрьмы и сумы. Контроль джамаата за соблюдением норм морали и нравственности в городской среде уже теряется, но

80-х годов только 15-20 семей - выходцев из моего родного аула Тукита - проживало в городах Махачкала, Буйнакс, Хасавюрт и Кизилюрт. Сегодня таких семей более трехсот.

одновременно человек сразу не научается жить по нормам закона, который в городе выступает основным регулятором общественных отношений. Шаткость общественного статуса делает многих из них жертвой крайних идеологических форм и экстремистских действий. Вот такую ситуацию как раз и предвидел Расул Гамзатов.

Важно то, что процессы социальной маргинализации создали и совершенно новую *этническую* ситуацию в городах республики, связанную с появлением в них новой, обладающей особой объективностью, большой массы людей.

Эту особую объективность можно охарактеризовать как *этническую маргинализацию*. В результате массовой миграции появилось целое поколение дагестанцев в городах республики, которое потеряло большинство объективных признаков, позволяющих отнести их к той или иной народности республики. Учитывая высокую рождаемость в наших семьях, число таких людей растёт и будет расти практически в геометрической прогрессии.

Каких же признаков своего народа они лишены? Если исходить из классических определений этноса, принадлежащих российским ученым С.М. Широкогорову и Ю.В. Бромлею, то *любой этнос обладает рядом объективных признаков: язык, стабильные особенности культуры, комплекс обычаев и уклад жизни (хранимые и освященные традицией и отличающиеся от других групп), единое происхождение, сознание своего единства, самоназвание*.

Этими объективными признаками, безусловно, обладают все народы Дагестана в местах их исторического проживания. В городе они практически размываются. В своей основной массе подрастающее поколение не знает родного языка. Если второе поколение еще может ездить в горы к бабушкам-дедушкам и через это приобщаться к языку, то третьему поколению уже не к кому ездить. Если кто-то и владеет разговорным языком, то ни читать, ни писать на родном языке они не умеют. Соответственно, им закрыт доступ к культуре своего народа, они перестают быть и его носителями. Исчезает *межпоколенная* передача всего комплекса обычаев, на его место приходит закон, единый для всех этносов, живущих в городе. Уходит в прошлое сельский уклад жизни, исторически присущий дагестанским народам. Разрыв с национальной культурой приводит также к размыванию сознания единого происхождения и национального единства. Остается лишь самоназвание, т. е. я - лакец, я - кумык, я - лезгин и т. д.

Другими словами, появилось целое поколение людей, которые относят себя к тому или иному этносу Дагестана и в то же время не знают родного языка, говорят на русском языке, носят европейскую одежду, практически не соприкасаются со средой - носителем языка, обычаев и традиций, культуры этноса, к которому они себя относят. Кто они? К какому этносу они относятся? Субъективно они относят себя к тому или иному народу Дагестана. Но любой сторонний наблюдатель, анализирующий объективные признаки этого поколения, скажет, что у этих людей нет никаких объективных признаков, позволяющих отнести их к той или иной известной народности Дагестана. Если у людей, живущих, скажем, в горном

Хунзахском районе, есть целый ряд объективных признаков, позволяющих относить их к аварцам, то о том, что сын или дочь хунзахца, родившиеся в Махачкале, тоже являются аварцами, можно узнать, лишь задав им несколько вопросов. С уверенностью они могут сказать лишь о том, что они – аварцы. Но языка аварского при этом они уже не знают.

Потеря языка, потеря имени – это потеря идентичности. Это действительно, как речка, теряющаяся в море. Но при этом необходимо иметь ввиду, что, несмотря на размывание объективных оснований этничности, субъективно все они идентифицируют себя с тем или иным народом Дагестана. Налицо реальное противоречие между самосознанием личности и объективностью. Самосознание всегда предполагает субъективную оценку, самоидентификацию через осознание принадлежности к некоей общности людей, имеющей имя – аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины и т. д. Но какое измерение имеет такая самоидентификация, насколько она истинна? Когда житель горного Кумуха идентифицирует себя как лакца, а житель Гергебиля идентифицирует себя как аварца, здесь субъективная идентификация совпадает с объективной. Такая самоидентификация является истинной, ибо в ее основе лежат *рациональные* посылки. Когда же житель Махачкалы во втором или третьем поколении идентифицирует себя как лакца или аварца, то такая самоидентификация является относительной. Очевидно, что здесь в основе самоидентификации лежат не столько некие рациональные посылки, сколько *эмоциональные*.

Самоидентификация на эмоциональном уровне характерна для представителей всех народов Дагестана, во втором или третьем поколении проживающих в городах республики. Таким образом, в городах республики стремительными темпами растет особый социальный слой, обладающий общими объективными признаками и различающийся лишь субъективной самоидентификацией. Именно этот слой я и называю *пятнадцатым «этносом» или «народностью»* Дагестана.

Могут, конечно, сказать, ну и что? Пусть исследованием этого феномена занимаются этнографы, это не объект интереса политической науки. Оказывается, нет. Дело в том, что этнографию интересуют именно объективные признаки того или иного этноса, а для политики имеют огромное значение субъективные устремления того или иного этноса, проистекающие из его самоидентификации.

Учитывая то, что уже сегодня в республике большинство жителей живет в городах и тенденции роста городского населения в обозримой перспективе будут сохраняться, именно «пятнадцатая народность» уже сегодня определяет (и чем дальше, тем больше будет определять) содержание, характер и динамику политического пространства в республике. Именно представители «пятнадцатой народности» будут в перспективе носителями духовной, экономической и, самое главное, политической власти в республике, именно из них будет рекрутироваться национальная элита республики. Они прекрасно владеют русским языком, что позволяет им безболезненно ориентироваться в общественно-политическом

процессе. Они получают лучшее образование, что позволяет получать и лучшие рабочие места. Они воспитываются в конкурентной среде, что уже дает более высокие шансы для карьерного роста. По сути, этнические маргиналы превращаются в доминирующий социальный слой республики. При этом доминирующий «этнос» в республике не будет уже обладать объективными признаками того или иного народа республики. Следует также учитывать, что «пятнадцатая народность» как наиболее быстро растущая категория избирателей все больше становится объектом пристального интереса политических партий. Поскольку основная масса дагестанцев, имеющих рациональную самоидентификацию, достаточно давно определилась в своих политических предпочтениях, то политические партии будут нацеливать свои основные усилия на получение поддержки именно «пятнадцатой народности».

Эмоциональная самоидентификация имеет целый ряд негативных моментов, имеющих существенное значение в общественно-политической жизни республики. *Во-первых*, поскольку групповое поведение «пятнадцатой народности» имеет скорее эмоциональную, чем рациональную основу, таким поведением легко манипулировать в корыстных политических интересах. В свое время вдохновителями основных идей национальных движений являлись именно представители городской интеллигенции, оторванной от объективных корней собственного этноса. Эмоциональный характер самоидентификации делает их легко возбудимыми, способными на быструю мобилизацию. Достаточно в этой связи вспомнить известные события, связанные с захватом Дома Правительства республики.

Во-вторых, эмоциональная самоидентификация не является достаточно прочной, она подвержена изменениям и перепадам. Она может меняться под влиянием политических партий, институтов и интеллектуалов, которые, конструируя этнические, мировоззренческие и культурные различия, внедряют их в головы людей с неустоявшейся идентичностью. Уже очевидно, что именно «пятнадцатая народность» является сегодня основным объектом религиозной экспансии ислама, особенно его крайних политизированных форм. Такая экспансия оказывается достаточно успешной, поскольку субъективная этническая самоидентификация, лишенная объективных оснований, находится в поиске более прочных оснований идентичности. И религия дает эти основания, создавая иллюзию причастности к традициям, обычаям и укладу жизни этноса.

В-третьих, эта категория людей более подвержена всяким националистическим заскокам, как это ни парадоксально звучит. Оторванные от действительной национальной почвы, с ослабленной генетической памятью, живущие больше мифами о предках и истории собственного народа, они склонны воспринимать в гипертрофированном виде даже маленькие проблемы, возникающие на национальной основе, или же интерпретировать многие общественные проблемы сквозь призму национализма. Ведь в этой среде представления о другом народе формируются не на основе знаний о культуре и

быте народа, а в большей степени на основе слухов, мифов, штампов, предубеждений и даже анекдотов. Не имея собственной идентичности, не обладая знаниями родного языка, не будучи носителями культуры своего народа, они в большей степени склонны относиться с пренебрежением и к культурному своеобразию других.

Эти негативные факторы могут актуализироваться в республике лишь при *двух условиях – этнократичности и нелегитимности политической власти в республике*. Этнократический характер политической власти (узкокорыстное господство и давление одного этноса) вряд ли возможно в республике в силу, как исторической традиции, так и отсутствия численно преобладающего этноса. Нелегитимная власть является более существенным фактором дестабилизации ситуации в условиях нашей республики. Национальные, религиозные и культурные различия никогда и нигде не были сами по себе причиной национализма и религиозно-политического экстремизма, если, конечно исключить случаи этнократии и ксенофобии. Это относится и к ускоренной суверенизации союзных республик СССР в 1991 году, и к чеченским событиям, и к всплескам национализма в ряде автономий России в 90-е годы. Причина здесь была чисто политическая – резкое падение авторитета центральной власти, ее низкая легитимность. Национально-освободительное движение под руководством Имама Шамиля также возникло не на волне национальной ненависти к русским, а в силу делегитимизации власти традиционных правителей дагестанских народов. Легитимность политической власти – это действительно тот кудесник, который постоянно воспроизводит стабильность и эффективность развития общественного организма. В девяностые годы в условиях низкой легитимности политической власти в республике был период резкой политизации миграционных процессов. Она выражалась прежде всего в стремлении посредством создания этнических политических партий и общественных движений сформулировать и агрегировать свои социально-экономические, политические и культурные интересы. Такая политическая практика не получила поддержки основной массы населения, была воспринята как форма национального эгоизма, чреватого опасными последствиями для единства народов республики. Именно высокий уровень этнической толерантности в республике в конце концов свел на нет все эти усилия.

Равнинное население Дагестана на наших глазах стало более пестрым по этническому составу. При этом все более преобладают интеграционные процессы. Во-первых, на место традиционной многонациональности, где каждый этнос имел свою традиционную территорию, пришла иная многонациональность, которая имеет на равнине ячеисто-сетевой характер, исключая рациональный характер национализма любого дагестанского этноса. Правда, при этом нельзя исключать проявления вспышек национализма тех этносов, которые считаются «некоренными», «пришлыми» - чеченцев, азербайджанцев, русских, ногайцев. Во-вторых, основные культурно-экономические центры республики (Махачкала, Дербент, Хасавюрт, Избербаш, Кизляр, Буйнакс), играющие существенную роль в

интеграционных процессах, находятся за пределами традиционных этнических территорий наиболее крупных этносов республики, мигрирующих на равнину. В-третьих, ни один этнос Дагестана не обладает преобладающей численностью, которая позволила бы ему монополизировать принятие тех или иных политических решений и отрешить другие этносы от участия в политическом процессе. В-четвертых, в республике достаточно давно укоренились некоторые принципы согласительной демократии, которые позволяют сохранять межнациональный паритет при распределении государственных должностей. Сегодня эти принципы выходят из тени и приобретают все более легально-конституционный характер.

И наконец важнейшим фактором интеграции и внутреннего единства Дагестана являются русская культура и русский язык. Межэтническое общение внутри Дагестана уже невозможно без русского языка, это язык межнационального общения, язык межкультурного общения. Русский язык в республике – это не только государственный язык, но он стал и бытовым языком. Единство народов Дагестана на протяжении веков обеспечивалось не только родственностью народов республики, но и географическим положением, и общей исторической судьбой. В современном мире география и общая история – достаточно зыбкие основания обеспечения территориально-политического единства. Это очевидно на примере многих народов – балканских народов, чехов и словаков, грузин, курдов и т. д. Поэтому так важен фактор культурной идентичности не только для России в целом, но и для Дагестана. Русскость – по сути, сегодня главный фактор, связывающий народы Дагестана в единое целое. Русскость – это отражение двойственной природы этнической идентичности населения Дагестана. С одной стороны, они являются русскими как носители русского языка и культуры, а с другой – представителями отдельного народа как носители языка и культуры этого народа. Русскость – это форма, в которую облечена российская национальная культура, впитавшая в себя как собственно русскую этническую культуру, так и культуру всех народов России в лице их наиболее ярких представителей.

Мы исходим из того, что наряду с традиционным упором при нациестроительстве на два вида национальной идентичности – гражданскую (идентичность по стране) и этническую (идентичность по группе), необходимо делать особый акцент на третьем виде национальной идентичности – идентичности по культуре. На этот третий вид идентичности не обращалось внимания по причине того, что в большинстве современных государств культурная идентичность совпадает с этнической. В России такого совпадения нет. Поэтому необходимо разобраться, каким же образом здесь этническая идентичность разных групп переводится в общую гражданскую идентичность этих групп. Полагаем, что этот перевод осуществляется благодаря третьему виду идентичности – общей культурной идентичности, которой обладают представители всех этносов России. Возможно, что термин «русскость» отталкивает тем, что здесь есть определенный этнический налет. Но этот этнический налет только языковой. Стихи Расула Гамзатова – это шедевр аварской этнической культуры, но переведенные на

русский язык они не становятся шедевром русской этнической культуры. В этом качестве они уже шедевр российской национальной культуры, существующей на русском языке. Возможно, что кто-то предпочтет здесь использование терминов «российскость», «россиянство» и т. д. Но, на наш взгляд, эти термины отражают нашу гражданскую идентичность, а русскость – нашу культурную идентичность. Русскость – это совмещение культурных миров не только народов Дагестана, но и всех этносов России, в т. ч. русского этноса. Русскость – это культурно-цивилизационная идентичность народов России, благодаря которой не разрушается их гражданская идентичность и не ущемляется этническая идентичность.

Безусловно, русскость – это и признание определяющей роли этнического русского народа в формировании цивилизационного потенциала страны. Но можно ли представить русскость, русскую культуру без потомка эфиопа Пушкина, без потомка шотландца Лермонтова, без евреев Пастернака. Мандельштама, Бродского, без аварца Гамзатова, без украинца Гоголя и т. д. Иногда можно услышать, что вся русская культура практически создана инородцами. Хотя, конечно, это не так. Но это лишь подчеркивает тот очень существенный факт, что русскость имеет своим главным смыслом именно культурное единство всех этносов России и что русская культура – это культура, созданная всеми народами России.

Если взять для примера представителя любого этноса Дагестана, например, аварца, какой идентичностью он обладает? Его идентичность будет тройственной: этническая идентичность – аварец, гражданская идентичность – россиянин, культурная идентичность – русский. Он – *россиянин, русский аварец*, или, если хотите, он – *русский аварского происхождения*. Если же взять для примера любого этнического русского, то и его идентичность носит тройственный характер. Этническая идентичность – этнический русский, великоросс, как бы сказали до революции. Гражданская идентичность – россиянин. Культурная идентичность – русский. Важно здесь понять, что *этническая русская культура и национальная русская культура не совпадают содержательно, а совпадают лишь по названию*. Вполне обычна ситуация, когда этнический русский не является носителем русской национальной культуры. Потомки многих русских эмигрантов, разбросанные по всему миру, являются этническими русскими, но не являются уже носителями русской национальной культуры. Очень точно вот такое несовпадение подметил А.С. Пушкин в образе Татьяны Лариной. «Татьяна, русская душою,...» пишет письмо Евгению Онегину на французском языке, так как не владела вполне родным русским языком.

Русскость для Дагестана – это отражение реального существенного доминирования культурного, а не религиозного, гражданского или языкового принципа идентификации населения. Многоязычие, культура и самобытность народов Дагестана – это отражение их этнической идентичности, это то, что отличает их от других народов России. И, безусловно, это необходимо беречь. Русскость же – это отражение национальной идентичности, это то, что объединяет

с другими народами России, это то, что в конечном итоге объединяет все народы России в единое целое.

В полиэтничной, многоконфессиональной России нет другого посредника между этнической и гражданской идентичностью, кроме культурного. Культурная идентичность народов России, выражением и отражением которой является русскость, выступает сегодня и в будущем важнейшим средством перевода этнической идентичности в гражданскую и формирования на этой основе единой российской нации.

В этом своем качестве русскость выступает в условиях Дагестана важнейшим фактором, оказывающим огромное влияние на собственно миграционные процессы и способствующим преодолению многих негативных последствий социальной и этнической маргинализации населения республики.

ФИЗИЧЕСКАЯ КИНЕТИКА РЫНКА: НОВЫЙ ПОДХОД К РЫНОЧНОЙ ЭВОЛЮЦИИ И ТЕХНОЛОГИЯ ДУХОВНОГО ЛИДЕРСТВА*

В.Ф. Туганов, академик Международной академии
духовного единства народов мира

Огюст Конт, не приняв политэкономии в качестве *технологического носителя* социологии, собственно и привел ее к «интересному» положению. Вопреки его формуле *«знать, чтобы предвидеть»* социологи не предсказали ни одного конфликта: ни войны, ни революции [23]. Их явно превзошел тот профессор, что в 1916 г. доказал устойчивость царского режима, но под конец 1917 г. все-таки нашел ошибку в знаке... Поэтому, если формула *социология – это политэкономия*, не будет воспринята, окажется прав И. Валлерстайн: социологию перестанут преподавать в университетах. И это при том, что уже очевидно, - политэкономия замещает *эконофизика* (физическая экономия), а социологию - *социофизика* - наука о физике (природе) социума.

Очевидна и логика востребованности физики в решении социальных проблем. Заявив о деидеологизации, Мир пытается уйти от того *релятивизма*, которым давно «заражен». Но нынешний «постмодернизм», не приняв *универсальность научных норм*, сам заразился «духом партийности», что по-прежнему *«разжигает своекорыстие классов и групп и тем искажает и предаёт государственное дело»* [26]. Поэтому физика, с ее первыми, что называется принципами, и оказалась самой беспристрастной идеологией – идеологией давней культуры исследований в галилеевском смысле: *«измерять то, что можно измерить, и пытаться измерить то, что измерению не подлежит»*. Лишь так и можно найти то *единственное решение*, с которым согласятся все, или, как минимум, большинство: *есть критерий оптимальности, есть опыт*.

Для России, внутренняя свобода которой не ограничена даже твердым порядком слов в предложении, это и важно. Ибо восходит к веками выверенной сути ее свободы и власти: *«управлять такой страной, как Россия, можно лишь тогда, если правильно выражаешь, что сознает народ»* (В. И. Ульянов-Ленин)... Суть, как оказалось, привела к *наилучшей (непобедимой) стратегии*, кстати, реализованной тогда НЭПом: **за 6 лет ВВП был утроен** [19]. И это за 60 лет до создания известным специалистом по теории игр Дж. М. Смитом самой концепции *наилучшей стратегии - эволюционно стабильной стратегии (ЭСС)* [27].

* Публикуются три первых главы статьи. Полностью статья будет опубликована в материалах конференции «Проблемы государственной политики регионального развития России» (Москва, 4 апреля, 2008 г.).

НЭП только кажется парадоксальной **ЭСС** (больше выгадал негегемон-крестьянин – получил все, что хотел). НЭП состоятельность свою показал за 85 лет до того, как ясно стало: ВВП сегодняшней России за 10 лет не удвоить. Это цена игнорирования сути **ЭСС**, которая всегда «эффективна против копий самой себя: если некая стратегия «почти» ЭСС, то это не ЭСС и будет побеждена».

В России, где лет 15 чьи только **ЭСС** ни «донашивали», у всех, кто хочет, чтоб их считали элитой, это замечание известного ученого-эволюциониста Р. Докинза должно находиться в рамочке, на видном месте.

Нынешние неустойчивые модели производства и потребления должны быть изменены в интересах нашего общего благополучия – этот приговор мировому развитию, вынесенный «Декларацией тысячелетия» ООН, предполагает решение более конкретной, хотя и не менее сложной задачи: *«Необходимо создать модель роста и развития, которая, сохранив динамизм рынка, обеспечит условия, выгодные для всех»*. А это и задача Всемирной комиссии по социальным аспектам глобализации [1] (доклад «Справедливая глобализация: создание возможностей для всех»): *«Найти путь к более безопасному, справедливому, моральному, открытому для участия миру, в котором будет процветать большинство, а не избранные, как внутри стран, так и среди них... Преодолеть неравенство как внутри стран, так и между ними, искоренить бедность»*

А бедные - всегда особый класс отверженных рынком людей, например тех, чей прирост дохода не положителен даже в растущей экономике. И этих «условий, выгодных не для всех», достаточно, чтобы любой отверженный стал нищим, бедным, малообеспеченным и... всегда готовым к социальному «взрыву».

Неудивительно, что на слуху необывательского меньшинства сегодня и в России, и в мире 90-страничный доклад «Будущая стратегия обороны» Центра развития, концепций и доктрин Минобороны Великобритании (The Development, Concepts and Doctrine Centre, www.mod.uk/DCDC). А так же серия интервью генерального директора этого Центра - контр-адмирала Криса Пэрри, 53-летнего военного эксперта, окончившего Оксфордский университет.

Прогнозы сенсационны – предстоит обороняться от собственного народа:

«Спасаясь от глобального неравенства и усиливающегося падения морали, люди будут искать прибежище в более жестких системах взглядов. А это в первую очередь религиозная ортодоксальность и такая стройная политическая идеология, как марксизм».... В ближайшие 30 лет мир вернется к марксизму, а роль гегемона в предстоящем процессе сыграет средний класс...

Мы рассматриваем подобное развитие событий как неотвратимое».

Так будут ли эксперты К. Пэрри владеть умом, душой и совестью большинства?

И насколько неотвратимо подобное развитие событий?

Выявив физику (природу) рынка и его суть (эффективно производящую, но асоциальную – ведущую к обогащению одних и обнищанию других), удалось решить и задачу Всемирной комиссии по социальным аспектам глобализации, и «задачу ООН», заявленную в «Декларации тысячелетия», – соединить несоединимое: рынок и социальную справедливость [2-12, 17, 21].

I. Методами теоретической физики и кинетической теории [2-6] создано новое направление - **физическая кинетика рынка**. Задан необходимый инструментарий исследований [7-12]:

1. Теоретически найдены равновесные функции (вероятности) распределения доходов (рис. 1) - **распределения Туганова-Цея $f(\xi, d, \Pi)$** - функции душевого дохода ξ , дисперсии d (коэффициент вариации) и доли Π бюджета (все в объеме среднедушевого дохода D (или ВВП)), которые хорошо согласуются с эмпирическими распределениями доходов ряда стран [13-14, 15, 31]).

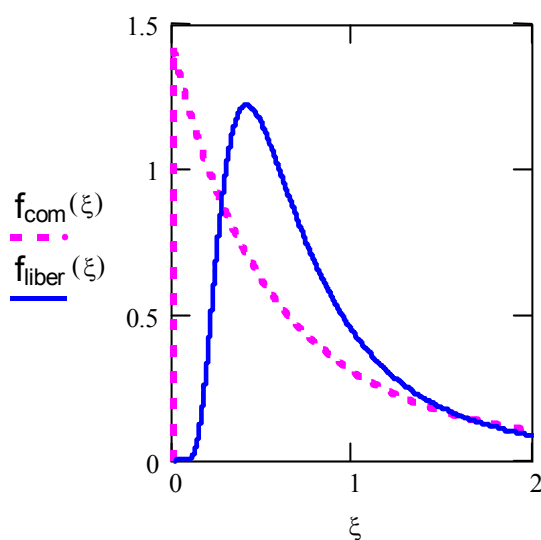

Рис. 1.

2. Введен **новый параметр социологии Θ** – доля «отверженных» (их общий доход не растет с ростом экономики), который не просто, как коэффициент Джини, отражает степень бедности, а дает еще и ответ, - почему не растут доходы «для всех»?

3. Установлен **существенный факт теоретической эконофизики и социофизики**, связывающий их с политической экономией и социологией: **доля «отверженных» $\Theta(d, \Pi)$** - функция двух, как минимум, параметров, d и Π , **растет с их снижением** [10].

И поскольку на знамени всех великих демократических революций известный лозунг: «никто не должен остаться позади», - и это неоспоримый критерий (форма бытия) демократии, то **долю «отверженных» Θ** , долю тех, кто заведомо «остаётся позади», естественно считать **степенью недемократичности режима**. К примеру, для США расчеты дают **$\Theta=54\%$** (1997г.), что хорошо согласуется с

опросами социологов: **55%** в США считают себя «отверженным» (рабочим) классом [15], а **54%** уверены, что не в состоянии осуществить «американскую мечту» [16]. Значит демократии в США всего **46%**. Не густо, и не намного больше, чем в России (**44%**). И эта разница в **2%** априори не повод, чтобы учить президента России, сколько их демократии, должно быть у нас. В Бразилии, например, эта цифра равна **60%**, и страна в «гуманитарной интервенции» по крайней мере со стороны США не нуждается, хотя обратное, по логике тех же США, - очевидно.

Новый *параметр социологии (социофизики)* позволяет не только прогнозировать динамику рынка, но и управлять ею (как и теми процессами, что допускают кризисное развитие: экономрост, демография и т.д.). Функция $\Theta(d, \Pi)$ растет со снижением d и Π (рис. 2) [10, 12, 17]. Поэтому ответ на волнующий мир вопрос, почему в растущей экономике возрастает число беднейших слоев, предполагает (при неизменной доле бюджета Π) снижение со временем дисперсии доходов d (в долях к среднему доходу D (или ВВП)). Что следует и из эмпирических фактов [15, 11, 17, 31], и из кинетического уравнения для дисперсии d в инвестируемой экономике.

Это позволяет сформулировать основной закон эконофизики (инвестиционной экономики): *инвестиции, как фактор управления и необходимое условие рыночной конкуренции, задавая рост экономики в целом, определяют и универсальный закон рыночной эволюции - снижение хаоса, энтропии и дисперсии* (коэффициента вариации) доходов, которое тем сильнее, чем больше скорость инвестирования – скорость роста капитала w : характерное время эволюции $\tau \approx 1/w$.

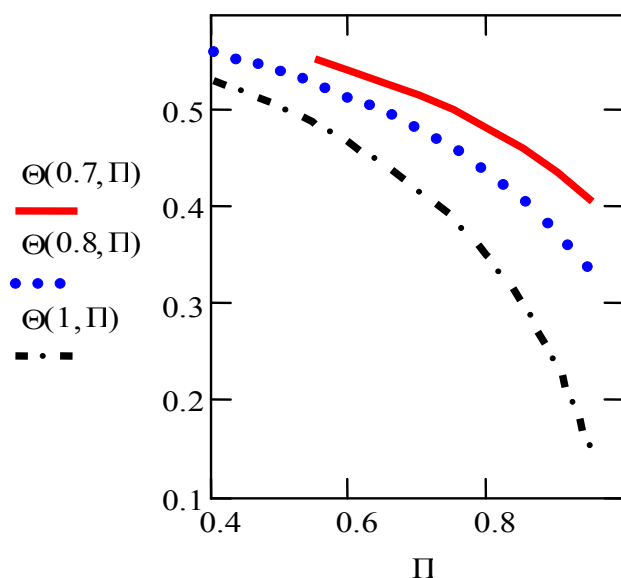

Рис. 2.

В целом, это отвечает и общим принципам эволюции диссипативных структур в открытых системах [28]: сама жизнь (как часть эволюции) принципиально связана не только с *ограничением свободы*, но и со *снижением энтропии*. И, если первое

очевидно, то понимание последнего, как и самой сути энтропии, довольно бурно и непреклонно росло, начиная со знаменитой речи Л. Больцмана в 1886 г. Была создана теория диссипативных структур в открытой системе, - способной обмениваться веществом (и энергией) с внешней средой. И установлен *универсальный критерий эволюции*: энтропия такой системы (как части более общей) может снижаться – происходит отток энтропии [28] при увеличении (не снижении) ее для всей системы в целом. Т.е. жизнь, политическое, экономическое противостояние и т. д. – это «добывание упорядоченности из окружающей среды», в том числе и снижение дисперсии распределения доходов [12]. Поэтому задача, например внешней политики России, заключается в том, чтобы никто не смог сделать из нее «окружающую среду».

Но при $d=0$ ($d \rightarrow 0$ за время $\tau \approx 1/w$) любое распределение вероятности (включая *распределение Туганова–Цзя*) таково, что случайная величина с вероятностью **1** принимает единственное значение, равное среднему [29]. Т.е., распределение доходов стремится к дельта-функции Дирака, а *наивероятный* (отвечающий максимуму вероятности) доход $\xi_0 \rightarrow 1$. Отражая тенденцию перехода к состоянию «*равенства всех по доходу*», такая эволюция распределения доходов ведет, однако, к *эволюционной неустойчивости* системы – к росту доли «*отверженных*» $\Theta(d, \Pi)$. И лишь конечное состояние с $d=0$ в этом смысле устойчиво: имеющие равный доход одинаково его и наращивают. Т.е. при медленном, эволюционном снижении дисперсии d , рано или поздно, должен произойти резкий скачок доли $\Theta(d, \Pi)$: от конечных значений до нуля. На языке физики это фазовый переход, а на языке социологии – революция [12].

Отсюда *основной закон социофизики* (социологии): рынок (а не Маркс) делит общность на классы, объективно производя *класс «отверженных», доля которых Θ эволюционно растет со снижением дисперсии* (коэффициента вариации) *доходов d* , что, физически порождая бедность, ведет к социальному «взрыву», революции и к перманентному «восстанию» нищеты – к терроризму.

Из физики следует и классика революции, предопределенная необходимым и достаточным условиями революционной ситуации. Ведь чуть раньше, за время $t \approx \tau_{cr} < \tau$ управляемая властью система (страна, регион, территория) потеряет управляемость: дисперсия станет ниже ($d \leq d_{cr}$) критической d_{cr} , начиная с которой доля отверженных $\Theta(d) \geq \Theta_{cr} = \Theta(d_{cr})$ не будет уже зависеть ни от бюджета Π , ни от других параметров, изменяющих доходы населения. Значит, даже если власть и найдет средства увеличить его доходы (**Стабфонд**), - кризиса не избежать: «*верхи уже не смогут управлять по старому...*». И это при том, что критические параметры любой общности могут быть спрогнозированы - вычислены методами физической кинетики. Причем задолго до того, как созреют *достаточные условия революции*, и «*по старому не захотят уже жить низы*». В этом смысле всякая власть, доведшая страну до революции, – физически безграмотна, морально ущербна и явно не «от бога» (априори безбожна). Что исторически оправдывает любую революцию.

Время, что «мозговой» Центр минобороны Великобритании отпустил властям (страны и мира) на моральное исправление, может и не совпасть с их оценкой $t \approx 30$ лет (что по кинетической теории отвечает значению $w \approx 3.3\%/год$ [12]). Ибо скорость роста капитала w , будучи *предопределена* конкурентной борьбой и заданными ею темпами роста ВВП (ВМП), определяется трендовой компонентой своей динамики $w(t)$, а не «постмодернистским» голосованием экспертов военного Центра, возглавляемого контр-адмиралом К. Пэрри. Это во-первых. А во-вторых - повсюду процесс отчуждения власти и народа зашел настолько далеко, что «рукой руку омыть не удержать и святого».

Поэтому все три параметра (τ_{cr} , d_{cr} , Θ_{cr}) надо *знать, чтобы грядущее предвидеть*.

А как же демократия? А демократия и бедность, как «*гений и злодейство, - две вещи несовместные*». Демократия как система «*не может устояться, если доходы от капитала достаются лишь 3-5% населения*» (Эрнандо де Сото). Что, как и суть, форма бытия демократии - *никто не должен остаться позади*, - подтверждается историей всех переворотов: и латиноамериканских, и нынешних - на постпространстве СССР.

II. Как поступил бы физически грамотный политик, зная, что **снижение d и рост доли «отверженных» Θ (d , Π) – объективные законы природы и эволюции, ведущие к социальному взрыву?** Предотвращал бы взрыв, управляя развитием.

Физическая кинетика рынка выявляет два пути управления развитием: *эволюционный коммунизм и технологичный социализм*.

Эволюционный коммунизм - это увеличение доли бюджета в ВВП Π , призванное (в силу факта **3**) компенсировать рост доли Θ при снижении d (рис. 2). В [10, 12, 17] показано, что функция $\Theta(d, \Pi)$ снижается при росте параметра Π . Значит, возможна конкретная (следующая из зависимости $\Theta(d, \Pi)$) стратегия роста этого параметра, которая уменьшит неизбежный рост *отверженных* (бедных) при эволюционном снижении дисперсии d . Выбор стратегии зависит от приоритетных задач общности на данный период (национальная идея, цели). В среднем скорость роста доли бюджета Π в ВВП, препятствующая росту Θ , как раз и определяет природу закона Вагнера [18]. Причем

$$\frac{\partial \Pi}{\partial t} > - \frac{\partial d}{\partial t} (\partial \Theta / \partial d) / (\partial \Theta / \partial \Pi) > 0 \quad (1)$$

И эта суть закона А. Г. Вагнера [17, 18], сформулированная им в терминах эластичности госрасходов по ВВП, превышающей единицу (17), - уже давно проявилась в развитых странах [19]. И, несомненно, ведет долю Π к **1** ($\Pi \rightarrow 1$).

Т.е. рыночная система эволюционирует к состоянию с двумя принципами, которые давно известны, а теперь, как показывает *физическая кинетика рынка*, еще и обеспечены технологически: *равенство по доходам* при $d \rightarrow 0$ и, как следствие, *эволюционирование частного сектора в общественный* при $\Pi \rightarrow 1$. Что позволяет гарантировать и соблюдение третьего принципа – «*каждому по*

потребностям», правда, при условии, что потребности растут медленнее, чем равный бюджету ВВП.

Физическая кинетика рынка показывает, что и это возможно. Необходимо лишь от либерального режима развития перейти к коммунитарному (к частно-государственному партнерству) [10, 17], когда доля госинвестиций η (в частных) превышает $(\eta > \eta^*)$ критический предел η^* , начиная с которого вклад государственных инвестиций в рост ВВП доминирует над частными $(\eta^* > 1)$. Вблизи нулевого бюджета Π оба режима инвестирования не зависят от параметра η , и темпы их роста $\Psi(\Pi)$ совпадают, отвечая «дикому» (с $\Pi=0$) капитализму и фридманову оптимуму прироста $\Psi(0)$: «чем меньше государства, тем лучше для экономики» (М. Фридман). Но этот «оптимум» (максимально возможный темп роста) присущ лишь либеральному режиму. Действительно, с ростом бюджета Π темпы $\Psi(\Pi, \eta)$ расходятся: либеральный режим $(\eta < \eta^*)$ ведет всегда к снижению темпов (ниже $\Psi(0)$), а коммунитарный $(\eta > \eta^*)$ – сначала к их росту (превышающему $\Psi(0)$), и лишь затем, начиная с некоторого при заданных d и η оптимума $\Pi_0 = \Pi_0(d, \eta)$, – к спаду вплоть до нуля при $\Pi \rightarrow 1$. То есть приросты либерального режима здесь не просто ниже $\Psi(0)$. Они, как и сам этот «оптимум», в разы ниже тех приростов, что дает коммунитарный режим при том же самом бюджете Π (рис. 3). Похоже, это те самые **6.7%** среднегодового роста, что достигли «либералы» в России, против тех **20%**, что были при НЭПе и за 6 лет утроили ВВП [19]. Да еще и при небывалом увеличении народа – «самом бесспорном показателе процветания любой страны» (А. Смит).

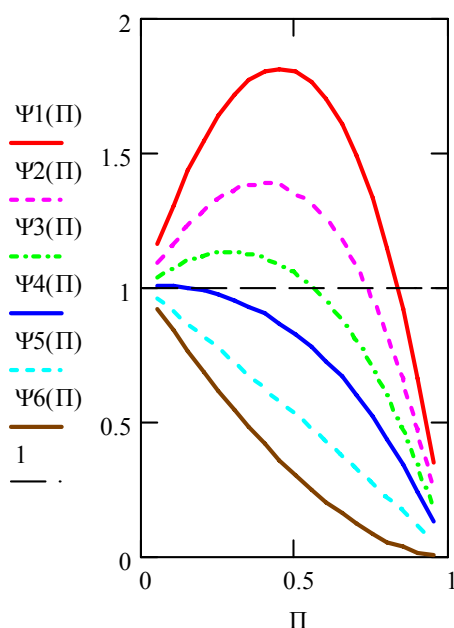

Рис. 3.

Коммунитарный режим ($\eta > \eta^*$) с максимизацией темпов $\Psi(\Pi, \eta)$ при известном (заданном теорией) бюджете $\Pi_0 = \Pi_0(d, \eta)$ это не только *стратегия ускоренного роста* страны. Это и непрерывное управление оптимальным бюджетом Π_0 , который, вообще говоря, подвержен изменениям: как медленным (эволюционирует вместе дисперсией d), так и быстрым (флуктуирует по параметру η из-за флуктуаций частных инвестиций). И *справедливый (бесконфликтный) дележ «пирога» ВВП*: кто оспорит такую стратегию в стране, потерявшей с пришествием либералов половину ВВП? И застрявшей сегодня на уровне 90-го года XX-го века (а в сравнении с США – в годах первой пятилетки СССР!) [20]...

Две в России проблемы: бедность и низкие (по сравнению с НЭПом или взявшим его на вооружение Китаем) темпы роста. Соответственно и две задачи: **максимизация темпов и снижение доли «отверженных» Θ** .

Но насколько они конфликтны, противоречивы? Сам по себе рост экономики не решает проблему бедности: скорости роста доходов для богатых и бедных – разные. И если б это было не так, Россию не волновал бы актуальный для всего мира вопрос: «Почему в растущей экономике растет число беднейших слоев?». Ответ на него дает факт 3 и рис. 2 [10, 12, 17]: инвестиции не только «дизтопливо» («нефть») экономики, но и «взрывчатое вещество» любой рыночной общности. А инвестор – опоясанный этим веществом «террорист»: инвестируя рост своих доходов и общий экономический рост Ψ , он снижает дисперсию доходов d (основной закон эконофизики и эволюции) и повышает тем самым долю «отверженных» Θ и бедных (основной закон социофизики – социологии). А «бедность – это мина замедленного действия в сердце свободы», – заметил директор ВТО 11 сентября 2001 г. Здесь есть, о чем задуматься «героям» русской версии «Форбс», что давно «удесятерили» лично свой ВВП (доход), в то время как Россия в целом вряд ли к 2010 г. его удвоит.

Поэтому вопрос уже не в том, чтобы удвоить (утроить) ВВП, а за чей счет – ценой какой бедности, это допустимо? Физическая кинетика рынка решает и эту задачу. На рис. 4 показаны темпы роста ВВП $\Psi(\Theta, d, \eta)$ как функция доли «отверженных» Θ при разных значениях η (и одном из значений дисперсии d). Целесообразность нынешнего перехода от *либерального режима к коммунитарному – режиму частно-государственного партнерства* очевидна: дележ ВВП по доле бюджета $\Pi = \Pi(d, \Theta)$ (рис. 2, 3) не только *максимизирует рост* ВВП при оптимальных долях $\Pi_0 = \Pi_0(d, \eta)$ и $\Theta_0 = \Theta_0(d, \eta)$, но и позволяет при необходимости получить заданный уровень экономического роста за счет более низкой доли Θ и бедности (рис. 4).

Если доля госинвестиций η (в частных) превышает ($\eta > \eta^*$) критический предел η^* , начиная с которого вклад государственных инвестиций в рост ВВП доминирует над частными ($\eta^* > 1$), то *коммунитарные ($\eta > \eta^*$) приросты ВВП $\Psi(\Theta, d, \eta)$ в разы*

превышают приросты *либерального режима* ($\eta < \eta^*$) при том же самом уровне бедности Θ (рис.4).

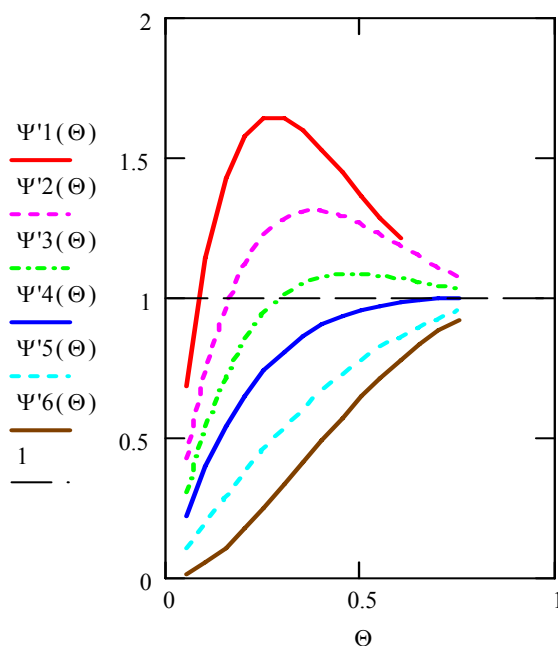

Рис. 4.

И наоборот, один и тот же коммуитарный темп роста может быть достигнут при разных уровнях бедности. И это – конституционно разные государства: *социальное* (более демократичное) при $\Theta < \Theta_0$ и *асоциальное* (менее демократичное) при $\Theta > \Theta_0$. Т.е. у всякой власти, и Россия не исключение, нет и не может быть никаких отговорок, что не пришло-де еще время для надлежащего исполнения ст. 7 Конституции РФ, что Россия еще слишком бедна... Она потому и бедна, что, как показывает физическая кинетика, именно эта, 7-ая статья Конституции нарушена.

Более того, чем больше отношение $\eta/\eta^* > 1$, тем ниже *минимальный уровень бедности Θ* , необходимый для достижения любого заданного темпа роста экономики. В том числе и *либерального предела роста* – пресловутого фридманова «оптимума» ($\Psi=1$) дикого капитализма ($\Pi=0$). Который при либеральном режиме ($\eta < \eta^*$), если и доступен, то лишь в *критической области* $\Theta \geq \Theta_{cr}$ (рис. 4).

Либеральный режим ($\eta < \eta^*$) - всегда низкие темпы роста и... **революция!**

III. Действительно, если рост доли бюджета Π окажется недостаточным для снижения Θ , то общность неизбежно придет к тем критическим параметрам (τ_{cr} , d_{cr} , Θ_{cr}), что задают необходимое условие революционной ситуации (верхи не могут). И надо ли ждать, *достаточных* (субъективных) *условий*, когда «по старому уже не хотят жить низы...» (низы не хотят). Бедность – одна из причин...

Проблему бедности не решить «с помощью малого и среднего бизнеса», хоть

на это и надеется В.В. Путин (ВГТРК «Россия», 18.10.07), ибо не только малый, но и средний бизнес в значительной степени и давно попадают в *класс «отверженных»*, - тех, чей общий доход не растет с ростом экономики. Действительно, *распределения Туганова–Цея* $f(\xi, d, \Pi)$ – известны из кинетической теории рынка и являются функцией душевого дохода ξ , дисперсии d (коэффициент вариации) и доли Π бюджета (все в объеме среднедушевого дохода D (или ВВП)) [10, 12, 17]. Используя тогда и соответствующее уравнение для линейных (по скорости инвестиций W) распределений $F(\xi, d, \Pi, t)$ [10, 11, 17]

$$\partial F / \partial t = - (W - \Gamma \Psi) \partial f / \partial \xi, \quad (2)$$

можно вычислить линейный по W прирост дохода (при начальном, например, условии $\Psi(0) = 0$)

$$\Psi(d, \Pi, t) = \int_0^{\infty} d\xi \xi F(\xi, d, \Pi, t), \quad (3)$$

И получить не только основной закон для инвестиций при $t \gg 1/\Gamma$ (связь $\Psi = W/\Gamma$ через сопротивление среды $\Gamma = \Gamma(d, \Pi)$) [8], но и прирост дохода (в объеме Ψ)

$$c(\xi, d, \Pi) = - \int_0^{\xi} d\xi \xi \partial f(\xi, d, \Pi) / \partial \xi \quad (4)$$

тех, чья доля в общей численности составляет

$$\Theta(\xi, d, \Pi) = \int_0^{\xi} d\xi f(\xi, d, \Pi). \quad (5)$$

Если интегрирование в (4), (5) ограничить неравенством $0 \leq \xi \leq \xi_1$, верхний предел которого $\xi_1 = \xi_1(d, \Pi)$ задан уравнением $c(\xi, d, \Pi) = 0$, то (4) определит тогда долю «отверженных» – $\Theta(d, \Pi) = \Theta(\xi_1, d, \Pi)$ – долю тех, чей совокупный прирост дохода неположителен - общий (групповой) доход не растет при инвестировании.

Задача (2)–(5) математически сложна, хотя физика ее простая. Действительно, *функция Туганова–Цея* $f(\xi, d, \Pi)$ имеет максимум (см. рис. 1) при $\xi = \xi_0$, где $\xi_0 = \xi_0(d, \Pi)$ – наиболее вероятный в распределении доход, зависящий от двух параметров. Производная этой функции на интервале $0 < \xi < \xi_0$ положительна, $\partial f(\xi, d, \Pi) / \partial \xi > 0$, поэтому прирост доходов каждого, кто попал в этот интервал ξ , заведомо отрицательный (см. (4)). Отрицательным будет и общий (групповой) прирост дохода доли $\Theta(\xi, d, \Pi)$, пока вклад в интеграл (4) от области с положительной производной распределения не будет скомпенсирован вкладом доходов ξ с отрицательной производной, $\partial f(\xi, d, \Pi) / \partial \xi < 0$ при $\xi > \xi_0$. Т.е. верхний в формулах (4) и (5) предел интегрирования $\xi_1 > \xi_0$ – заведомо превышает ξ_0 (рис. 1). И значит в *класс «отверженных»* (с доходами $\xi \leq \xi_1$ – предельный доход «отверженности») попадает практически весь *средний класс*, который в марксовом понимании группируется, начиная с наиболее вероятного дохода ξ_0 .

Отсюда собственно и вся революционность среднего класса, о гегемонии которого в «неотвратимо» предстоящей революции заявляют контр-адмирал К. Пэрри и эксперты возглавляемого им военного «мозгового» центра Великобритании.

Столь мощный удар по фундаменту (ключевой утопии) либерализма с его иллюзиями («средний класс – стабилизатор, опора рыночно-либерального режима») наносит не только развиваемая теория и *физическая кинетика рынка*. Есть эмпирические данные, что прекрасно теорию подтверждают. Например, статистика США: за 1980–1995 гг. доходы возросли лишь у **20%**, а у **80%** – снизились [16]. И результаты опросов их граждан, например, в 1995 г.: **55%** в США считают себя *«отверженным»* («рабочим» по марксовой терминологии) классом [15]. И ситуация, как известно с тех пор не улучшилась. И это – в стране с «государством всеобщего благоденствия». И, наконец, есть доклад Центра развития, концепций и доктрин минобороны Великобритании «Будущая стратегия обороны» с его выводами о «неотвратимости» марковского подхода в разрешении всех противоречий. А «неотвратимость» исключительно от нерешенной *проблемы бедности, «отверженности»*, а, стало быть, и *недемократии*.

Единственное решение – технологичный социализм. Это стратегия, при которой функциональная с дисперсией ***d*** связь бюджета ***Π=Π(d)*** (бюджетное ограничение ***Π=Π(d,b)*** при налоговой прогрессии ***b*** [21]), делая невозможным отрицательный прирост доходов, обращает в нуль *долю «отверженных»*, ***Θ(d,Π(d))=0***.

Для этого достаточно в *функции (вероятности) распределения доходов $f(\xi, d, \Pi)$* исключить область доходов ***ξ***, где с ростом дохода растет и вероятность его иметь. *Распределение Туганова-Цея* преобразуется тогда в *распределение типа Парето*, у которого, как известно, нет этой области доходов ***ξ*** с производной **$\partial f(\xi) / \partial \xi > 0$** [12, 17]. Пример преобразования в распределение с нулевым наивероятным доходом (**$\xi_0(d, \Pi(d))=0$**) см. на рис. 1. Доходы здесь растут у всех, хотя по разному, неравенство остается, но *степень демократии $1-\Theta$* , где **$\Theta=\Theta(d, \Pi(d))$** достигает **100%** в силу **$\Theta=0$** .

Именно эта область, **$0 < \xi < \xi_0$** , от нуля до наивероятного (отвечающего максимуму вероятности) дохода **ξ_0** , производя нищих, бедных и малообеспеченных, собственно и ведет всю систему к неустойчивости, нестабильности и к социальному «взрыву» [11, 12, 17], обнаруживая при этом еще и полную аналогию с неустойчивой ситуацией в термоядерной плазме [33].

Ведь всякий, имеющий доход ***ξ***, одинаково взаимодействует с теми, чей доход и выше, и ниже, но, как правило, не намного: в большинстве своем преобладают сделки (покупки) с ценой намного меньшей дохода (редко, кто несет в лавку или магазин весь свой доход). А выигрывает от сделки всегда тот, чей доход (статус) выше: он свободнее, подвижнее, у него больше и выбор сделок, и возможностей перераспределить риски, в том числе и за счет менее обеспеченных. Поэтому, если твой доход меньше наивероятного (**$\xi < \xi_0$**), то прирост дохода здесь в среднем отрицателен: наиболее вероятны сделки с имеющими доход больший, чем твой.

Для тех, чей доход выше наивероятного ($\xi > \xi_0$), наоборот: прирост дохода положителен, так как более вероятны сделки с обладателями меньших доходов (рис. 1).

При снижении дисперсии (коэффициента вариации) доходов ($d \rightarrow 0$) их функция распределения принимает более симметричную (гауссову) форму [29] (эмпирический факт такой эволюции см. в работе [31]). И доля тех, чей совокупный (групповой) доход не растет - доля «отверженных», очевидно, эволюционирует к 1 ($\Theta \rightarrow 1$), проходя критическую область ($\Theta \geq \Theta_{cr}$), где собственно и формируются необходимые условия революционной ситуации.

Такая физика всеобщего обнищания, ведущего к революции, куда прозрачней, а главное, продуктивней соответствующей теории К. Маркса и его гипотезы о неуклонном снижении нормы прибыли при эволюции. Эта физика, если угодно, - марксизм для «домохозяек», принадлежность к которым «неотвратимо» демонстрируют и эксперты К. Пэрри, и президенты, премьер-министры и пр. министры, словом, все, кто образован гуманитарно, но безграмотен физически.

И теперь, когда физика (природа) бедности выявлена, потрясающе интересно понаблюдать за теми, кто уже заявил, что хочет: а) «изменить неустойчивые модели в интересах общего благополучия» (все, принявшие «Декларацию тысячелетия» ООН, 2000); б) «преодолеть бедность, сберечь народ» (Путин В.В., Послания 2003, 2007 гг.); в) «искоренить бедность, создать условия, выгодные для всех» (Всемирная комиссия по социальным аспектам глобализации, 2005) и д) «положить конец бедности» (XVII съезд Коммунистической партии Китая, 2007).

Все должны понимать, что хотят они одного – технологического социализма.

А это, - хоть завтра, в отдельно взятой стране и в условиях рынка и частного сектора ($1-P \neq 0$), была бы политическая воля и власть, а главное - возможность «ограничить» свободу управления заданным бюджетным ограничением $P=P(d,b)$, где b – параметр налоговой прогрессии [12, 17, 21]. Имеющий при этом «власть и возможность» (и власть, и возможность – очевидны или исследуемы) не может уже сказать, что «самое трудное (из проблем государственной важности) – это, конечно, борьба с бедностью» (Путин В.В., ВГТРК «Россия», 18.10.07). Важность очевидна...

Список литературы

1. A Faire Globalization Creating Opportunities for All. World Commission on the Social Dimension of Globalization. Geneva (2004). www.ilo.org/wesdg.
2. Туганов В.Ф. (2002): Флуктуации и регулярный метод нахождения интегралов столкновений в линеаризованных кинетических уравнениях. Препринт ТРИНИТИ №0096–А.
3. Туганов В.Ф. (2003): Регулярный метод нахождения интегралов столкновений в кинетических уравнениях. Российский семинар «Современные методы диагностики плазмы и их применение для контроля вещества и охраны природы», М.: МИФИ.
4. Туганов В.Ф. (2002). Диагностика метода: регулярный метод нахождения интегралов столкновений в кинетических уравнениях и его диагностика, Тезисы докладов XXIX Звенигородской конференции по физике плазмы и УТС, г. Звенигород.

5. **Туганов В.Ф.** (2003). Регулярный метод нахождения интегралов столкновений в линеаризованных кинетических уравнениях, радиационная (излучательная) диагностика плазмы и диагностика метода, Тезисы докладов X Всероссийской конференции "Диагностика высокотемпературной плазмы", г.Троицк.
6. **Туганов В.Ф.** (2007) **Физическая кинетика плазмы и задачи свехтонкой спектроскопии**, Тезисы докладов XVIII конференции по **Фундаментальной Атомной Спектроскопии (ФАС - XVIII)**, Звенигород, 22-26 октября
7. **Туганов В.Ф.** (2005): Физика коммунитаризма: управление рынком и эволюционно стабильная стратегия (ЭСС) развития. Сборник трудов IV Всероссийской интернет-конференции по проблемам эконофизики и эволюционной экономики. Екатеринбург, 21–30 ноября. www.ephes.ru.
8. **Садченко К.В., Туганов В.Ф.** (2005): Степенные распределения по доходам, регулярный теоретический метод их нахождения и простая модель рынка. VI Международный симпозиум по эволюционной экономике. Пущино, 23-24 сентября.
9. **Садченко К.В., Туганов В.Ф.** (2005): Степенные распределения по доходам, регулярный теоретический метод их нахождения и простая модель рынка. Сборник трудов IV Всероссийской Интернет-конференции по проблемам эконофизики и эволюционной экономики. Екатеринбург, 21–30 ноября. www.ephes.ru.
10. **Туганов В.Ф., Туганов И.В.** (2006): Рынок и коммунитарное (частно–государственное) партнерство: как справедливо разделить пирог ВВП и почему необходимо управлять рынком? <http://spkurdyumov.narod.ru>
11. **Туганов В.Ф.** (2007): Физическая кинетика рынка: ВВП, его «удвоение» и борьба с неравенством и бедностью. Эконофизика. Современная физика в поисках экономической теории. М.: МИФИ.
12. **Туганов В.Ф.** (2007): Физическая кинетика рынка: либерализм, коммунитарность, коммунизм – к чему эволюционируем? Сборник трудов VI Всероссийской Интернет-конференции по проблемам эконофизики и эволюционной экономики. Екатеринбург, 16–30 апреля. www.ephes.ru.
13. **Scafetta N., Picozzi S., West B.J.** (2004): An Out-of-equilibrium Model of the Distributions of Wealth // *Quantitative Finance*. № 4. P. 353–364.
14. **Scafetta N., Picozzi S., West B.J.** (2002): Pareto's Law: a Model of Human Sharing and Creativity // *arXiv: cond-mat/0209373*. Vol. 1. 16 sep.
15. U.S. Department of Commerce (1997): Census Bureau Report. Washington.
16. Downsizing of America (1996): New York: *New York Times*.
17. **Туганов В.Ф.** (2008): Физическая кинетика рынка: насколько «социальна» политика государства? // *Экономика и математическое моделирование*? № 1
18. **Wagner A.H.** (1877, 1890): *Finanzwissenschaft*. Vol. I, II. Leipzig: C.F. Winter.
19. **Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р.** (1993): Экономика, М.: Дело ЛТД.
20. **Березин И.** (2007): Для кого составляются рейтинги? // *ВВП*, № 28.
21. **Туганов И.В.** (2007): Физическая кинетика рынка: простая модель и ее развитие. Сборник трудов VI Всероссийской Интернет-конференции по проблемам эконофизики и эволюционной экономики. Екатеринбург, 16–30 апреля. www.ephes.ru.
22. **Шевяков А.Ю., Кирута А.Я.** (2002): Измерение экономического неравенства. М.: Лето.
23. **Филипов А.** (2007): Наука и воля к власти. // *Русский репортер*. № 19 (019)
24. **Чеченов Х.** (2007): Октябрь определил вектор развития страны. // *Российская Федерация сегодня*. № 21, Общественно-политический журнал Федерального собрания – Парламента РФ.
25. **Уткин А.И.** (2007): Выстоит ли разделенный дом? // *Стратегия России*. № 10

26. Ильин И.А. (1928): Яд партийности // *Русский колокол*. Кн. 3. Берлин.
27. Smith M.J. (1982): *Evolution and Theory of Games*. Cambridge: Cambridge University Press.
28. Гленсдорф П., Пригожин И. (1973): Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуаций. М.: МИР.
29. Математический энциклопедический словарь (1988): М.: Советская энциклопедия.
30. Соловей В. (2007): Революционная ситуация. // *Политический журнал*. №30
31. Xavier Sala-i-Martin (2005): The World Distribution of Income: Falling Poverty and... Convergence, Period. IncomDistrAnimation_DRAFT_030924. www.nber.org.
32. Гусев В. (2007): Государству не следует уходить из жилищной сферы. // *Российская Федерация сегодня*. № 19, Общественно-политический журнал Федерального собрания – Парламента РФ.
33. Туганов В.Ф. (2003): Свобода и власть: диалог или гегемония? // *Наша власть: дела и лица*. № 12 (36).
34. Туганов В.Ф., Туганов И.В. (2005): Управление рынком и эволюционно стабильная стратегия (ЭСС) развития. III Международная конференция «*Развитие регионов России и укрепление сотрудничества России со странами Европейского Союза*». 19 октября. М.: НКЭР. www.nker
35. Туганов В.Ф. (2005): Вперед к природе: физика налогообложения, демократии и управления развитием. Круглый стол «Проблемы законодательного регулирования и государственной политики по развитию нанотехнологий в РФ», Совет Федерации, 31 марта.
36. Кузнецов В.Н. (2007): Социология компромисса. М.: Книга и бизнес.

ТЕНДЕНЦИИ, ПУТИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

**Чжэн Жуньюй, аспирант философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова**

Обострившаяся проблема международного терроризма в регионе Центральной Азии повлекла необходимость государств региона и всего мирового сообщества предпринять безотлагательные меры для отпора этой угрозе. Большое значение для стабильности и развития государств в Центральной Азии имеет борьба России и Китая с международным терроризмом. Китайский военный эксперт Ван Гоцян подчеркивает¹, что ситуация в этом регионе непосредственно затрагивает национальные интересы как КНР, так и РФ, которая географически примыкает к этому региону и безопасность которой неразрывно связана с его безопасностью. Кроме того, эти государства объединяют общая история, этнос и религия, а также потребности во взаимном всестороннем сотрудничестве и в противоборстве с «тремя темными силами»: терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Важно отметить, что существуют вполне конкретные и перспективные направления взаимодействия России и Китая в борьбе с международным терроризмом. Прежде всего такое сотрудничество основывается на различных двух- и многосторонних встречах и договорах.

Большое значение для этого региона имеет образование «Шанхайской организации сотрудничества» (ШОС). Приоритетным направлением деятельности ШОС является всемерное углубление сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков.

ШОС обладает многими особенностями. Это крупнейшая региональная организация Евразии. Она охватывает большую часть континента, от берега Тихого океана на востоке до Финского залива на западе, от гор Гиндукуша на юге до Северного ледовитого океана на севере, занимает 2/3 площади континента. Население этой территории – 1,5 млрд. человек, т.е. 1/4 от населения Земли. Найденный ШОС образец концепции безопасности, предусматривающий максимальное сокращение вооруженных сил и военной деятельности в зоне границ на основе взаимного доверия, усиление прозрачности и укрепление дружественных контактов, создание границ добрососедства и дружбы – представляется оптимальным. Это модель нового типа безопасности. Ее тройственная формула (в порядке убывания степени угрозы) - противодействие "терроризму, сепаратизму и

¹ ШОС и ситуация в центральной Азии //экспресс-информация №9 2005

экстремизму", по мнению аналитиков, полностью отвечает современным требованиям обеспечения региональной и мировой безопасности.

Жизненно важным представляется участие стран ШОС в борьбе с другими деструктивными элементами в регионе. В последние годы и без того тяжелую обстановку в государствах осложняют исламские фундаменталисты и главным образом Исламское движение Узбекистана (ИДУ). В ИДУ наряду с этническими узбеками входят чеченцы и уйгуры. Такой состав этого движения представляет собой угрозу для безопасности не только Узбекистана, но и всех государств региона². В 1999 г., когда бандформирования ИДУ атаковали позиции отряда Киргизской армии, расположенного в Баткенской области, ШОС впервые осуществила ряд практических мер по борьбе с ИДУ. В этот момент в Бишкеке проходила встреча лидеров стран - участниц «Шанхайской пятёрки», которые заявили Президенту Киргизии Аскарму Акаеву о своей готовности оказать Киргизии любую необходимую помощь для борьбы с экстремистами. Год спустя боевики вновь напали на республику, но, получив жесткий отпор, отступили за ее границы. Во многом заслуга в этом принадлежит партнерам Киргизии по ШОС, предоставившим республике военно-техническую помощь. Кроме того, в 2001 г. в рамках ШОС казахстанским и китайским спецслужбам совместно удалось осуществить ряд операций по поиску и нейтрализации глав уйгурских экстремистов.

Таким образом, ШОС находится сейчас в стадии развития, играет важную роль в борьбе с международным терроризмом в регионе. Основными задачами в борьбе с международным терроризмом для России и Китая в рамках ШОС являются: разработка предложений и рекомендаций о развитии сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом для соответствующих структур ШОС; формирование банка данных РАТС (Региональные антитеррористические структуры) о международных террористических, сепаратистских и иных экстремистских организациях, их структуре, лидерах и участниках, других причастных к ним лицах, а также источниках и каналах их финансирования; содействие в подготовке и проведении антитеррористических командно-штабных и оперативно-тактических учений; участие в подготовке международно-правовых документов, затрагивающих вопросы борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Повысить потенциал ШОС в сфере безопасности призвана создаваемая система совместного оперативного реагирования на угрозы региону.

Такое объединение усилий должно иметь комплексный характер, реально содействовать обеспечению надежной защиты территорий, населения, ключевых объектов жизнеобеспечения и инфраструктуры государств-членов от разрушительного воздействия новых вызовов и угроз, созданию необходимых условий для устойчивого развития и искоренения бедности на пространстве ШОС и

² . Собянин А. «Новая граница» для Москвы: уйгурский сепаратизм становится общей проблемой России и Китая// Журнал Профи// http://www.profi.gateway.kg/uyghurs_expert

включать в себя³: развитие тесного сотрудничества внешнеполитических, внешнеэкономических, правоохранительных органов, спецслужб и оборонных ведомств государств-членов; активное использование механизма встреч секретарей советов безопасности государств-членов; выработку эффективных мер и механизмов совместного реагирования ШОС на ситуации, ставящие под угрозу мир, безопасность и стабильность в регионе; совместное планирование и проведение антитеррористических мероприятий; гармонизацию национальных законодательств в вопросах обеспечения безопасности; сотрудничество в области разработки и использования современного технического оборудования, используемого в борьбе с новыми вызовами и угрозами; формирование эффективного механизма информационного противодействия новым вызовам и угрозам; подготовку соответствующих кадров.

В практической плоскости озабоченность проблемами борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом вылилась в подписание государствами ШОС «Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», «Соглашения о создании Региональной антитеррористической структуры (РАТС)» и «Соглашения о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров». Созданы постоянно работающие с 2004 года органы ШОС – Секретариат, который расположен и работает в Пекине, и РАТС, которая расположена и работает в Ташкенте, – эти организации становятся действенными коллективными инструментами, обеспечивающими бесперебойное функционирование других органов в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом⁴.

РАТС создаст условия для сбора информации, а также для совместной работы представителей государств-членов ШОС в одном месте. Именно в этих целях в составе структуры налажена деятельность Совета и исполнительного комитета. В Совет вошли руководители специальных служб шести стран. В данной структуре будут работать специалисты компетентных органов государств – членов ШОС⁵. Несмотря на сравнительно небольшой период со времени своего открытия, в деятельности РАТС наблюдается усиление практического вектора работы. Первый замдиректора ФСБ Сергей Смирнов, председатель РАТС ШОС, заявил, что в 2007 году намечено ввести в строй единый банк данных по террористам. В рамках этого банка данных был утвержден единый "список лиц, объявленных в международный розыск в связи с преступлениями террористического, сепаратистского и экстремистского характера". Кроме того, на базе списка начато формирование "Единого розыскного реестра органов безопасности и специальных служб государств-членов ШОС". Также, по словам Смирнова, ведется работа по

³ Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества . г. Астана, 5 июля 2005 года

⁴ Г.Д. Агафонов. Угрозы в сфере безопасности для государств Центральной Азии - членов ШОС. Россия и Китай в шанхайской организации сотрудничества//РАН. Ин-т Дал. Востока; Отв. ред.: Болятко А.В.; Сост.: Клименко А.Ф. - М., 2006

⁵ Открытие исполнительного комитета РАТС 17.06.04. <http://www.ecrats.com/>

созданию "Перечня террористических, сепаратистских и экстремистских организаций, деятельность которых запрещена на территориях государств-членов ШОС"⁶.

С 2002 года государства "шанхайской шестерки" ежегодно проводят совместные военные учения в рамках программы борьбы с терроризмом в Центральной Азии. С 2007 году в Министерстве обороны и Генеральном штабе ВС РФ совместно с другими заинтересованными ведомствами разрабатывается проект концепции сотрудничества в военной сфере между оборонными ведомствами государств – участников ШОС (не путать с военно-политическим союзом). Основная цель концепции – поэтапное и целенаправленное развитие военного сотрудничества оборонных структур в рамках организации с учетом современных вызовов и угроз, организация взаимодействия военной составляющей государств-членов с другими международными организациями, в том числе с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Разработка данного концептуального документа тесно увязана с антитеррористическими задачами, которые в рамках организации возложены на РАТС. Ряд положений данной концепции уже отрабатывается на практике в ходе командно-штабных учений государств-участников ШОС.

В 2006 году в Хатлонской области Таджикистана Китай и Таджикистан провели совместное антитеррористическое учение "Взаимодействие-2006".

В 2007 году были проведены учения "Миссия мира-2007", в которых участвовали около 4000 военнослужащих и 100 самолетов и вертолетов из Китая, России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Это втрое больше, чем число задействованных в "Миссии мира-2005", которая проводилась в Китае. Учения 2007 года, проходившие с 8 по 17 августа 2007, включали полномасштабную отработку наступательных операций с участием обычных наземных войск и ВВС, а также скоординированные воздушные налеты силами фронтовых самолетов и вертолетов. По сообщениям России и Китая на настоящий момент эти действия, отрабатываемые на учениях, были направлены против баз "террористов" в условиях города и сельской местности⁷. Смысл этих учений в том, что чтобы отрабатывать действия специальных подразделений по борьбе с терроризмом.

Прошедший в 2007 году саммит ШОС в Бишкеке был призван определить новые задачи Организации в соответствии с буквой и духом ее нормативных документов. Государства-члены отметили востребованность коллективных наработок по противодействию новым вызовам и угрозам. Россия и Китай выражают заинтересованность в дальнейшем укреплении антитеррористического потенциала ШОС. Они подчеркивают важную роль и необходимость всемерного использования серьезного потенциала Региональной антитеррористической

⁶ ФСБ и движения Центральной Азии: анализ <http://www.infoshos.ru/?idn=79>

⁷ Пресс-конференция Генерального секретаря ШОС Б.К.Нургалиева по итогам Бишкекского саммита. 22 августа 2007 года

структуры ШОС (РАТС ШОС) в развитии в рамках Организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, пресечении новых вызовов и угроз.

На этом саммите ШОС в Бишкеке Россия и Китай дали высокую оценку деятельности Региональной антитеррористической структуры ШОС и отметили, что она располагает серьезным потенциалом для дальнейшего совершенствования взаимодействия в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Ключевой задачей остается укрепление безопасности стран ШОС и прежде всего нейтрализация угроз со стороны терроризма, сепаратизма, экстремизма. В этой связи принципиальное значение имеет расширение практики консультаций и совместных действий в сфере антитеррора. Важным моментом деятельности Шанхайской организации сотрудничества является то, что поочередно в каждом из государств-участников проводятся ежегодные официальные встречи президентов и регулярные переговоры глав правительств. Кроме того, функционируют новые механизмы сотрудничества, а для его координации в рамках ШОС создан совет национальных координаторов государств-участников. Деятельность этого совета будет определяться временным положением, которое утвердили министры иностранных дел стран-участниц.

Для координационной деятельности как между государствами членами ШОС, так и между другими международными структурами создан механизм совещаний глав министерств: Совещания министров обороны, иностранных дел, руководителей пограничных ведомств, правоохранительных и других органов. В целях лучшей координации и обеспечения взаимодействия Исполнительного комитета РАТС с компетентными органами государств – членов ШОС учрежден институт постоянных представителей, а также осуществляются совещания руководителей Советов безопасности государств – членов ШОС в рамках РАТС координируется работа спецслужб.

Большое значение для деятельности ШОС имеет то, что в нее входят Россия и Китай. Китай и Россия — две великие державы, территориально замыкающие организацию с востока и севера. Происходящие в регионе события и наблюдающиеся там тенденции, как благоприятные, так и негативные, в известной степени затрагивают все находящиеся там другие государства. В геополитическом отношении Китай и Россия — соседи, оказывающие самое большое влияние на Центральноазиатский регион. Они имеют естественные экономические связи, их объединяют общие горы и реки. Китай и Россия — главное окно во внешний мир для стран Центральной Азии. С точки зрения обеспечения безопасности даже помимо вопросов безопасности границ Китай, Россия и страны региона вместе стоят перед лицом террористической угрозы. Поэтому участие Китая и России в работе ШОС позволяет обеспечить более эффективное региональное сотрудничество, сформировать оптимальные рамки и условия для решения региональных вопросов во всех областях — геополитической, экономической, военной, а также в области безопасности и борьбы против международного

терроризма⁸. Особенности состава ШОС позволяют обеспечить для этого широкие возможности.

Деятельность России и Китая в ШОС объединяет усилия способствующих реальному обеспечению надежной защиты территорий, населения, ключевых объектов жизнеобеспечения и инфраструктуры государств-членов от разрушительного воздействия новых вызовов и угроз; созданию необходимых условий для устойчивого развития и искоренения бедности на пространстве ШОС.

Следует отметить, что ШОС имеет еще одну отличительную особенность — это единственная региональная структура международного сотрудничества в Центральной Азии, в состав которой входит Китай. Данное обстоятельство важно как для организации, так и для самого Китая. Для ШОС вступление в нее КНР означает не просто появление еще одного участника. Китай оказывает вполне определенное влияние на саму сущность организации, основные темы сотрудничества, стратегические направления развития, внутренние и внешние отношения, а также на ее имидж.

Проблема международного терроризма и религиозного экстремизма особенно остро стоит на территории Центральной Азии, а активизация экстремистских организаций исламского толка и нестабильность в Афганистане представляют реальную угрозу для всех государств этого региона. Поэтому для Казахстана, Киргизии и Таджикистана участие в Шанхайской организации сотрудничества дает возможность привлечь военно-политические ресурсы России и Китая для отражения угроз, что немаловажно, учитывая ограниченные возможности бывших среднеазиатских республик Советского Союза⁹.

Большое значение для обеспечения в борьбе с терроризмом страны ШОС придают сотрудничеству и углублению совместных действий с ОДКБ (Организация Договора о коллективной безопасности). Данные организации - это фактически один и тот же набор государств. Шанхайская организация сотрудничества - это ОДКБ плюс Китай. При этом ни та, ни другая организация не подменяют друг друга и не дублируют. В ШОС отсутствует военная составляющая, поэтому ОДКБ гармонично дополняет Шанхайскую организацию, придавая ей дополнительный антитеррористический потенциал. В связи с этим партнерство ШОС и ОДКБ имеет большие перспективы в деле противодействия террористической, экстремистской и сепаратистской деятельности в Центрально-Азиатском регионе. Как отметил генеральный секретарь ШОС Болат Нургалиев¹⁰, его подписание станет для Шанхайской организации сотрудничества очередным шагом в расширении международных контактов. А как подчеркнул генеральный секретарь ОДКБ Николай Бордюжа, "поле деятельности ОДКБ и ШОС очень велико, и вопросы по

⁸ См.: Чжао Хуашэн *Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества*/ Московский Центр Карнеги. *Working papers* -Issue 5, 2005

⁹ . См.: Калиева Д.А. «Шанхайская пятерка»: состояние и перспективы// *Центральная Азия: политика и экономика*. 2001, № 5-6

¹⁰ На острие противодействия угрозам // *Красная звезда* 7.04.2007

обеспечению безопасности нужно решать вместе". Он также дал высокую оценку проходящим учениям "Мирная миссия-2007".

ШОС предстоит еще многое сделать и решить, но уже сейчас ясно - организация становится влиятельным и эффективным международным институтом, постепенно превращаясь в важный инструмент международной политики и безопасности.

Россия и Китай осуществляют двухстороннее сотрудничество. Они считают, что стратегическое сотрудничество в рамках ШОС в борьбе с международным терроризмом — это нечто большее, чем простой перечень высоких целей или изложение азбучных истин. Россия и Китай считают, что терроризм во всех его проявлениях представляет сегодня глобальную опасность и что борьба с ним требует эффективных усилий всего мирового сообщества на основе международного права. В связи с этим можно отметить, что формирование антитеррористической правовой базы для России и Китая актуально и необходимо.

В своей Декларации от 2007 года Россия и Китай отмечают, что ответы на сложные вызовы современности - будь то международный терроризм или региональные конфликты и кризисы - могут и должны быть найдены на основах многосторонности и кооперативности, при соблюдении норм и принципов международного права.

Россия и Китай считают, что сотрудничество государств в сфере противодействия новым вызовам и угрозам должно стать краеугольным камнем системы международной безопасности. В этой связи они отмечают необходимость дальнейшего совершенствования договорно-правовой базы международного антитеррористического сотрудничества, которое должно отвечать положениям Глобальной контртеррористической стратегии ООН и антитеррористических резолюций СБ ООН, осуществляться при строгом соблюдении Устава Организации и антитеррористических конвенций, заключенных под эгидой ООН. Стороны выражают надежду на скорейшее вступление в силу Международной конвенции по борьбе с актами ядерного терроризма и завершение согласования в ООН Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму. Успех в обуздании терроризма, сепаратизма и экстремизма возможен только на базе самого широкого регионального сотрудничества. Россия и Китай готовы к укреплению взаимодействия с международными региональными организациями в Азиатско-Тихоокеанском регионе и их антитеррористическими структурами в целях совместного пресечения новых вызовов и угроз¹¹.

Китайские и российские власти смотрят на ШОС прежде всего как на инструмент в борьбе с угрозой исламского экстремизма. В этом аспекте существуют две точки соприкосновения: с российской стороны - это Чечня, с китайской - это «Уйгурстан» или «Восточный Туркестан» (Синьцзян - Уйгурский автономный округ),

¹¹ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 26 марта 2007 г. в Москве
http://www.kremlin.ru/interdocs/2007/03/26/2014_type72067_120789.shtml

как его было принято называть до 50-х гг. 20 века. Уйгуры видят свое будущее в создании независимого государства, что, естественно, вызывает озабоченность в Пекине. Поэтому Китай и Россия рассматривают борьбу с терроризмом в Синьцзяне и в Чечне как часть борьбы с международным терроризмом. Однако уйгуры активизируются не только внутри Синьцзяна, очень активны их организации в Казахстане, Киргизии, Узбекистане. Уйгурский сепаратизм также становится головной болью для Москвы.

Владимир Путин считает, что у стран - членов Шанхайской организации сотрудничества уже есть эффективные рычаги для совместной борьбы с терроризмом, сепаратизмом.¹² При обсуждении этих вопросов в ходе встреч в Шанхае лидеры двух государств отметили, что чеченские террористы и сепаратисты из организации «Восточный Туркестан» являются частью глобального терроризма, поэтому их деятельность должна быть прекращена.

Важно, что в ближайшее время Россия и Китай будут координировать подходы к борьбе с терроризмом как в двустороннем порядке, так и в рамках ООН, а также с использованием возможностей ШОС.

Главы ШОС, в том числе Россия и Китай, не раз указывали на то, что терроризм во всех его проявлениях представляет сегодня глобальную опасность и борьба с ним требует эффективных усилий мирового сообщества на основе международного права. Рассматривая различные аспекты ситуации в мире с акцентом на развитии событий в Афганистане и вокруг него, они констатировали совпадение или близость оценок по этим вопросам и высказались в пользу того, чтобы добиваться превращения Афганистана в мирное и дружественное по отношению к своим соседям государство".

После теракта в Беслане правительство Китая предоставило гуманитарную помощь пострадавшим в 10 млн. юаней, а Китайское общество Красного Креста перечислило 100 тыс. американских долларов. Правительство Китая было готово принять у себя для лечения часть пострадавших в теракте детей, а также приняло решение послать в Россию медицинскую группу в составе высококвалифицированных врачей и медсестер, которая должна на месте оказывать помощь раненым детям, сообщил посол. Одним словом, Китай и дальше будет оказывать России решительную поддержку в плане борьбы с терроризмом и сепаратизмом.

В настоящее время Китай и страны АСЕАН сотрудничают в таких нетрадиционных сферах безопасности, как пресечение наркобизнеса, перевозок незаконных эмигрантов (в частности торговли женщинами и детьми), пиратства, терроризма, контрабанды оружием, отмывания денег, транснациональных экономических преступлений и преступлений в сети Интернета. Представитель МИД КНР заявил, что Китай принимает активное участие в международном сотрудничестве по борьбе с терроризмом. Представитель министерства иностранных дел КНР Кун Цюань заявил, что Китай будет, как и прежде, принимать

¹² РИА Новости 14-06-2006

активное участие в международном взаимодействии по борьбе с терроризмом. При этом китайский представитель отметил, что Китай является одной из жертв терроризма, представляющего собой всемирное зло для международного сообщества, и поэтому китайское правительство постоянно и решительно выступает против терроризма во всех его проявлениях. В международном формате китайское правительство активно участвовало и содействовало принятию Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности ООН резолюций о борьбе с терроризмом, а в многостороннем плане КНР учредила со многими странами мира, включая США, Великобританию, Россию, Францию, Индию и Пакистан, механизмы консультаций по борьбе против терроризма. Правительство Китая также предприняло меры по дальнейшей борьбе с финансовым и правовым терроризмом, обеспечению безопасности гражданской авиации, иммиграционному контролю.

Китайское правительство неоднократно заявляло, что оно и дальше будет сотрудничать с мировым сообществом в борьбе с терроризмом, проводить консультации с соответствующими странами, перенимать положительный опыт других государств, принимать меры по борьбе против терроризма в тех областях, где это необходимо.

Сегодня Россия и Китай подтверждают намерение предпринимать совместные шаги в борьбе с терроризмом.

В 2002 президент РФ Владимир Путин и председатель КНР Цзян Цзэминь подписали совместную декларацию о стратегическом партнерстве. В частности, в документе отмечается, что преступные вылазки международного терроризма в Нью-Йорке, Москве, на острове Бали и в других районах мира свидетельствуют о том, что терроризм, сепаратизм и экстремизм представляет серьезную угрозу безопасности суверенных государств, миру и стабильности в глобальном масштабе. В этом вопросе у Китая и России есть общие интересы, и их принципиальные позиции совпадают. Китай решительно выступает против любых актов терроризма, независимо от того, где они совершены, кем и когда, против кого направлены. Обе страны согласны, что к проблеме борьбы с терроризмом должны быть единые подходы и единые критерии, нужно решительно выступать против любых форм терроризма и наносить по ним удары. Руководители России и Китая полагают, что в решении этих проблем не может быть "двойных стандартов", а противостоять терроризму необходимо совместными усилиями всех государств¹³.

17 августа 2007 года председатель КНР Ху Цзиньтао провел в Челябинске встречу с президентом РФ Владимиром Путиным. Ху Цзиньтао указал, что на данный момент нетрадиционные факторы в сфере безопасности остаются актуальными. Терроризм создает серьезную угрозу миру и развитию на планете. Он подтвердил, что Китай и Россия неизменно и твердо противодействуют терроризму в любых формах. Оценив сотрудничество между Китаем и Россией в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, как "благоприятное", глава китайского

¹³ Россия и Китай подтверждают намерение предпринимать совместные шаги в борьбе с терроризмом. <http://www.relcom.ru/Right?id=20021202073051>

государства выразил надежду на его дальнейшее наращивание. Президент России В. Путин свою очередь отметил, что нынешние учения демонстрируют высокий уровень российско-китайских отношений стратегического взаимодействия и партнерства, имеют большое значение для защиты безопасности и стабильности в регионе и знаменуют выведение на новый уровень сотрудничества в рамках ШОС в сфере безопасности. Президент констатировал, что Россия и Китая, которые придерживаются одинаковых позиций в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, справляются с принятием совместных действий в этом направлении. По его словам, Россия высоко оценивает сотрудничество с Китаем в области безопасности и надеется на совместные с другими членами ШОС усилия, направленные на внесение вклада в обеспечение безопасности в регионе¹⁴.

Важно отметить, что существуют вполне конкретные направления взаимодействия России и Китая в борьбе с международным терроризмом. 15 января 2004 г. в Москве состоялось четвертое заседание российско-китайской Рабочей группы по борьбе с терроризмом. Российскую делегацию возглавлял заместитель Министра иностранных дел А.Е. Сафонов, китайскую - заместитель Министра иностранных дел Шэнь Гофан. На встрече было подчеркнуто, что сотрудничество России и Китая в области противодействия терроризму отвечает интересам двух стран, а также является общим вкладом в усилия глобальной антитеррористической коалиции, способствует укреплению правовой базы борьбы с терроризмом, содействует упрочению региональной и международной безопасности и стабильности. Стороны подтвердили, что террористы и сепаратисты Чечни и "Восточного Туркестана" являются составной частью международного терроризма и должны быть осуждены и стать объектом совместной борьбы со стороны всех государств мира. Китайская сторона поддерживает борьбу российской стороны с чеченскими террористами. Российская сторона поддерживает борьбу китайской стороны с "восточно-туркестанскими" террористами¹⁵.

Представители России и Китая часто обмениваются опытом борьбы с международным терроризмом. Такой обмен, например, состоялся в ходе четырехдневного визита в Москву делегации Народной вооруженной полиции КНР во главе с начальником главного штаба генерал-лейтенантом Чэнь Чуанько.

Глава китайской делегации заявил, что в КНР внимательно следят за действиями России по борьбе с терроризмом и экстремизмом, особенно на Северном Кавказе. В войсках Народной вооруженной полиции Китая также есть наработки в области борьбы с терроризмом, заслуживающие внимательного изучения.

Во время встреч в главкомате внутренних войск МВД РФ обращено внимание на консолидацию действий правоохранительных органов России и Китая по пресечению международной преступности и регионального экстремизма. Основой

¹⁴ [Агентство Синьхуа](#) 2007/08/18

¹⁵ *Дипломатический Вестник*, февраль 2004

для деловых контактов правоохранительных ведомств служит подписанное двумя странами в 2001 году соглашение о добрососедстве и сотрудничестве.

Российско-китайские совместные военные учения имели конкретное антитеррористическое направление. Они имеют целью обучить вооруженные силы двух стран взаимодействию в противодействии терроризму. Посол РФ в КНР Сергей Разов отметил, что российско-китайские совместные военные учения нацелены на усиление борьбы против терроризма¹⁶.

Спецслужбы России и Китая будут консолидировать усилия в борьбе с терроризмом, незаконным пересечением границы, оборотом наркотиков и контрабандой. На регулярных антитеррористических учениях военные продемонстрировали друг другу наработки и опыт, полученные в последние годы в сфере борьбы с терроризмом.

Международные учения, на которых спецслужбы отрабатывают методы совместной борьбы с террором, оперативный обмен информацией, в том числе и секретной, привели к созданию общего банка данных - не только по преступным организациям, но и конкретным людям, подозреваемым в терроризме.

В соответствии с протоколом развития сотрудничества между ФСБ России и Министерством общественной безопасности Китая состоялась рабочая встреча представителей спецслужб двух стран. Главной темой обсуждения стали вопросы взаимодействия двух ведомств на региональном уровне, порядок и механизм совместного противодействия угрозам безопасности Китая и России, возникающим в результате противоправных действий преступных группировок и отдельных граждан, проживающих в приграничных районах.

Важным фактом является и то, что в декабре 2004 года глава Минобороны РФ Сергей Иванов принял участие в заседании межправительственной российско-китайской комиссии по военно-техническому сотрудничеству (ВТС).

Для участия в заседании межправительственной комиссии (сопредседателем которой с российской стороны является Иванов) тогдашний российский министр обороны посетил 12-15 декабря 2004 года столицу Китая Пекин.

Важно, что Иванов также обсудил вопросы расширения военно-технического сотрудничества с Китаем, перспективы заключения новых проектов в области ВТС, а также вопросы борьбы с международным терроризмом и стабилизацию ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Состоялись заранее запланированные встречи Иванова с представителями высшего военного руководства Китая.

Китай является стратегическим партнером России в сфере ВТС. Так в последние годы Россия продала Китаю самолеты Су-27 и лицензию на их производство, два эсминца проекта 956 (типа "Современный") со сверхзвуковыми крылатыми ракетами ЗМ-80-Э ("Москит"), не имеющих аналогов в мире.

¹⁶ Газета "Жэньминь Жибао", 16 марта 2006

Российский министр обороны уже посещал Китай в апреле 2004 года. Тогда стороны однако не подписали никаких конкретных документов по ВТС, однако несмотря на это представители обеих стран расценили визит как важное событие в развитии российско-китайских отношений. В частности Иванов обсудил с представителями китайского руководства перспективы взаимодействия России и Китая в военной сфере и в области борьбы с международным терроризмом, вопросы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и вопросы нераспространения оружия массового поражения¹⁷.

Необходимо отметить, что военно-техническое сотрудничество является одновременно одной из важнейших основ совместной борьбы России и Китая с международным терроризмом. Дело в том, что сегодня терроризм приобретает все более изощренные и крупномасштабные формы. Для борьбы с подобными проявлениями международного терроризма нередко приходится прибегать к серьезным военно-техническим средствам.

Одновременно, обмениваясь опытом использования военно-технических средств, руководители силовых ведомств все чаще затрагивают проблему международного терроризма. Эта тенденция прослеживается особенно четко в отношениях России и Китая.

Выводы:

Россия и Китай сегодня являются активными участниками борьбы с международным терроризмом. И особенно важным для достижения основных целей в данной области является взаимодействие России и Китая. Важными основами подобного взаимодействия являются: РАТС ШОС, двусторонние договоры между Россией и Китаем и ряд других факторов, что касается антитеррористического сотрудничества России и Китая в рамках ШОС, то оно также весьма заметно. Наряду с отдельными государствами СНГ, Китай является важным партнером России в борьбе с международным терроризмом, который все более усиливается в последние годы.

В целом же на основе проведенного в работе анализа можно сделать вывод о том, что сотрудничество России и Китая по вопросам борьбы с международным терроризмом является достаточно плодотворным и перспективным. Развитие подобного сотрудничества должно стать одним из важных направлений внешней политики двух государств на ближайшую перспективу. Это сотрудничество включает: сотрудничество в рамках СБ ООН и РАТС ШОС; регулярные заседания российско-китайской рабочей группы по борьбе с терроризмом; регулярные рабочие встречи представителей спецслужб двух стран, обсуждение вопросов взаимодействия двух ведомств по механизмам совместного противодействия угрозам безопасности; совместные антитеррористические военные учения; военно-техническое сотрудничество. Эти направления нуждаются в дальнейшем совершенствовании и укреплении.

¹⁷ *Правда, 9 декабря 2004 года*

Новые книги

**Полтерович В.М. Элементы теории реформ.
М.: Изд. «Экономика», 2008.**

Теория реформ - сравнительно новый раздел экономической теории, изучающий процессы целенаправленного изменения экономических институтов.

В монографии развивается взгляд на реформу как на процесс построения институциональной траектории, удовлетворяющей определенным требованиям. Сопоставляются разные стратегии реформ, рассматриваются проблемы трансплантации экономических институтов, изучаются механизмы формирования и эволюции институциональных ловушек и причины трансформационного спада. Исследуются процессы стабилизации цен, приватизации, реформирования рынка труда, изучается влияние демократизации на экономический рост. Особый акцент сделан на рассмотрении моделей, описывающих трансформацию институтов в России и других переходных экономиках

**Региональное измерение государственной
экономической политики России / Под общей редакцией
А.С. Малчинова. М.: Изд. «Научный эксперт», 2008.**

В книге представлены основные результаты выполненного экспертами Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования исследования актуальных проблем социально-экономического развития регионов России, эффективности используемых в рамках государственной региональной политики основных подходов к решению этих проблем и обоснования предложений по совершенствованию системы государственно-управленческих мер в этой сфере.